

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Исторический факультет

Н.И. Майоров

Введение в историю Древнего Востока
Учебное пособие

Томск – 2003

Работа выполнена, прошла обсуждение и утверждение на кафедре истории древнего мира, средних веков и методологии истории исторического факультета Томского государственного университета.

УДК 932.04

ББК 63.3(0)3

Майоров Н.И. Введение в историю Древнего Востока. Учебное пособие. Томск: Изд-во Томского университета, 2003. 143 с.

Учебное пособие посвящено важнейшим теоретическим проблемам современного востоковедения, сложность понимания которых для студентов и обусловила необходимость его создания. Структура пособия отражает наиболее значимые для древневосточной истории темы: понятие «Древний Восток», его географические и хронологические рамки; проблемы цивилизационно-формационной принадлежности стран Древнего Востока; краткий очерк источниковедения и историографии; особенности социальной организации и государственно-политического устройства первых на земле цивилизаций.

Пособие предназначено для студентов исторического факультета дневной и заочной форм обучения.

Составитель: Майоров Н.И., старший преподаватель кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории ИФ ТГУ.

Рецензент:

При поддержке Института «Открытое Общество» (Фонд Сороса).

© Майоров Н.И., 2003.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В традициях Томского государственного университета, исторического факультета и кафедры истории древнего мира и средних веков, всегда быть на уровне достижений современной науки, высоко держать планку требований, предъявляемых к студентам, добиваться глубокого понимания актуальных и дискуссионных теоретико-методологических проблем и свободного владения фактическим материалом. Поэтому настало время попытаться исправить один из недостатков наших отечественных учебников по истории Древнего Востока, а именно – отсутствие основательного введения в историю первых на Земле цивилизаций.

В последний раз такая попытка предпринималась в 1973 году¹. Но вышедшее тогда в Перми учебное пособие на сегодняшний день является практически недоступным для большинства студентов. Кроме того, оно написано в духе марксистского формационного подхода, который предполагает, прежде всего, изучение существовавших в прошлом форм собственности, методов эксплуатации, классовой структуры и классовой борьбы и т.д. Не может нас в полной мере удовлетворить и вводная часть учебника Л.С. Васильева², где на основе использования теорий западной социологии и этнологии, автор пытается создать новую универсальную парадигму рассмотрения дихотомии «Восток–Запад».

Даже 3-е издание учебника «История Древнего Востока» под редакцией В.И. Кузицина 1999 г., «переработанное и дополненное», ограничилось созданием десятистраничного введения, которое должно было учесть сдвиги, произошедшие в востоковедческой науке. Сам же текст учебника претерпел очень небольшие изменения, в частности пересмотрена лишь хронология истории Древнего Египта, правда, без объяснения причины такого пересмотра.

В определенной степени неполным, не затрагивающим некоторых важных дискуссионных проблем истории Древнего

---

¹ Неронова В.Д. Введение в историю древнего мира. Пермь, 1973.

² Васильев Л.С. История востока. В 2 т. М., 1993.

Востока, в частности проблемы источниковой базы и историографии, представляется написанное профессором Петербургского Института Востоковедения В.А. Якобсоном введение к учебнику «История Древнего Востока» для педагогических институтов³.

В настоящем пособии рассматривается основополагающий для курса «История Древнего Востока» вопрос о происхождении и эволюции самого термина «Восток», проясняется содержание используемых в обществоведении краеугольных категорий, таких как «формация», «цивилизация», «культура» и их соотношение. Особое внимание уделяется проблемам источниковой базы истории Древнего Востока, ее периодизации и абсолютной хронологии. Рассмотрен процесс развития историографии Древнего Востока в плане взаимодействия формационного и цивилизационного подходов. Последняя глава посвящена двум важнейшим теоретическим проблемам востоковедения – современному пониманию роли общины и государства на Востоке.

Будем надеяться, что данное пособие, основанное на цикле вводных лекций, читаемых автором в рамках общего курса «История Древнего Востока» для студентов исторического факультета Томского государственного университета, поможет составить более ясное представление о сложнейших проблемах востоковедения.

---

³ В настоящий момент данный учебник находится в печати. Профессор В.А. Якобсон любезно предоставил нам возможность ознакомиться с его текстом в рукописи.

ГЛАВА 1

Понятие «Древний Восток»: географические и хронологические рамки

Возникновение понятий «Восток» и «Запад» связано с расширением географического кругозора первобытных и древних людей. Расселение Homo sapiens, происходившее в течение многих тысячелетий, приводило к освоению все новых и новых территорий. Во времена «неолитической революции», начавшейся примерно 12–10 тысяч лет назад, усиливается обмен продуктами между земледельцами и скотоводами, что вынуждает наших предков выходить за рамки племенной территории. Накопленные новые географические знания, которые добывались в ходе военных походов и торговых экспедиций, непосредственного освоения Ойкумены в результате миграций, в бесписьменные времена сохранялись, приумножались и передавались в виде легенд и рассказов. С возникновением письменности появилась возможность сделать эти знания общим достоянием. Благодаря сохранившимся письменным памятникам мы можем представить географический кругозор создателей древнейших на земле цивилизаций: Месопотамии, Египта, Индии, Ирана, Китая и, что для нас особенно важно, Финикии и Греции.

Впервые деление окружающего мира на Запад и Восток совершили финикийские мореплаватели. Но всеобщее признание деления мира на эллинизированный и романизированный Запад и «варварский Восток» получило в античном мире у греков и римлян. Эта зыбкая грань между Востоком и Западом постоянно менялась, но противопоставление сохранялось. Наиболее наглядно это проявилось в распаде Римской империи на две части: Западную и Восточную. В средние века Востоком для христианского мира стала и родина этого понятия – Греция, захваченная турками-османами. Характерной чертой взаимодействия двух регионов является взаимопроникновение. Достаточно вспомнить великие финикийскую и греческую колонизации, времена эллинизма, огромные масштабы Римской державы. В новое время, когда идет процесс создания европейскими державами, прежде всего Великобританией и Францией,

обширнейших колониальных империй, большая часть стран Востока попадает в зависимость от метрополий. Это еще больше усиливает противопоставление "передового" капиталистического Запада и «отсталого» консервативного Востока. Представление об их коренном различии образно выразил Р. Киплинг, не совсем справедливо называемый иногда "бардом английского колониализма":

*Запад есть Запад,
Восток есть Восток,
Не встретиться им никогда,
Лишь у подножья Престола Божьего
В день страшного суда.*

Итак, мы наглядно видим, что сам термин «Восток» есть понятие условное, исторически изменчивое.

Под термином «Древний Восток» понимают обычно тот период истории, который хронологически и генетически предшествовал эллинизму и христианству⁴. В настоящее время этим условным термином принято обозначать совокупность очень далеких по географическим и хозяйственным условиям областей, оседлых и кочевых народов. Обществ, только выходящих из состояния первобытности и более продвинутых народов, уже переступивших порог цивилизации. Они говорили на сотнях языков и верили в бесчисленное множество богов. Что же позволяет усматривать в этом многообразии определенное единство и объединять в курсе истории Древнего Востока, составляющей первую часть истории древнего мира?

Вторую часть истории древности традиционно составляет история Древней Греции и Древнего Рима или времена античности и «классической древности». Такое разделение истории древнего мира на две части, с одной стороны, отражает специфику развития Древнего Востока и античных стран, а, с другой стороны, выражает общие черты древних сословно-классовых обществ. Если раньше, в советское

---

⁴ Тураев Б.А. История Древнего Востока. Л., 1936. Т. I. С. 1.

время, считалось бесспорным, что объединяет эти два этапа черты общечеловеческих закономерностей исторического развития и их принадлежность к единой рабовладельческой фармации, то в наши дни этот взгляд подвергается массивной критике и отвергается большинством исследователей. Но при этом есть согласие подавляющей части исследователей древности в том, что существует некоторая общая основа всех древних цивилизаций. Это проявляется в наличии некоторых общих черт социально-экономического строя, политических институтов, религиозно-культурной жизни всех древних обществ. Объединяет их, прежде всего, тот важнейший факт, что все они вышли из первобытности и вступили в стадию цивилизации, причем первыми проделали этот путь древневосточные общества.

Пространственные рамки истории Древнего Востока в востоковедении, складывающемся фактически в XIX веке, непрерывно менялись. Первоначально интерес ученых был прикован к странам Ближнего Востока, что связано, в первую очередь, с авторитетом Библии, из которой черпали первые сведения об истории древних государств и народов. В науке даже сложилось такое понятие, как «классический Восток», рамки которого ограничивались ареалом Средиземного моря (Масперо, Тураев и др.). Именно Ближний Восток являлся родиной древних цивилизаций. Сюда входили территории Северо-Восточной Африки (Древний Египет) и значительная часть Передней Азии, охватывающая Малую Азию, Месопотамию, области Восточного Средиземноморья, Армянское нагорье, Аравийский полуостров. В 20-е годы XX века с интенсификацией исследований по древней истории Индии и Китая, стала очевидной близость социально-экономического и культурного развития на огромных пространствах Азии и Африки. Это привело к расширению географических рамок Древнего Востока. Так, например, в советской науке В.В. Струве в 30-е годы включил сюда Индию и Китай. Еще позднее в историю Древнего Востока были включены Средняя Азия, Закавказье, страны Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока (Япония, Корея). Сейчас уже нельзя отрицать близость крито-микенского общества и доколумбовых цивилизаций Америки к странам «классического

Востока». Возможно, что в ближайшем будущем студенты исторического факультета тоже будут изучать их в курсе истории Древнего Востока. Такое расширение границ Древнего Востока имеет теоретическое и фактическое обоснование. Названные регионы непосредственно входят в мир древних цивилизаций. И по характеру социально-экономического строя, политической организации и уровню культуры они относятся в целом к тому же типу общества, что и «классические» страны и государства.

Итак, мы видим, что географические, пространственные рамки нашего курса непрерывно расширяются. Территория, называемая ныне Древним Востоком, простирается с запада на восток от современного Туниса, где располагался древний Карфаген, до современных Китая, Японии, Индонезии; а с юга на север – от современной Эфиопии до Кавказских гор и Южных берегов Аральского моря. В этой обширной географической зоне существовали многочисленные государства, оставившие яркий след в истории человечества: Великая Египетская держава, несколько крупных государств на территории Месопотамии (в том числе Вавилонское и огромная Ассирийская держава), Хеттское царство, государство Урарту, Мидия и мировая Персидская монархия (в состав которой входили территории почти всего Ближнего и частично Среднего Востока), державы Маурьев и Гуптов в Индостане, империи Цинь и Хань в Китае и многие другие государственные образования.

Востоковеды давно пытаются объяснить причину возникновения самых древних на Земле цивилизаций в довольно узком географическом поясе от 20 до 40 параллели северного полушария. Возникла даже так называемая «загадка 30 параллели». И здесь мы подходим к вопросу о роли географического фактора в истории человеческих сообществ и, конкретно к тому, какую роль он сыграл в судьбах народов Древнего Востока. Об этих проблемах задумываются философы и историки, географы и этнологи. Возникают даже пограничные области знания – историческая география и социоестественная история, которые стремятся создать теорию взаимодействия общества и природы в прошлом, связать исторические

события с изменениями окружающей среды, исследовать взаимную связь мира природы и мира людей⁵.

От ответа на эти вопросы будет во многом зависеть оценка места и роли Востока в общем контексте истории человечества. Существует ли некоторое единое направление исторического процесса или же различные общества и цивилизации развиваются по своим особым путям? Теоретически вполне допустимо, что местные особенности, зависящие, прежде всего, от географического фактора, приводят в конкретных условиях к неповторимым путям развития и порождают особые типы общества. В наиболее общем виде вопрос сводится к дихотомии «Запад» (т.е. Европа) и «Восток» (т.е. остальной мир).

Мы легко можем добавить к списку вопросов, связанных с влиянием окружающей среды на человеческие общества множество новых. Отчего одни народы довольно рано перешли порог, который мы называем цивилизационным, а почему другие племена задержались на уровне первобытности? Почему именно в Египте и Нижней Месопотамии возникли первые цивилизации? И тут не обойтись без обращения к *географическому фактору*. Что же он собой представляет? Это есть многообразие естественных условий, которые воздействуют на жизнь человеческих сообществ. Сюда входят климат, ландшафт, степень обеспеченности водой и природными ресурсами – металлами, деревом, камнем и т.д.

Впервые в научном плане о воздействии природной среды на формы человеческого общежития в полный голос заявил французский просветитель старшего поколения Шарль Монтескье. В своем произведении «О духе законов» он обосновал решающую роль природно-климатических условий на особенности материального и духовного развития различных народов и формы их государственности и права. Для небольших территорий он считал идеальной формой демократию. Для крупных образований наиболее подходящей формой правления он считал ограниченную монархию

---

⁵ Жекунин В.С. Историческая география. М., 1982. С. 4–5.

(аристократию). Для огромных же государств типа Персидской или Российской держав наиболее подходящей формой является деспотия или абсолютная монархия. Монтескье по праву считают отцом теории географического детерминизма

Несколько позднее складывается натуралистическое понимание цивилизации как общества, определяемого взаимодействием с окружающей природой на основе типа хозяйства или производимого продукта, имеющего решающее влияние на все общество: бронзовая, железная, земледельческая, кочевая, индустриальная и тому подобные «цивилизации». Этот подход лег в основу работы известного русского ученого Л. Мечникова «Цивилизация больших рек», где речь идет не о географическом детерминизме, а о взаимодействии человека с природной средой и способах ее освоения. Наиболее благоприятными местами для такого успешного взаимодействия, а, следовательно, и для возникновения первых цивилизаций были долины великих рек – Нила, Тигра и Евфрата, Инда и Ганга, Хуанхэ и Янцзы.

В 90-х годах появляется серия работ Э. Кульпина, Б. Прусакова, Г. Клименко и ряда других авторов, основанные на принципах социоестественной истории, в которых изучение различных обществ происходит на основе взаимосвязи природы и общества, взаимодействии природных факторов и хозяйственной деятельности человека. «Вмещающий ландшафт», т.е. окружающая среда формирует суперэтнос с «общей судьбой», жизненный путь которого и составляет цивилизацию⁶.

Что же можно сказать о попытках сторонников социоестественной истории (СЕИ) при помощи понятий «вмещающий ландшафт», «бифуркация» и пр. предложить новую объясняющую модель? С одной стороны, природно-географический фактор, вне всякого сомнения, накладывает отпечаток на устройство общества и организацию его хозяйственной деятельности, а также на атрибуты духовной жизни, которые необходимы для создания технологий.

---

⁶ Кульпин Э.С. Бифуркация: Запад – Восток. М, 1996. С. 90. См. так же: Черняк Е.Б. Цивилизациография: Наука о цивилизации. М., 1996.

Однако, (и здесь мы полностью согласны с Б.С.Ерасовым) «географическая детерминация условий человеческого существования сама по себе не создает определенного общества и его истории. Здесь при попытке сконструировать особые «цивилизации» выстраиваются цепочки «природа – технология – производство – мировоззрение – общество». Явно наблюдается перекокс в сторону факторов природно-хозяйственного характера при недооценке роли социокультурных факторов в истории. Мировоззрение в большой степени отражает не характер природной среды, а потребность складывающегося сложного общества в более устойчивой регуляции. Географический детерминизм и натуралистический подход не способствуют пониманию значения высокой культуры, динамики духовной жизни, особенно в огромных мировых империях, включающих разнообразный «вмещающий ландшафт», среды обитания, с разнообразными технологиями и способами хозяйствования⁷.

Марксистская теория не признавала роли географического фактора как главной определяющей причины исторического процесса, хотя, справедливости ради, нужно сказать, что в работах Маркса неоднократно встречаются фразы, говорящие о значительном влиянии природных условий на общество. Однако главной силой прогрессивного развития человечества марксизм объявлял способ производства, т.е. взаимодействие производительных сил и производственных отношений, которые определяются в первую очередь формой собственности и характером эксплуатации непосредственных производителей. Так возникли две формы детерминизма – географический и политэкономический. Позднее к ним добавилась еще одна разновидность – так называемый биологический или расовый детерминизм, наиболее значимыми проявлениями которого стали арийская расовая теория Смита и Чемберлена и нордическая теория нацистов. В их основе лежал гегельянский принцип разделения народов на исторические и неисторические.

---

⁷ Ерасов Б.С. Цивилизации. Универсалии и самобытность. М., 2002. С. 24–25.

Любая форма детерминизма не может служить фундаментом для осмысления истории человечества. Каждая из них акцентирует внимание на какой-то одной стороне многообразного развития исторического процесса и потому ограничена.

В настоящее время становится все более очевидным, что, чем далее мы смотрим в глубь тысячелетий, тем более убеждаемся в том, что географический фактор в разные периоды истории человечества играл неоднозначную роль. Конечно, на ранних этапах природная среда имела огромное, определяющее воздействие на жизнь первобытных охотников и собирателей. Но чем более развивались производительные силы, совершенствовались орудия труда и навыки, усложнялась технология, тем меньше становилась зависимость людей от окружающей среды. В каждом регионе люди находили своеобразные методы покорения природы, создавали свои, подходящие именно для местных условий ирригационные сооружения и методы хозяйствования. Постепенно человек становился главной силой, преобразующей лицо планеты, или как говорил академик В.И. Вернадский, человек становился главной геологической силой истории. Крупнейший советский востоковед (египтолог) М.А. Коростовцев даже попытался сформулировать всеобщий закон, определяющий соотношение человеческого сообщества и природной среды: воздействие географического фактора обратно пропорционально технической вооруженности общества⁸.

Мы легко можем убедиться в правильности этой теории. Действительно, человечество, развившее могучие производительные силы, само загнало себя на грань экологической катастрофы. И в прошлом интенсивная деятельность древних земледельцев часто приводила к истощению жизненных сил земли и даже становилась причиной гибели развитых цивилизаций (подумайте о судьбах Нижне-Месопотамской или Индской цивилизации).

---

⁸ Коростовцев М.А. О понятии Древний Восток // Вопросы истории. 1970. № 1.

Итак, не преувеличивая чрезмерно роль географического фактора, мы все же должны сказать, что во многом именно природная среда определяла экономику и даже формы государственности и менталитета создателей древнейших цивилизаций. А теперь попытаемся конкретно проследить воздействие географического фактора на основные сферы жизнедеятельности древневосточных обществ. По природным условиям разные территории Древнего Востока имеют свои особенности, хотя им присущи и общие черты. В основном это районы субтропического климата с очень жарким сухим летом, мягкой зимой. Бассейны рек с их плодородными аллювиальными долинами перемежаются с пустынями, обширными плоскогорьями и горными хребтами. Именно здесь в период поздней первобытности в предгорьях и степях возникают первые очаги неолитической революции: Загрос, Палестина, Абиссинское нагорье, восточная часть Малой Азии и др. Здесь имелись все предпосылки для перехода от присваивающей экономики к производящей, т.е., произрастали дикорастущие зерновые злаки, имелись породы животных, пригодных для доместикации (одомашнивания). Это привело к образованию раннеземледельческих культур, ставших подлинными предтечами древневосточных цивилизаций. Создание экономики, основанной на земледелии и скотоводстве, явилось водоразделом в истории человечества. Морган и Энгельс именно по этому признаку выделяли две эпохи в истории первобытного общества: эпоху дикости и эпоху варварства, что, впрочем, сейчас оспаривается многими историками и этнологами. Еще в 30-е годы XX века известный английский археолог и историк Гордон Чайлд предложил назвать переход к земледелию и скотоводству «неолитической революцией», что отражало качественный скачок в развитии экономики, а затем и всех других сторон жизни людей. Теперь понятие «неолитической революции», первоначально отвергавшееся в советский период, стало общепринятым во всех общественных дисциплинах. Земледелие, основанное на культивировании высокопродуктивных сортов злаков (ячмень, пшеница, кукуруза, рис и т.д.) и разведение различных пород скота

привело к устойчивости в обеспечении продуктами, способствовало росту населения и улучшению бытовых условий.

Следствиями появления производящей экономики стали переход к оседлому образу жизни, развитие специализированного ремесла (керамика, ткачество, строительство прочных домов и т.д.), к большим успехам в интеллектуальной сфере. В общем, за переходом к новым формам хозяйства последовали кардинальные изменения в образе жизни, социальной структуре, в семейных отношениях, культуре. Но для успешного развертывания неолитической революции нужна благоприятная природная ситуация, значительная плотность населения и другие факторы. Понятно, что в этих условиях роль географического фактора была очень велика и по-разному проявлялась в различных регионах Востока. Это породило значительное несходство в характере обществ и созданных ими культурных комплексах, в темпах продвижения к цивилизационному порогу.

Именно в общинах земледельцев скотоводов создается значительный устойчивый продукт и накапливаются материальные и духовные ценности. Раннеземледельческие общества стали исходным пластом первых цивилизаций, хотя лишь отдельные из них самостоятельно прошли этот путь. Основной объем информации по неолитическим культурам доставляет Ближний Восток. Здесь, по меньшей мере, сложилось четыре значительных центра производящей экономики – Иордано-Палестинский, Мало-Азийский, Северо-Месопотамский и Египетский. В этих районах появляются крупные поселения (Иерихон, Чатал-Хююк и др.), что открывает большие возможности для длительной социальной и культурной эволюции. В предгорных областях, где и происходил переход к скотоводству и земледелию, основанному на использовании природных осадков и небольших ручьев, происходит быстрый подъем новых форм хозяйствования, появляется устойчивый прибавочный продукт, улучшаются условия жизни и обеспечивается рост населения. Однако ресурсы первых земледельческо-скотоводческих общностей были весьма ограничены. Многие из центров неолитических культур так никогда и не превратились в настоящие цивилизации. Сколько

потухло этих огоньков! Выжили лишь только те из ранних земледельческих обществ, которые сумели создать эффективные хозяйственные системы, обеспечивающие получение значительного прибавочного продукта, многократно превышавшего первоначальные объемы. Это происходило, прежде всего, там, где начинало играть все большую роль поливное земледелие.

Земледельческий труд способствовал упрочению такой формы социальной организации как община. Первоначально, в мезолите и начальной стадии неолита, люди объединялись в коллективы по признаку родства – родовые общины. Для этой формы социальной организации характерны огромная зависимость от внешних природных условий, безусловное господство коллективной собственности (прежде всего на добытый продукт), равнообеспечивающий принцип распределения, первобытный эгалитаризм, сочетающийся с меритократическим принципом управления, господство мистико-мифологического сознания на уровне первобытных верований.

С ростом земледельческого населения в предгорьях часть его стала уходить в глубь степей. При этом скотоводство в жизни переселяющихся племен начинало играть все большую роль, а посевы ячменя и других злаков все меньшую. Но древние скотоводы еще не стали номадами, т.е. настоящими кочевниками, не приручив пока ни коня, ни верблюда.

Когда выпас скота в данном районе становился невозможным, эти племена массами переселялись на другие места. Так в течение VI – IV тыс. до нашей эры совершилось расселение афразийских племен из Сахары по Северной Африке, а также по степным районам Ближнего Востока: Аравии, Сирии, Месопотамии (так на Ближнем Востоке доминирующим этническим элементом стали семиты). А начиная с III тыс. до нашей эры из своей прародины (о которой до сих пор идут жаркие споры) двинулись племена индоевропейской языковой семьи. С этого времени можно говорить об отделении скотоводов-полуземледельцев от земледельцев, сидевших на орошенных землях, как о первом великом общественном разделении труда. Это породило

более или менее устойчивый обмен продуктами своего труда и сырьевыми ресурсами, из которого вырастет позднее развитая торговля.

В процессе расселения общин из первоначальных центров земледелия и скотоводства в предгорных районах Ближнего и Среднего Востока произошли события, имевшие решающее значение для истории всего человечества. Между VI и III тыс. до нашей эры были освоены долины трех великих рек Африки и Азии: Нила, Нижнего Евфрата и Инда, сюда же можно отнести укрощение рек Каруна и Керхе в Эламе (юго-западной части Ирана). Несколько позже земледелие развилось в долине Хуанхэ. Избыточное население в предгорьях вынуждено было отходить на равнины, периодически заливавшимися водами рек. Здесь переселенцев ждали далеко не райские условия. Все эти реки текут через зону пустынь или сухих степей, климат очень жаркий. Поэтому хлеб не может расти без искусственного орошения. В то же время все три реки сильно разливались, надолго затопляя большие пространства. Посевы либо затоплялись паводком, либо сгорали от солнца. Поначалу жизнь была здесь менее надежна, чем в предгорьях. К тому же в долинах, как правило, не хватает строительных материалов и металлов. Понадобился упорный труд многих поколений, чтобы решить задачу рационального использования разливов рек для целей земледелия.

Это была крупнейшая победа, которая привела, в конечном счете к следующему важнейшему рубежу в истории человечества – цивилизации, как более высокой ступени развития общества. В первую очередь это произошло в долине Нила и Евфрата, где выше продуктивность труда и темпы социального развития. Постепенно, под воздействием великих первичных цивилизаций происходит расширение семьи цивилизованных обществ и раздвигаются пространственные рамки Древнего Востока до тех пределов, которые мы очертили выше⁹.

---

⁹ В этом разделе использованы выводы И.М. Дьяконова. См.: История Востока. Т.1. Восток в древности. М., 1997. Гл. I. С. 27–44.

Меняются и хронологические рамки истории Древнего Востока. Причем вопрос о временных характеристиках истории древневосточных обществ достаточно сложен и дискуссионен. Неравномерность исторического развития стран Древнего Востока обусловило своеобразие хронологических рамок для разных регионов. В марксистской историографии долгое время считалось, что начало истории древневосточных обществ связано с зарождением и развитием рабовладения, а конец их истории определяется разложением и гибелью рабовладельческой формации и становлением феодальных отношений, но подобный критерий отсчета исторического времени для стран Востока представляется сейчас довольно размытым и малообоснованным. Действительно, где искать эту грань, отделяющую первобытность от рабовладения и рабовладение от феодализма, когда сейчас становится ясным, что рабство никогда не являлось ведущим системообразующим укладом на Востоке, что оно существовало на всех этапах его истории, что социально-экономический строй восточных обществ испокон веков характеризуется многоукладностью. Поэтому в наши дни принято считать, что хронологически период древности на Востоке начинается с создания основ цивилизации и государственности, а древнейшие сословно-классовые общества и государства образовались на Ближнем Востоке в конце IV – начале III тыс. до н. эры. Для других же регионов история древности начинается позже. Так, например, первая на территории Индостана городская цивилизация – Индская складывается в середине III тыс. до нашей эры. К еще более позднему времени относится формирование основ древнекитайской цивилизации и других. Причем мы должны учитывать, что истоки и древнейшие пласты первых цивилизаций уходят корнями в неолитические земледельческие культуры. Например, В.Д. Неронова рассматривает историю Древнего Востока, как время сосуществования первобытной и рабовладельческой формаций, и с этим можно, в определенной степени, согласиться. Еще более расширяет хронологические рамки

истории Ближнего Востока польская исследовательница Ю. Заблоцка, начиная изложение событий древности с VIII тыс. до нашей эры¹⁰.

Учитывая особенности и неравномерность развития различных обществ Востока, мы по-разному определяем хронологические рамки древней истории отдельных регионов. Древняя история Ближнего Востока начинается во второй половине IV тыс. до нашей эры и заканчивается 30-ми годами IV века до нашей эры, т.е. временем Восточного похода Александра Македонского. С 323 г. до 30 г. до нашей эры длится история эллинистических государств, образовавшихся после распада мировой державы Александра. Причем период эллинизма изучается в курсе истории античности. Историю Индии мы изучаем с середины III тыс. до нашей эры по V век нашей эры.

История же древнего Китая занимает время с конца III тыс. до нашей эры до III века нашей эры. Точно так же, для каждой страны применяется своя периодизация, наиболее точно и адекватно отражающая качественные сдвиги в основных сферах жизни данного общества – социально-экономическом строе, духовной культуре, его политической и государственной организации.

---

¹⁰ Заблоцка Ю. История Древнего Востока в древности. От первых поселений до персидского завоевания. М., 1989.

Глава 2

Категории «формация», «цивилизация», «культура» как базовые в описании и объяснении истории Древнего Востока

Со второй половины 80-х годов XX века в отечественном востоковедении складывается неопределенная ситуация. Теория общественно-экономических формаций в ее ортодоксальном варианте (так называемая «пятичленка») столкнулась с большими трудностями при попытке адекватного объяснения и понимания многих явлений социальной и духовной жизни древних обществ. Становилось все более очевидной европоцентричность общепринятой формационной модели исторического процесса, ее эвристическая ограниченность применительно к истории восточных обществ. Формационная теория теряет роль бесспорной парадигмы изучения мировой истории в целом и истории Древнего Востока, в частности. В это же время все очевиднее проявляются претензии цивилизационного подхода на роль общей теории исторического процесса. При этом все более в качестве основного фактора и доминанты мировой истории выдвигается *культура*, а основополагающей категорией объявляется *цивилизация*. Насколько обоснованны эти претензии? Какова методологическая основа цивилизационного подхода, и способна ли она вытеснить формационную теорию? Какова объективная роль формационной и цивилизационной парадигмы в формировании истории древневосточных обществ? Как далеко продвинулась дискуссия о соотношении различных парадигм в настоящее время? Удастся ли противникам прежних догматических концепций окончательно "похоронить" плодотворную, хотя и ограниченную по своим возможностям, теорию общественно-экономических формаций? Рассмотрение этих вопросов, число которых можно легко умножить, очевидно, нужно начинать с выявления сущности категорий «формация», «цивилизация», «культура». В этом нам могут помочь многочисленные работы Б.С. Ерасова¹¹, книга Л.И. Рейснера¹² и

---

¹¹ Ерасов Б.С. Цивилизации: Универсалии и самобытность. М., 2002. Он же. Культура, религия и цивилизация на Востоке: Очерки общей теории. М., 1990.

других авторов. Начнем же мы с изложения основ учения об общественных формациях, заложенного К. Марксом.

Трудно согласиться с Л.С. Васильевым, который утверждает, что «учение Маркса в нашей стране известно хорошо, что избавляет... от повторения его положений»¹³. К сожалению, марксизм почти незнаком современному студенту. «Марксоеды» хорошо поработали над вытеснением представлений о первом целостном учении о природе, обществе и познании и о месте данного учения в истории развития мировой науки.

Возникновение теории общественно-экономических формаций было естественным результатом борьбы Маркса и Энгельса против идеалистического истолкования человека и исторического процесса. Они обосновали материалистическое понимание истории, что являлось в середине XIX века колоссальным достижением научной мысли. Введение понятий «способ производства материальных благ» и «социально-экономической формации» оказало плодотворное воздействие на развитие исторической науки. Основоположники марксизма утверждали, что в основе общественных отношений лежит хозяйственная деятельность человека, которая определяет политические и идеологические структуры. В этом заключалось огромное достижение научной мысли – переход к системному рассмотрению общества. Каждая формация предстает как самоорганизующийся организм, все компоненты и стороны которого скоординированы и образуют диалектическое, т.е. внутренне противоречивое единство. Научная теория формаций никогда не претендовала на объяснение всего в истории и жизни народов всех стран, в развитии общества и всех исторических событий. Главное внимание уделялось материальным, базисным факторам, только в них усматривали системообразующее начало, в то время как политические структуры и духовные факторы рассматривались как вторичные. Марксистской историографией немало было сделано для того, чтобы

---

¹² Рейснер Л.И. Цивилизация и способ общения. М., 1993.

¹³ Васильев Л.С. История Востока. Т. 1. М., 1993. С. 28.

насытить картину истории социально-экономическим содержанием. Изучение закономерностей производства и распределения во многом обогатило понимание истории и глубинных причин ее движения. Однако в условиях нашей страны, где к власти пришли люди, называвшие себя верными последователями Маркса и Энгельса, утвердилась редуцированная форма исторического материализма, вершиной которого стала пятичленная схема всемирного исторического процесса. Окончательно она была сформулирована Сталиным в 1938 г¹⁴. Именно с тех пор формация превратилась в краеугольную категорию всех общественных наук: обязательным стало деление всемирной истории на первобытную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую и коммунистическую формации. Так какой же смысл вкладывали обществоведы Советского Союза в философско-историческое содержание этого базисного понятия?

Формация – от лат. слова "образование", употребляется обычно в ботанике и геологии, обозначает естественное и закономерное сочетание различных видов и пород, связанных общностью условий образования, возникающее на определенных этапах развития. Метафорическое выделение базиса и надстройки заимствовано также из строительной области. Поэтому, скорее всего, формация – это абстрактная мыслительная конструкция, а не живой социальный организм. Итак, общественно-экономическая формация в истмате понимается как важнейшая категория, обозначающая определенную ступень прогрессивного развития человеческого общества, а именно такую совокупность общественных явлений, в основе которой лежит определяющий данную формацию способ производства материальных благ, и которой свойственны собственные, присущие только ей типы политических, юридических и других организаций и учреждений, свои идеологические отношения¹⁵.

---

¹⁴ Краткий курс истории ВКП(б). М., 1938.

¹⁵ Формация общественно-экономическая // Советская историческая энциклопедия. Т. 15. С. 246.

Такое понимание формации вырабатывалось Марксом и его последователями в течение долгого времени. Впервые идея этапов человеческой истории, различающихся формами собственности, была выдвинута Марксом и Энгельсом в «Немецкой идеологии» и с наибольшей ясностью выражена в предисловии к работе «К критике политической экономии» в 1859 г.: «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации»¹⁶. Конкретное представление о смене во всемирной истории общественно-экономических формаций, непрерывно развивалось и уточнялось основоположниками марксизма по мере накопления научных знаний. В работе Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884) отсутствует термин «азиатский способ производства» и вводится понятие первобытнообщинного строя. Маркс в своих работах обосновывал необходимость смены капитализма коммунизмом. Таким образом, Маркс и Энгельс подготовили почву для появления "пятичленки", в которой каждый способ производства превратился в самостоятельную общественную формацию.

Сегодня, когда огульное отвержение марксизма в нашей стране начинает уступать место спокойному, взвешенному отношению к наследию великого ученого, становится очевидным его стойкое продолжительное и глубокое влияние на развитие самых разных отраслей общественной мысли XX в. Ученые разных стран именуют К. Маркса, вместе с М. Вебером, предпринявшим попытку «позитивного преодоления исторического материализма», «двумя гигантами социологической традиции», наложившими печать на все развитие гуманитарного знания. И поэтому критика учения Маркса должна сочетаться с признанием научного значения многих его положений (в том числе и в области востоковедения), и, главное, их

---

¹⁶ Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 7–8.

модификацию применительно к реалиям XX в. Очень точно сформулировал характер взаимоотношений двух великих ученых видный современный немецкий историк В. Моммзен: «М. Веберу удалось перевести теоремы К. Маркса в более широкую теорию, свободную от материалистической односторонности. Это наиболее полно отвечает потребностям современного мышления. В такой форме марксистская теория нашла развитие в современной исторической науке западного образца»¹⁷. И в востоковедении прорыв к цивилизационному измерению истории был совершен в результате длительного освоения положений, вызревших в рамках концепции «азиатского способа производства». В частности Л.С. Васильев многие годы полемизировал с ортодоксальным истматовским пониманием истории Востока, используя как щит марксовы идеи об азиатском обществе.

Основной постулат формационной теории, сформулированный не столько Марксом и Энгельсом, сколько их продолжателями и эпигонами, утверждает примат материального производства над всеми остальными составляющими человеческого бытия и общественной регуляции. Соответственно, естественным продолжением изначального принципа было положение о вторичности всех остальных сфер, в том числе политики и культуры. Материалистический подход не игнорировал роли духовных факторов. Но приоритетное значение придавал экономике, социальности, классовым антагонизмам. Сюда добавляется уверенность в универсальности данной модели и установка на всемирность поступательного процесса. Накопление новых источников и суммы знаний по истории восточных обществ и встреча Маркса с Россией поколебала его уверенность в универсальности теории общественно-экономических формаций. В 1877 г. в своем письме в редакцию «Отечественных записок» Маркс делает существенную оговорку о недопустимости превращения исторического очерка «возникновения

---

¹⁷ Цит. по: Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века. Вып. 1. Кризис историзма. Томск, 2001. С. 61–62.

капитализма в Западной Европе в историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы, каковы бы ни были исторические условия, в которых они оказываются...»¹⁸. Даже события поразительно аналогичные, замечает К. Маркс, но происходящие в различной исторической обстановке приводят к совершенно различным результатам: «...никогда нельзя достичь понимания, пользуясь универсальной отмычкой в виде какой-нибудь общей историко-философской теории, наивысшая добродетель которой состоит в ее надысторичности»¹⁹. В это время он допускал возможность иного, неевропейского развития цивилизации на базе общины. В духе этих рассуждений позднего Маркса, не кажутся случайными понятия «азиатская форма собственности», «азиатский способ производства» (АСП) и т.д. В советской науке в конце 20-х – начале 30-х годов происходила бурная дискуссия среди обществоведов об азиатском способе производства, в ходе которой В.В. Струве впервые выдвинул концепцию о рабовладельческом характере древневосточных обществ. Несмотря на возражения оппонентов (А.И. Тюменев, Н.М. Никольский и др.) точка зрения Струве постепенно утвердилась и стала господствующей при сильном идеологическом (и не только!) нажиме со стороны руководства коммунистической партии во главе с И. Сталиным. Странники азиатского способа производства оказались зачислены в троцкисты и, соответственно, подверглись репрессиям, а высказывания Маркса по этому вопросу тщательно замалчивались. Однако концепция рабовладения на Востоке мало соответствовала накапливающимся эмпирическим знаниям, что вызвало ряд претензий востоковедов.

В самом общем виде можно сказать об этом следующее. В-первых, развитие общества объяснялось исходя из идеи его детерминированности материальным производством, диктующим характер, как всей остальной деятельности человека, так и определяющим характер общественных отношений в целом.

---

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 120.

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 121.

Формационная теория не могла удовлетворительно объяснить наличие постоянной многоукладности. Происходило сведение сложного общественного устройства к наличию двух классов-антагонистов. Принижался, а порой и полностью игнорировался человеческий, субъектный фактор в истории. Отрицалась самостоятельность духовной сферы деятельности людей, куда входят культура, религия, наука, идеология. Во-вторых, явно ощущалась европоцентричность данной концепции, поскольку только Западная Европа демонстрировала прохождение всех стадий формационного процесса. Приверженность принципу восходящего развития делала весьма затруднительным объяснение попятных движений и регресса в истории. Неподобие стран Востока на страны "прогрессивного" Запада трактовалась как "отсталость" и "застойность". В-третьих, вопреки всей логике формационной теории государство в любой период никак не вмещалось в рамки надстройки. Во время второй дискуссии об АСП государство получило статус базисной системы, соединившей воедино власть и собственность.

Долгое время рабовладельческая концепция упорно сопротивлялась вытеснению с захваченных позиций, обнаружив значительные потенции и смягчая наиболее бросающиеся в глаза слабости и пробелы в объяснении истории древневосточных обществ. Особенно преуспел в этом крупнейший востоковед с мировым именем И.М. Дьяконов. Он и его ученики разработали ряд положений, позволивших модифицировать рабовладельческую концепцию. Это глубокая разработка проблемы восточной общины, играющей столь важную роль в жизни всех восточных обществ, это учение о двух секторах экономики на Востоке: общинно-частном и государственно-храмовом. Это и отказ от примитивного, двухклассового деления общества на рабов и рабовладельцев, констатация сложной сословно-классовой структуры. Это и разработка стройной типологии государственности на Древнем Востоке и многое другое. Правда, в своей последней книге И.М. Дьяконов заявил о том, «что марксистская

теория исторического процесса, отражавшая реалии XIX в., безнадежно устарела»²⁰.

Как мы уже говорили выше, в конце 80-х годов прорывается наружу неприятие официальной догматики. При этом ниспровержение формационной теории принимало зачастую агрессивно-разрушительный характер. Но в любом случае всеми осознавалась потребность в иных объяснительных моделях, способных к более адекватному пониманию исторического процесса. В это же время начинается подъем таких общественных дисциплин как экономика, социология, политология, культурология. Актуализируется обращение к категории «цивилизация», долгое время отвергавшееся истматовской идеологией. Сегодня, безусловно, преобладающим является интерес к цивилизационному измерению истории. Однако даже самые горячие сторонники данной теории признают крайнюю неопределенность и размытость столь часто используемого в науке и в публицистике термина «цивилизация».

Понятие «цивилизация» постепенно входило в интеллектуальный и научный оборот западного общества наряду с термином «культура». В своем происхождении термин «цивилизация» восходит к латинскому слову *civilis*, что переводится как «городской», «гражданский», «государственный». Принято считать, что впервые это слово использовал маркиз де Мирабо в известном трактате «Друг законов» (1757). Основное его значение тогда было «смягчать нравы и просвещать». Постепенно семантика слова «цивилизация» становится все более разнообразной, причем употребляется оно как в единственном, так и во множественном числе. В отечественном общественном знании у истоков цивилизационного подхода стоит Н.Я. Данилевский с его теорией культурно-исторических типов (1869)²¹.

Изначально слово «цивилизация» выражало позитивный, прогрессивный и возвышенный смысл, а «культура» выступала, как

---

²⁰ Дьяконов И.М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. М., 1994. С. 7.

²¹ Данилевский И.Я. Россия и Европа. М., 1991.

компонент или синоним «цивилизации». Сегодня существуют сотни определений понятия «цивилизация» – от чрезмерно общих до чрезмерно детализированных, пытающихся включить в дефиницию все компоненты этой сложнейшей системы. Приведем для примера несколько из них.

Ерасов Б.С.: «Цивилизация предстает, как сложно устроенное, развитое общество, в котором важное значение имеют как экономические факторы, так и социальная система, как моральные принципы регуляции отношений, так и политическое устройство, как практические знания, так и эстетические идеалы. И, конечно, такое общество подчинено законам исторической эволюции»²².

Семенникова Л.И.: «Цивилизация – это сообщество людей, объединенное основополагающими духовными ценностями и идеалами, имеющее устойчивые особые черты в социально-политической организации, культуре, экономике, и психологическое чувство принадлежности к этому сообществу»²³.

Барг М.А.: «Цивилизация – это обусловленный природными основами жизни, с одной стороны, и объективно-историческими ее предпосылками – с другой, уровень развития человеческой субъективности, проявляющейся в образе жизни индивидов, способе их общения с природой и себе подобными»²⁴.

Массон В.А. «Цивилизация – это социально-культурная общность, формирующаяся на определенной стадии развития общества и принимающая различные формы в разных ландшафтных зонах в разные исторические эпохи»²⁵.

Из анализа этих и других определений «цивилизации» становится ясным, что цивилизация не сводима к духовной сфере, она включает и материальное производство и общественную структуру, и политическую организацию. Но в центре исторического процесса всегда стоит человек с особенностями его сознания, сложными

---

²² Ерасов Б.С. Цивилизации: Универсалии и самобытность. С. 35.

²³ Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. М., 1994. С. 15.

²⁴ Барг М.А. О категории «цивилизация» // Новая и новейшая история. 1990. № 5.

²⁵ Моссон В.М. Древние цивилизации. М., 1989.

взаимоотношениями с обществом, а также само общество, как саморазвивающаяся система.

Среди существующих других вариантов значения термина «цивилизация» можно назвать еще следующие:

1. Цивилизация – как общество, включающее в себя материальные и духовные компоненты, политическую, экономическую, культурную сферы. Так, например, Е.Б. Черняк усматривает в ней целостную саморазвивающуюся общественную систему, включающую в себя все социальные и несоциальные компоненты исторического процесса, всю совокупность созданных человеком материальных и духовных объектов²⁶. Такое определение представляется чрезмерно широким.
2. Понимание цивилизации как общества, определяемого взаимодействием с окружающей природой.
3. Цивилизация – как общество, основанное на разделении труда. Такого рода подход, в сущности, получил отражение еще в работах К. Маркса.
4. «Цивилизация» – как городское общество.
5. «Цивилизация» – как социокультурная общность, формируемая на основе универсальных ценностей, получающих отражение в мировых религиях, которые составляют целостные системы социокультурной регуляции, включая мораль, право, искусство, философию и т.д. Привязанность цивилизации к религии постоянно подчеркивается ее названием: западно-христианская, российско-православная, арабо-исламская, индо-буддийская, китайско-конфуцианская и др. Недаром стало общепринятым выражение: «религия есть визитная карточка цивилизации».

На наш взгляд, любая попытка дать всеобъемлющую дефиницию термину «цивилизация» малопродуктивна. «Цивилизация» принадлежит к числу тех понятий научного и бытового языка, которые не поддаются строгому и однозначному определению. Это

---

²⁶ Черняк Е.Б. Цивилизациография: наука о цивилизации. М., 1996. С. 7–8.

скорее интуитивный образ, чем логически выверенная категория. Поэтому гораздо продуктивнее прибегнуть к выявлению тех общих признаков и черт, которые являются неперенными критериями любых, даже древнейших цивилизаций. Различные исследователи называют разное количество таких общих признаков, исходя из своих представлений о значимости тех или иных компонентов цивилизационной системы. Мы ограничимся рассмотрением пяти основополагающих критериев древневосточных цивилизаций, которые охватывают все важнейшие сферы жизнедеятельности общества: экономику, социальные отношения, политическую организацию и культуру.

1. Складывание эффективной *производящей экономики*, основанной на развитом земледелии, скотоводстве, ремесле, торговле и далеко зашедшем разделении труда. Мы не знаем ни одной цивилизации, которая возникла бы на основе присваивающего хозяйства. Обязательным условием создания цивилизации является появление и накопление устойчивого избыточного или прибавочного продукта. Именно на Древнем Востоке, в долинах великих рек был достигнут тот уровень развития производительных сил, который заложил фундамент древнейших на земле цивилизаций.

2. Успехи в экономике предопределили *усложнение состава общества*. Рост избыточного продукта приводит к складыванию различных социальных слоев и категорий, незанятых непосредственно в создании этого избыточного продукта, но необходимых для организации жизнедеятельности больших коллективов. Разделение труда порождает сложное стратифицированное общество (от латинского слова *strata* – социальный слой) и социальную пирамиду. Общество делится на многочисленные, иерархически расположенные на ступенях этой пирамиды, категории людей, отличающихся своими правами и обязанностями, статусом и долей получаемого продукта. Имущественная и социальная дифференциация приводит к зарождению сословно-классовой структуры древневосточных обществ.

В странах Древнего Востока постепенно сформировалось три основных сословия и три класса, причем здесь наблюдается сложное переплетение сословного и классового деления общества. Для самих создателей древнейших цивилизаций определяющей была сословная принадлежность, которая четко зафиксирована обычаями и древнейшими законодательствами. Так, например, законы Хаммурапи, делят жителей Вавилонии на три большие группы, отличавшиеся друг от друга юридическим статусом. Первое сословие – авилумы, свободные, полноправные члены общин, в наибольшей степени защищавшиеся законом. В классовом отношении «авилумы» неоднородны и не составляли одного класса. Сюда входили крупные земельные собственники и рабовладельцы, жречество, торговцы, воины, крестьяне-общинники, ремесленники. Их всех, по сути, нужно разделить на два класса: господствующий класс и класс мелких производителей.

Наряду с авилумами выделяется и неполноправное сословие – мушкенумы. По мнению И.М. Дьяконова, это члены персонала крупных храмовых и государственных хозяйств, в отличие от авилумов, которые принадлежали к общинному сектору экономики. Среди мушкенумов тоже не было равенства. Часть из них фактически принадлежала к господствующему классу, являясь условными владельцами земли и рабов, занимая высокие должности в храмовом и государственном аппарате. Другие же, являлись непосредственными производителями, получавшими за свой труд наделный участок земли или паек и подвергавшимися эксплуатации.

Уже для ранней древности характерно возникновение и развитие института рабства, который еще более усложнил структуру общества. Рабы, по сути, составляют третье бесправное сословие и именуется термином вардум в законах Хаммурапи. Появляется также прослойка людей, не имеющих средств производства и подвергающихся принуждению. Хотя они формально сохраняют свободу, но фактически это подневольные работники, близкие к рабам.

Важнейшей особенностью общественного устройства на Древнем Востоке является длительное существование общин.

Древневосточная территориальная соседская община демонстрирует удивительную устойчивость, связанную, прежде всего с необходимостью совместного труда, особенно в ирригационных обществах. Община утратила родовой характер и состояла из отдельных домохозяйств, домашних общин или больших семей. Внутри соседской общины развивалась имущественная дифференциация, выделялись богатая и знатная верхушка, и бедняки – арендаторы чужой земли. В рамках больших семей появляются патриархальные рабы. Несмотря на это, древневосточная община сохраняет на протяжении тысячелетий коллективистские формы жизни, взаимопомощь и солидарность.

Итак, довольно сложная сословно-классовая структура общества свидетельствует о высоком уровне развития древневосточного общества по сравнению с первобытным. Вместе с тем нужно отметить относительно замедленный темп развития экономики, товарного хозяйства и отсутствие в ранней древности сколько-нибудь развитых отношений частной собственности. Поэтому, вряд ли можно причислять создание института частной собственности к главным принципам цивилизационного устройства древневосточных обществ, особенно на первом этапе древности.

3. Обязательным условием перехода на более высокий, цивилизационный уровень развития человечества является процесс *урбанизации* – возникновение и рост *городов*. Еще Г. Чайлд определял цивилизацию прежде всего как «городское общество» и ввел понятие «урбанистическая революция» для обозначения периода становления первичных цивилизаций.²⁷ Термины «цивилизация» и «городское общество» нередко отождествляются. Город – принципиально новое явление в истории человечества. Города становятся центрами экономики. Здесь концентрируется и перераспределяется основной избыточный продукт. Город предстает, как административный, военный, торгово-ремесленный и культурно-религиозный центр области и является настоящим форпостом цивилизации. Здесь

---

²⁷ Ерасов Б.С. Цивилизации... С. 87.

сосредотачиваются материальные и интеллектуальные ресурсы. Городу принадлежит огромная роль в устроении цивилизации, но при этом нельзя забывать, что город теснейшим образом связан с сельской периферией и торговыми путями. Особенно в ранней древности города часто разрушались, приходили в упадок (вспомним Индскую цивилизацию или Иерихон). Но гибель города часто не означала гибель связанной с ним цивилизации, которая опирается на присущую ей автономную социокультурную структуру. И все же, можно утверждать, что негородских цивилизаций не бывает; кочевники создавали не цивилизации, а огромные империи, при том еще и довольно быстро распадавшиеся.

4. Развитие экономики и разделение труда, приведшие к усложнению структуры общества, порождают образование больших общественных групп с противоречивыми интересами и амбициями. Как показал К. Маркс, организационных структур и механизмов разделения труда еще недостаточно для объяснения характера общества, напротив, это приводит к разъединению и конфликтам. Имущественное неравенство и сословно-классовая разобщенность требуют усиления механизмов регулирования жизни общества. На определенном этапе истории становится невозможным управлять крупными социальными образованиями с помощью обычаев и морального авторитета отдельных вождей. Для управления теперь нужны профессионалы и особые учреждения. Так появляется *государство*, как особый аппарат власти. Государство в странах Древнего Востока пройдет долгий путь развития от примитивных номовых государств до огромных мировых империй. Но любое, даже самое неразвитое государство, приходит со своими атрибутами, т.е. неперенными общими чертами и функциями, обязательными для всех типов и форм государственности.

Теперь власть сосредоточена в руках *профессионального слоя чиновников-управителей* во главе с вождем. Для Востока типичной формой государственности была монархия. Лишь в исключительных случаях наблюдаются элементы олигархических республик (Индия, финикийские города). Вторым атрибутом власти становится

постоянное профессиональное войско, в отличие от родоплеменного ополчения. Для содержания быстро растущего числа чиновников и воинов требуется значительные средства, которые доставляют *налоги*. Они могут приобретать самые различные формы, но суть остается одна – изъятие части избыточного продукта для последующего перераспределения государством. В стратифицированном обществе решение спорных вопросов и соблюдение общепринятых правил и норм поведения не могут решаться на основе обычного права. На смену ему приходит, пусть не сразу, *писанное* или *царское право*, т.е. законы, определяющие жизнь различных слоев сложного общества. Законодательство устанавливает систему норм и запретов, освященных авторитетом государства. Не случайно, что первые судебники в древней Месопотамии были созданы уже в III тыс. до нашей эры.

Процесс ускорения складывания государственности мы наблюдаем, прежде всего, в ирригационных общества Ближнего Востока, где требовалось объединение многих территориальных общин для создания рентабельной, эффективной экономики, что способствовало возрастанию роли государственной власти. Пожалуй, важнейшей функцией восточных государств была хозяйственно-организаторская деятельность. Активное вмешательство государства в хозяйственную жизнь страны привело к формированию аппарата и созданию такой формы монархии, которую часть исследователей называют «восточной деспотией».

Впрочем, в последнее время другие исследователи (Ерасов Б.С., Якобсон В.А.) считают, что концепция восточной деспотии, которую пытаются воскресить некоторые авторы²⁸, должна быть отброшена как не соответствующая действительности. Абсолютная, неограниченная власть фараонов наблюдается только в Египте и то в определенные периоды его истории. В остальных же древних государствах не было безграничной власти деспота, устанавливающего тоталитарный террор

---

²⁸ См. например сб.: Феномен восточного деспотизма. Структура управления и власти. М., 1993.

против общества. Любой правитель был ответственным перед обществом и высшим законом. Власть правителя на Востоке является мощным фактором устойчивости сложной общественной системы на протяжении веков и тысячелетий²⁹. Именно обязанности царя перед высшими силами и его подданными составляли основу всей социальной и политической идеологии. Нарушение установившихся норм взаимоотношений между властью и обществом неизменно вызывало протест и возмездие в отношении деспота, преступившего грань. Государство в условиях социальной напряженности и борьбы должно было стать основой интеграции общества и гарантии его безопасности. С другой стороны, государство выступает и как институт защиты интересов господствующего класса, т.е. восточному государству тоже присущи классовые функции. Роль государства всегда двойственна; оно не только поддерживает единство общества, но и пытается возвыситься над ним. Все это порождает сложные коллизии в истории государственности; периоды подъема и централизации сменяются упадком, раздробленностью и гибелью государств и империй. Впрочем, не всегда крушение царств означает конец данной цивилизации – она может возродиться в рамках другого государства, сохраняя преемственность культуры. Достаточно обратиться к опыту дальневосточной цивилизации, где в результате социальных потрясений и чужеземных завоеваний сменилось множество династий, но цивилизационная основа оставалась прежней. Каждое государство ведет войны, поддерживает религиозные культы, покровительствует развитию культуры, т.е. выполняет многочисленные функции.

5. Наконец-то мы подошли к рассмотрению последнего признака, который включают в себя практически все без исключения определения цивилизации. Это *культура*.

И цивилизация, и культура – понятия, относящиеся ко всеобъемлющему стилю жизни народов, причем в широком смысле слова. Все попытки развести культуру и цивилизацию (Шпенглер и др.

---

²⁹ Якобсон В.А. Введение к учебнику «История Древнего Востока» (в рукописи).

немецкие мыслители) не увенчались успехом, и подавляющее большинство исследователей считает, что отделение культуры от ее цивилизационной основы несостоятельно. Наоборот, утвердилось мнение, что цивилизация – это широчайшая культурная общность. Цивилизация представляет собой самую крупную группировку людей и самый обширный круг их культурной идентификации. Определяют ее такие элементы как язык, история, религия, традиции, наука, искусство и др. Культура понимается, как органическая совокупность общественных условий и способов создания, сохранения и распространения духовных и материальных ценностей. Культура есть то, что отличает человека от животного. Она наследуется не генетически, а в процессе социализации³⁰. Культура существует и на стадии первобытности. Но только при переходе на более высокую стадию развития человеческих сообществ она превращается в мощный фактор становления цивилизации, когда достаточно прибавочного продукта, чтобы содержать усложнившуюся культуру со всеми ее атрибутами. В этом смысле иногда используется понятие «духовное производство».

Культура охватывает создание, хранение, распространение и потребление духовных ценностей, взглядов, знаний и ориентаций – все то, что составляет духовный мир общества и человека. Цивилизации – это особые типы культуры значительных масс на обширных пространствах. Культура в каждый конкретный момент истории существует и развивается на основе сложного взаимодействия с культурой предыдущих поколений, а также взаимного обмена с соседними культурами. Чем больше компонентов и активнее обмен, тем богаче и жизнеспособнее культура. Готовность к восприятию чужих культурных достижений предохраняет от изоляции, которая приводит к вырождению культуры. Хотя цивилизация не сводима к духовному производству, все чаще именно культуру выделяют как самостоятельный и ведущий компонент социальной регуляции, наряду с экономикой, общественной структурой и политикой.

---

³⁰ Якобсон В.А. Введение к учебнику «История Древнего Востока» (в рукописи).

Так что же такое культура и каковы ее ключевые компоненты? Термин «культура» как и «цивилизация» полисемантичен, т.е. многозначен. Его очень трудно с доподлинной точностью перевести с латыни на русский язык. Это "возделывание", "воспитание", "образование", "развитие", "почитание". Это исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, а также создаваемых ими материальных и духовных ценностях. Это широкое понимание содержания слова «культура» сближает ее с цивилизацией, по сути, ставит между ними знак равенства. Понятие культура употребляется также для обозначения различных исторических эпох и конкретных обществ. В этом смысле, мы говорим: "андроновская археологическая культура", "античная культура", "культура земледелия", "культура труда" и т.д.

Но слово «культура» употребляется и в узком смысле слова, как сфера духовной жизни и творчества людей, как результат работы разума (знание, умение, уровень интеллекта, мировоззрение, способы и формы общения, этические и эстетические представления). В сферу культуры мы включаем язык, письменность, религиозно-философские и правовые системы, науку, литературу, архитектуру, изобразительное искусство, театр, музыку и многое другое, что является результатом интеллектуального творчества. В дальнейшем термин «культура» в основном будет рассматриваться нами в узком смысле слова.

Предпосылки формирования культуры Древнего Востока

Человек, качественно обособливаясь от природы, остается, однако, тесно связан с ней. Поэтому неправильно абсолютно противопоставлять природу как естественное образование, культуре, как искусственно созданному продукту человеческой деятельности.

Эколого-географическая среда всегда оказывала огромное влияние на мироощущение и миропонимание человека. Это находило отражение во всех проявлениях культурного творчества. Например, характер природных условий долины Нила наложил глубокий

отпечаток на всю египетскую, так называемую «перевернутую» культуру. Человек еще ощущал свое бессилие перед могущественными силами природы, олицетворяющими их многочисленными богами и грозным фараоном.

Древневосточная культура оказалась в особом положении. Первые цивилизации взяли на себя пионерские функции – создавать письменность и устои государства, вырабатывать условия совместного существования людей, различающихся по своему социальному и имущественному положению, этнической и профессиональной принадлежности. У этих первооткрывателей присутствовало обостренное ощущение «начальности», новизны своего мира, его отличие от мира первобытности. Отсюда и представление о несовместимости мира городской цивилизации и мира первозданной простоты, дикости (например, отношение жителей цивилизованной Поднебесной к своим соседям). Справедливости ради, нужно сказать и о том, что во многих произведениях древней литературы идеализируется пастушеская жизнь скотоводов, простота их быта и нравов, их "неиспорченность" цивилизацией (см. Ветхий завет или широко распространенные мифы о «Золотом веке»).

Нельзя не учитывать еще одну группу предпосылок, оказавших влияние на формирование древнейших культур. Они были тесно связаны с этносом, культовой общностью, общиной и др. Очень существенное воздействие на складывание культуры оказывало государство. Оно в значительной степени определяло отношение людей к природе, к труду, к различным социальным группам, активно регламентировало не только материальное, но и духовное производство.

Важнейшим достижением культуры народов Древнего Востока является изобретение, усовершенствование и распространение различных систем *письменности*: клинопись, иероглифика, древнейшая алфавитная система. По праву письменность называют вторичным устойчивым признаком цивилизации. Человечество обрело, таким образом, бессмертную коллективную память, способную хранить и передавать практически неограниченный объем

информации³¹. Именно на Древнем Востоке появляются первые школы, архивы, библиотеки. Письменность гарантирует выполнение важнейшей функции любой цивилизации – поддержание преемственности и передача накопленного опыта.

Одним из самых существенных компонентов культуры является *религия*, представляющая собой особую форму общественного сознания. Она может принимать форму веры во всемогущего бога или многочисленных богов, духов и другого рода сакральные силы. Религия – особый и один из самых ранних способов осмысления человеком окружающей действительности, определяемый складывающимися исторически обстоятельствами. Это специфический тип социальной деятельности и система взглядов, данную деятельность регулирующих. Религия пронизывает мироощущение людей, регламентирует быт, определяет поведение в ответственные моменты жизни человека и общества в целом. Регуляция и ориентация человеческой психики осуществляется через ритуально-обрядовую практику. Она приобщает человека к коллективным устоявшимся ценностям, нормам и типам поведения. Безрелигиозных культур и цивилизаций история не знает.

Огромный духовный заряд, содержащийся в проповедях первооснователей мировых религий, в священных писаниях, заставляет исследователей вновь и вновь обращаться к изначальному ядру религиозных учений, свидетельствам богоявления и пророческих откровений, чтобы затем из такого рода свидетельств вывести дальнейшую судьбу цивилизаций. Нередко зарождение универсальных или мировых цивилизаций связывается с так называемым «Осевым временем». Тогда произошел радикальный сдвиг в духовной жизни общества, заключавшийся в признании принципиального разрыва между мирским и трансцендентным порядком, что породило новое видение мира и места в нем человека. Именно в факте духовного прорыва или озарения усматривает К. Ясперс начало нового мироощущения, которое дало возможность по-иному сформулировать

---

³¹ История Востока. Т.1. Восток в древности. М., 1997. С. 15.

представления о смысле человеческого бытия и о самой человеческой личности.

Не случайно, что именно на Востоке сложились все мировые религии и философско-этические учения, во многом определившие судьбу конкретных цивилизаций: буддизм, индуизм, конфуцианство, зороастризм, христианство и ислам. Религиозно-нравственные ценности определяют, в первую очередь, любую культуру, которая выступает как механизм, формирующий ту или иную цивилизацию, тот или иной тип человека и общества. Функции такого формирующего механизма культура выполняет благодаря трехуровневой структурной организации:

1. идеологический или мировоззренческий уровень, дающий представление о космосе, мире богов и человека, их взаимоотношениях;
2. ценностный уровень, на котором исходя из общих принципов, формируется система ценностей и предписывается, благодаря совокупности запретов и рекомендаций, определенная модель поведения;
3. поведенческий уровень, на котором не предписывается модель поведения, а демонстрируются поступки героев, дающие пример для подражания.

Каждый из этих уровней связан с определенным видом источников. Мировоззренческий уровень представлен богатой мифологией народов Востока, каноническими религиозными текстами (Веды, Авеста, Ветхий завет и др.) и комментариями к ним. Ценностный уровень получает выражение в философско-этических учениях (например, учение Конфуция о «благородном муже» – цзюнци) и дидактических сочинениях. Поведенческий уровень связан, прежде всего, с героическим эпосом, рыцарскими романами и т.д.

При этом источники всех уровней ориентированы на различные сферы восприятия: тексты мировоззренческого уровня – на сферу интуиции, ценностного – на сферу разума, поведенческий – на эмоциональную сферу. Умело подбирая, в частности на практических занятиях, различные виды источников, мы можем охватить всю

психологическую структуру человека, отделенного от нас временем и социокультурным пространством.

Каждая восточная культура, опираясь, прежде всего, на религиозно-философские системы, создавала определенный тип человека. Отличие людей разных цивилизаций – вот проявление человеческого фактора в глобальном масштабе. Поэтому в центре современной ориенталистики должно стоять изучение человека во всей сложности его духовного и материального мира, а общества – в системной взаимосвязи политики, экономики и культуры, официальной шкалы ценностей, народных верований, культов и ритуалов, сознательных и подсознательных ментальных установок и доминант. В итоге каждая восточная цивилизация должна представлять как макромасштабная социокультурная общность, имеющая свои принципы, организацию и динамику.

Как бы мощным ни было воздействие религиозной идеологии, оно не охватывает всей сферы культуры. В рамках религиозно-философских систем постепенно возникали светские формы интеллектуальной и художественной деятельности и общественного сознания: мораль и право, богатая литература, архитектура и искусство, наука и философия. Высшие принципы религии и господство религиозного мировоззрения, конечно, во многом определяли принципы светской духовности, но не могли подавить стремление человеческого разума к познанию окружающей действительности. Именно компоненты светской культуры обуславливали богатство и разнообразие духовной жизни, что отличает полноценную цивилизацию.

Народы Древнего Востока создали высокую по своему уровню, сложную по своей структуре, богатую по содержанию культуру, которая оказала большое влияние на мировую цивилизацию. Древние писатели и поэты Востока обогатили мировую литературу интересными идеями и художественными образами. Такие гениальные произведения, как «Эпос о Гильгамеше», «Рассказ Синухета», Библия, священные Веды, Авеста, эпические поэмы «Махабхарата» и

«Рамаяна», поэзия Калидасы и Цюй Юаня и в наши дни не утратили своей непреходящей ценности.

Хотя в рамках духовного производства древневосточных цивилизаций не произошло окончательного отделения науки от религии, учеными были сделаны важнейшие открытия и изобретения в области естественнонаучного знания, в технике и технологии, в познании окружающего мира. Особенно много сделали в этом отношении в Древнем Китае. По утверждению Дж. Нидэма в многоотомном исследовании «Наука и цивилизация в Китае» жителям Поднебесной в древности и средние века принадлежит около пятидесяти процентов всех крупных открытий и изобретений (порох, шелк, компас, книгопечатание, и многое другое)³². Больших успехов добились египетские медики, вавилонские астрономы, индийские и китайские математики. В области философии индийскими и китайскими мыслителями были разработаны все основные направления и созданы знаменитые школы: конфуцианство, даосизм, веданта, йога. Следует признать, что до начала нового времени, как естественные, так и социальные науки в восточных обществах существенно обгоняли научные достижения Европы.

В области скульптуры и живописи, несмотря на давление религиозного канона, ваятели и художники Древнего Востока создали замечательные шедевры, вошедшие в сокровищницу мирового искусства (скульптурный портрет Нефертити, Ниневийская умирающая львица, пещерные фрески Аджанты и многое другое).

Огромные материальные и людские ресурсы, накопленные в рамках древневосточных цивилизаций и государств, создали необходимые условия для развертывания монументального строительства. Архитектура и изобразительное искусство использовались как эффективные средства идеологического обоснования существующего строя, его государственности и системы духовных ценностей. Гигантские постройки во многих странах поражали воображение как древних, так и современных людей. Это

---

³² Зинин С.В. Китайская традиционная наука и Джозеф Нидем // Восток. 1997. № 1.

дошедшие до наших дней великие пирамиды и храмы Египта, месопотамские зиккураты и дворцы, урартские крепости и Великая китайская стена. Все эти постройки свидетельствуют об огромных возможностях древних цивилизаций, о таланте и больших знаниях их создателей. В.И. Кузищин во введении к новой редакции учебника «История Древнего Востока» (1999) относит монументальную архитектуру к главным признакам цивилизации. Нам представляется, что этот признак не является самостоятельным, а входит как составной элемент в общую сумму великих культурных достижений в сфере духовного производства.

Итак, мы рассмотрели главные признаки и существенные компоненты древневосточных цивилизаций. В определение «цивилизация» входят следующие компоненты: наличие развитого разделения труда, социальное и классовое расслоение общества, появление городов, возникновение государства и права, письменности, единство материальной и духовной культуры, определенный пространственный ареал и относительно устойчивый этнодемографический состав.

Сущность и неповторимость каждой цивилизации определяются в первую очередь комбинацией следующих факторов:

- 1) природная среда обитания;
- 2) система ведения хозяйства;
- 3) социальная структура;
- 4) духовные ценности;
- 5) особенности политической системы.

В древневосточных цивилизациях стремление к самосохранению и стабильности сочетается с ограниченной динамикой. Новации проявляются во всех областях жизни: в экономике, в государственном строительстве, в усложнении социальной структуры, в раскрытии духовного и интеллектуального потенциала людей, что находило выражение в разработке научных знаний, в технических усовершенствованиях, в развитии монументальной архитектуры, создании мировых религиозных систем

и философских учений. Мы можем даже сказать, что в древности произошла подлинная культурная революция, величайшими достижениями которой стали письменность, отделение умственного труда от физического и создание первых шедевров. Восточные цивилизации не стояли на месте, но это не линейно-прогрессивный процесс, а циклично-поступательное движение по спирали. Здесь преобладало бережное сохранение традиционных ценностей, господство канона, совершенствование уже существующих образцов. Несмотря на относительную замедленность исторического процесса, страны Востока достигли высокого социально-экономического, политического, культурного уровня цивилизации, а передовые центры, особенно, Месопотамия, оказали огромное влияние на соседей. В середине II тыс. до н.э. на Ближнем Востоке установились тесные контакты, а в I тыс. до н.э. сложилась система тесно связанных стран, т.е. было создано определенное единство древневосточного мира.

А теперь вернемся к вопросу о соотношении категорий «формация» и «цивилизация», формационного и цивилизационного подходов. Четко развел понятия «формация» и «цивилизация» Л.И. Рейснер³³. В категории «формация», внимание сфокусировано на таких сторонах исторического процесса, как стадийность, динамизм, прерыв постепенности, а в «цивилизации», соответственно, – преемственность, непрерывность, накопление опыта и достижений, поддержание устойчивой стабильности общества, благодаря интегративным функциям государства, культуры и религии. Диалектика категорий «формация» и «цивилизация» – это, прежде всего, диалектика категорий «революция» и «эволюция». Таким образом, снимается противоречие между претензиями формационного подхода на контроль социально-экономического базиса над духовной жизнью и постулатом цивилизационной теории о том, что духовные факторы формируют социокультурные системы. При этом именно культура, как средоточие духовного производства, берет на себя столь

---

³³ Рейснер Л.И. Цивилизация и формация: к вопросу о дуалистической природе исторического общества // Цивилизация и способ общения. М., 1993. С. 30–49.

важную функцию, оказывая воздействие и на сферы экономики и социальных отношений.

Сейчас уже намечился консенсус по вопросам выработки новой парадигмы научной истории на основе синтеза формационного и цивилизационного подходов. Особенно большой вклад в создание целостной цивилизационной теории, которая включает и универсальность человеческого бытия и самобытность макроисторических общностей, преемственность и динамику исторического процесса, внес Б.С. Ерасов. Он поставил перед собой задачу разработки цивилизационной теории нового типа, которой не была бы лишь дополнением и конкретизацией формационного подхода, а включала бы в себя его сильные стороны, сохраняя свою самостоятельность и первичность. Это созвучно общенаучному принципу дополнительности Нильса Бора, который исключает возможность абсолютизации одной точки зрения на предмет исследования. Новая парадигма в общественном знании не может не включать в себя и обновленный формационный подход. Признание сущностного статуса цивилизационного подхода не отменяет аналогичного статуса и категории «формация», избавленной от упрощенности и догматизма. Необходим синтез обоих подходов как обязательного условия формирования новой парадигмы. В этом направлении работает теория стадийного развития каждой цивилизации. Речь идет только о применимости данной теории к анализу конкретного исторического процесса. И.М. Дьяконов и В.А. Якобсон уже сделали шаг в этом направлении, разделив древнюю историю на две фазы – ранней и поздней древности³⁴.

---

³⁴ История Востока. Т.1. Восток в древности. М., 1997. С. 23.

Глава 3

Проблемы источниковой базы и абсолютной хронологии Древнего Востока

3.1. Проблемы источниковой базы

История Древнего Востока, как любая дисциплина исторической науки, базируется на исторических источниках, которые дают нам информацию о далеком прошлом. Единственная возможность воссоздать историю древнейших на земле цивилизаций заключена в обращении к тем следам, которые они оставили после себя. И таким следом реальной действительности в жизни древних цивилизаций являются исторические источники. Одной из самых главных проблем ориенталистики считается выявление адекватности и достоверности тех сведений, которые нам доставляют дошедшие до нас разнообразные осколки минувшего. На слабость источниковой базы ориенталистики часто ссылаются противники подлинной научности нашей дисциплины.

Что такое исторический источник?

В исторической энциклопедии данному понятию дается следующее определение: «Исторические источники – это все, непосредственно отражающее исторический процесс и дающее возможность изучить прошлое человеческого общества, то есть все созданное ранее человеком и дошедшее до нас в виде предметов материальной культуры, памятников письменности, идеологии, нравов, обычаев, языка»³⁵.

Источники по истории Древнего Востока очень многочисленны и разнообразны. Традиционно все они делятся на семь типов:

1. Письменные источники: исторические труды, художественная литература, научные и религиозные тексты, документы, инструкции и др.

---

³⁵ Советская историческая энциклопедия. М., 1974. Т. 6.

2. Памятники материальной культуры: остатки городов, храмов, крепостей, гробниц, жилища, предметы быта, оружие и т.д.
3. Памятники устного народного творчества (фольклор): песни, поговорки, сказки, легенды, эпические сказания.
4. Данные языка: заимствования из других языков, различные временные пласты в языке и т.д.
5. Этнографические материалы: обычаи и нравы, культы сохранившиеся из далеких времен в более позднее время.
6. Данные антропологии: мумии, скелеты, изображения физического типа людей на фресках или рельефах.
7. Изменения географической среды и природного ландшафта, вызванные деятельностью людей: остатки каналов, дамб, дорог и пр.

Прорыв в изучении древневосточных цивилизаций и стремительный рост числа источников обеспечили достижения в двух областях знания: классической филологии и археологии. Даже в самом лучшем случае археология, постоянно совершенствующая свои методы, без поддержки письменных памятников не способна дать ясную картину социального строя, политической истории и духовной культуры, ушедшего в прошлое общества. К сожалению, ученым удалось дешифровать далеко не все системы древнего письма. Так, молчит пока хараппская письменность, что затрудняет решение многих проблем истории Индской цивилизации.

Из всего разнообразия типов источников, изучение истории Древнего Востока, в первую очередь основывается на двух видах письменных источников: документальных и нарративных.

Документальные источники являются в силу их изначального функционального предназначения (максимально точная фиксация информации) более объективными, чем нарративные. Они более точно отражают действительность прошлых эпох. Такого рода источники несут объективную информацию о тех процессах, которые происходили в жизни древневосточных обществ. Чем меньше документальных источников, тем труднее восстанавливать историю. Но иногда и обилие документов приводит к возникновению новых

проблем. Так, например, громадное количество административно-хозяйственных текстов дошло до нас преимущественно из крупных царско-храмовых хозяйств, что может привести исследователя к абберации (искаженной точке зрения), как это произошло с академиком В.В. Струве. Занимаясь исследованием именно этого вида источников, он пришел к выводу, что община на Востоке довольно быстро разложилась, так как письменные свидетельства о ней чаще всего молчали. Но на самом деле в сельской общине такой документации не велось, и она, соответственно, до нас не дошла.

Нарративные источники (от немецкого слова «нарратив» – рассказ), являются повествовательным источниками, которые отражают субъективную позицию автора (или авторов) данного произведения. Это необходимо учитывать в процессе критики источника. И в «Речении Ипусера», и в страстных монологах Исаяи и других древнееврейских пророков, и в афоризмах Будды и Конфуция мы видим ярко выраженную авторскую окрашенность дошедших до нас текстов. Огромная трудность в извлечении истинной исторической информации заключается, прежде всего, в аутентичном переводе данных текстов, предполагающего проникновение в особый стиль мышления создателей этих древних памятников. Трудности осмысления ценностей древнейших на земле цивилизаций, их непохожесть на наше российское и европейское мышление, – одна из самых существенных проблем источниковой базы востоковедения.

Еще одной трудностью для воссоздания истории древнейших цивилизаций является фрагментарность и неравномерность освещения источниками различных периодов истории многочисленных регионов Древнего Востока. Во-первых, различные эпохи древности документированы очень неравнозначно. Казалось бы, с развитием цивилизации и, особенно письменности, количество источников должно возрастать в геометрической прогрессии – чем ближе к нашему времени, тем больше источников. Однако, источниковедческая база истории Древнего Востока демонстрирует нам в этом плане гораздо более сложную и противоречивую картину. Так, например, история древней Месопотамии в настоящее время

представлена двумя миллионами клинописных текстов, созданных на протяжении III–I тыс. до н.э., но распределенных крайне неравномерно. Такое обилие свидетельств прошлого объясняется тем, что писали шумеры и аккадцы на глиняных табличках, которые зачастую обжигались и становились вечными. А вот жители Древней Индии и Древнего Китая писали на таких недолговечных материалах, как пальмовые листья, деревянные пластинки, ткани и пр., что приводило к гибели древнейших свидетельств о прошлом. Поэтому лишь единичные открытия, сделанные археологами XX века дают в распоряжение историков такие уникальные материалы, как написанные на шелке книги из кургана Мавандуй. В конце II – начале I тыс. до н.э. та же Месопотамия переходит от вечной глины к пергаменту и папирусу, что сокращает число письменных памятников, дошедших до нас.

Историки Древнего Востока выделяют «темные века» в истории разных регионов, которые почти не освещены письменными источниками. Это, например, время арамейского нашествия в Месопотамии в конце II тыс. до н.э., или XV век в истории хеттов. Такие провалы в истории древневосточных государств объясняются, прежде всего, не изменениями технологии и материала письма, а социально-политическими или этническими сдвигами и катастрофами, которыми ознаменовывались переломные эпохи в истории данных обществ.

Источниковедческая база локальных цивилизаций Древнего Востока имеет свои особенности для каждого региона. Наиболее обеспеченной источниками предстает история Древней Месопотамии. Ассириологи могут использовать миллионы письменных текстов и вещественных памятников, добытых при раскопках сотен городов и поселений. Особенно большую роль здесь играет достижение вспомогательной источниковедческой дисциплины – эпиграфики, которая изучает надписи на твердых материалах, – камне, металле, глиняных черепках (остраконах). Объект исследования имеет свойства как вещественного памятника, так и письменного источника. Например, стела с законами Хаммурапи.

Несмотря, на огромные затруднения, которые возникают при интерпретации фактического материала, именно ассириология сумела решить многие проблемы, связанные с генезисом и развитием древнейших цивилизаций.

Расширение источниковедческой базы, происходящее на протяжении XIX и XX вв. настоятельно требовало совершенствования методов источниковедческого анализа. Надо сказать, что долгое время уровень источниковедческой исследований отставал от стремительного роста числа новых источников, добываемых востоковедами, прежде всего, археологами.

Долгое время объективному пониманию сущности и места древневосточных цивилизаций во всемирной истории мешала чрезмерная сосредоточенность исследователей на истории Ближнего Востока. Интерес к истории Древнего Египта, Восточного Средиземноморья и Передней Азии объясняется, прежде всего, авторитетом Библии. В то же время следует признать, что Ветхий Завет действительно занимает особое место в разработке приемов внешней и внутренней критики источника. Насчитывающая уже более трех веков научная дисциплина – библеистика, сделала большие успехи в выработке главных принципов источниковедческого анализа этого сложного многослойного литературного памятника, в определении относительной и абсолютной хронологии книг Ветхого Завета. Достижения библеистики служат образцом источниковедческой критики древних священных текстов.

Для египтологов гораздо важнее порою не надписи, а изображения из настенных регистровых росписей из гробниц, дающие живые сцены повседневной жизни. В сухом климате Египта сохранились также древние папирусы, первые из которых относятся еще ко II тыс. до н.э. Потому папирология является важнейшей исторической дисциплиной в изучении истории Нильской цивилизации.

Итак, долгое время внимание исследователей было приковано к истории классических цивилизаций древности. Только в начале XX века европейская наука обращает внимание на древнюю историю

далеких экзотических стран Востока. В 20-ые годы XX века начинаются обширные археологические раскопки на территории Индостана, Китая, Средней Азии, обогащавшие науку о древности новыми многочисленными вещественными и письменными памятниками.

Но введение в источниковедческую базу ориенталистики громадного количества нового материала приводило к возникновению множества новых трудноразрешимых проблем. Особенно это проявилось в индологии. Казалось бы, тысячи древних книг, дошедших до нас на санскрите и пали, которые являются священными и для современных индусов (прежде всего, Веды), должны были дать исследователям надежную опору для описания древней истории Индии. Но, к сожалению, огромное количество письменных памятников дошло до нас в основном в средневековых вариантах. Кроме того, и Брахманы, и Араньяки, и Упанишады, насчитывающие сотни книг, являются вневременными, спекулятивными, метафизическими рассуждениями о природе мира и человека, что делает принципиально невозможным установление их авторства и точной датировки. Кроме того, по своему содержанию они не дают ясного представления о жизни общества и политической структуре древней Индии. А поскольку эти религиозные книги создавались и переписывались на протяжении многих веков, то, по мнению ученых (представители самой традиции с этим не согласны) неизбежно происходило искажение первоначальных текстов.

Слабость источниковой базы древней Индии связана также с немногочисленностью эпиграфических источников, появляющихся здесь только в III в. до н.э. (эдикты Ашоки). Вещественных и антропологических источников в распоряжении индологов тоже сравнительно немного, т.к. в Индии уже в глубокой древности распространяется обряд кремации, что привело к отсутствию некрополей, дающих обычно богатый материал. После Индской цивилизации долгие века строительство городов, зданий и стен велось из дерева, не сохранявшегося в жарком и влажном климате Индии. Каменное строительство началось только в III в. до н.э. Все сказанное

объясняет, почему до сих пор невозможно создать целостную социально-политическую историю древней Индии.

Гораздо предпочтительней в этом отношении предстает история древнего Китая. Для создателей древнекитайской цивилизации в их духовной жизни главным и определяющим было отношение к прошлому. Древние ханьцы бережно и почтительно относились к своей истории, населяя ее героями и совершенномудрыми шаньюями. Именно в китайской традиции получила развитие тенденция эвгемеризации, т.е. наделение мифических персонажей чертами реальных исторических личностей. Только в Китае во второй половине I тыс. до н.э. смутное представление о прошлом, присущее всем цивилизациям Древнего Востока, превратилось в настоящее историописание. Древние ханьцы были убеждены в том, что знание далекого прошлого необходимо для того, чтобы лучше понять происходящее в наши дни. Этим объясняется их глубокий интерес к собиранию свидетельств о прошлом, будь то древние песни, предания, летописи, архивы или предметы материальной культуры. На основе собраний подобного рода источников и основывается развитая историческая наука. До сих пор вызывают восхищение труды Сыма Цяня, Бань Гу и других великих историков Древнего Китая, которые превзошли достижения античных авторов, начиная с Геродота. Во многом великие археологические открытия, связанные с далеким прошлым Китая, обусловлены доверием к сведениям Сыма Цяня, без «консультации» с которым в настоящее время не предпринимаются крупные раскопки, приносящие, как правило, новые интересные источники. Китайские историки большое значение придавали хронологии, поэтому их труды хорошо датированы.

От древнего периода истории Китая до нас дошло огромное количество эпиграфических текстов – это прежде всего около 150 тыс. надписей на гадательных костях (бараньи лопатки, панцири черепах) – важнейший вид источников по периоду Шан-Инь. Сюда относятся также надписи на бронзовых сосудах, ханьские каменные барельефы. Нужно отметить, что археология древнего Китая, сейчас находящаяся на подъеме, непрерывно пополняет источниковую базу новыми

материалами. Комплексный анализ всех видов источников, позволяет извлекать надежную информацию и уточнять картину древнекитайской истории.

И все же наиболее обеспеченной источниками является история древней Месопотамии, поэтому решение многих проблем истории древности (таких как возникновение государственности, роль общины, вопросы социальной структуры и т.д.) основывается часто на аналогии с более или менее изученными процессами в жизни переднеазиатской цивилизации. Источниковая база древнеегипетской цивилизации в этом отношении сильно уступает по степени изученности месопотамской. Несмотря на обилие памятников материальной культуры, сохранившихся до наших дней (пирамиды, храмы, статуи и др.) и многочисленных письменных источников изучение древней истории Египта затрудняет отсутствие древних памятников права и законодательства.

Трудности, встреченные востоковедами в решении задачи адекватного понимания и интерпретации источников, способствовали распространению, особенно в XIX в. и в начале XX в., мнения о невозможности постижения подлинной сути и истории древних цивилизаций. Наиболее наглядно такую точку зрения высказал выдающийся американский ассириолог А.Л. Оппенхейм, который заявил: «Я убежден, что систематическое описание месопотамской религии – задача невыполнимая и ставить такую цель вообще не следует»³⁶. Такое пессимистическое отношение к возможности познания подлинной исторической реальности касается не только религии, но и всей истории древней Месопотамии. Основывается оно на осознании сохраняющейся определенной слабости ее источниковой базы. Следует сказать, что работы других великих ассириологов во многом преодолевают такого рода скептицизм. Достаточно вспомнить труды выдающегося шумеролога С.Н. Крамера (кстати, соотечественника Оппенхейма), в частности, его книгу «История

---

³⁶ Оппенхейм А.Л. Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации. М., 1980. С. 174.

начинается в Шумере», где дается целостное описание истории месопотамской религии³⁷.

Подводя итог, мы можем сказать, что стремительное обогащение источниковой базы ориенталистики, овладение исследователями новыми теоретико-методологическими подходами и совершенствование методов источниковедческого анализа позволяет надеяться на прогресс нашей дисциплины и более углубленное понимание истории древневосточных цивилизаций. При этом мы можем надеяться на большую помощь в совершенствовании методики внешней и внутренней критики, которую оказывают историкам Древнего Востока многочисленные вспомогательные источниковедческие дисциплины: ономастика и топонимика, изучающие древние имена и географические названия, нумизматика (древние монеты), сфрагистика (печати) и др.

Большое внимание при изучении курса истории Древнего Востока уделяется практическим занятиям, где студенты знакомятся с памятниками древних цивилизаций и усваивают принципы и методы современного источниковедения³⁸.

3.2. Проблемы хронологии

Пожалуй, одной из наиболее остро дискутируемых и трудно разрешимых проблем ориенталистики является проблема хронологии. Обычно выделяют относительную и абсолютную хронологии. В основе *относительной хронологии* лежит периодизация исторического процесса, предполагающая упорядочение событий прошлого в соответствие с той или иной схемой или концепцией, выделение последовательных этапов истории цивилизаций в целом, и каждой конкретной цивилизации в частности. *Абсолютная хронология* – это датировка событий истории в рамках общепринятой системы

---

³⁷ Крамер С.Н. История начинается в Шумере. М., 1965.

³⁸ Подробнее см.: Майоров Н.И., Хазанов О.В. История древневосточных цивилизаций: специфика предмета и особенности его преподавания (из опыта кафедры истории древнего мира и средних веков ИФ ТГУ) // Вестник Томского государственного университета. 2003. № 276.

временных координат. В рамках нашего современного летоисчисления мы отсчитываем время на временной шкале, условно разделяя всю историю на два глобальных этапа – до нашей эры и нашей эры. Началом отсчета нашей эры считается рождение Иисуса Христа³⁹. Все последующие события находятся в рамках нашей эры, а все, что происходило до этого, располагается на шкале до Рождества Христова, т.е. до н.э.

Такая система летоисчисления была создана римским монахом Дионисием Малым в VI в. нашей эры и не сразу получила распространение даже в Европе. До нее, а также параллельно с ней, существовали и другие системы летоисчисления. Долгое время в разных ветвях христианства точкой отсчета времени было сотворение Богом мира, причем в каждой конфессии эта дата существенно отличалась. Например, на Руси эта система существовала до 1700 года от Рождества Христова, когда Петр I ввел в России юлианскую систему летоисчисления. До этого вся датировка русской истории строилась от сотворения мира, которое по мнению православной церкви произошло за 5508 лет до нашей эры (см. Повесть Временных лет).

В древности в странах античного мира, в Греции и Риме, существовали свои варианты хронологии. Общегреческая система летоисчисления основана на Олимпиадах – празднествах, скреплявших союз эллинских общин. По преданию, первая Олимпиада состоялась в 776 году до нашей эры. И с тех пор повторялась каждые четыре года. В Афинах годы датировали по архонтам-эпонимам, высшим должностным лицам, дававших название году. Они избирались ровно на год. Списки эпонимов составлялись на протяжении многих веков.

В Риме счет лет велся по ежегодно сменявшимся консулам. Жрецы-понтифики вели тщательную запись очередности избрания и составляли консульские фасты, дошедшие до нас. Позже римляне

---

³⁹ С точки зрения исторической науки рождение Иисуса, если его рассматривать как исторический факт, реально относится примерно к 6 г. до н.э. Об этом см. ниже.

установили свое летоисчисление от легендарной даты основания Рима. Римский историк Марк Теренций Варрон (I в. до н.э.) отнес основание Рима к третьему году шестой Олимпиады, т.е. к 754 – 753 гг. до н.э. Таким образом, возникла синхронность греческой и римской истории, которая позволяла довольно точно устанавливать даты крупных событий, несмотря даже на то, что Дионисий Малый несколько ошибся в определении времени рождения Иисуса Христа. В настоящее время принято считать, что это произошло на шестом году до н.э.

Но и в наши дни у человечества нет универсальной и общепринятой системы летоисчисления. В иудаизме и коптской христианской церкви по-прежнему время отсчитывается «от Сотворения мира». Мусульманский мир живет до сих пор в XV веке, поскольку отсчет ведется «от года Хиджры», т.е. от переселения пророка Мухаммеда и его сторонников из Мекки в Медину, которое произошло в сентябре 622 г. нашей эры. При этом следует учитывать, что в исламе принят лунный календарь, где продолжительность синодального месяца составляет 29,5 дней, а год 354 дня. Свой, восточный календарь используют и жители Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Если даже и сейчас нет общепринятой системы датировки, то что же можно говорить об отсутствии сколько-нибудь ясных представлений о ходе времени у жителей Древнего Востока.

Для первобытного человека и на ранних этапах истории древневосточных цивилизаций характерно слияние всех временных фаз. Прошлое, настоящее и будущее составляли неразрывное единство, в котором действовали одновременно предки, ныне живущее поколение людей и будущие их потомки. Народы Древнего Востока, как правило, избегали представлений о линейности исторического времени. Для них неразрывность связи времен олицетворялась с упорядоченностью природных циклов. Древневосточные цивилизации, являющиеся прямыми наследницами раннеземледельческих культур, каждая по своему организовывала отсчет времени. Никогда на Древнем Востоке не существовало единой системы летоисчисления, отсутствовала единая эра, т.е. исчисление лет от определенной точки отсчета. В каждой стране существовали

свои, весьма несовершенные способы определения протекшего времени. Трудности в установлении абсолютной хронологии обусловлены также характером и состоянием источников, зачастую не поддающихся датировке ни по прямым, ни по косвенным данным. Об этом мы уже говорили выше. К тому же, нужно учитывать, что в странах Древнего Востока применялись различные календарные системы. Были лунные, солнечные и смешанные лунно-солнечные календари, имевшие иногда значительные расхождения с длительностью астрономического года, составляющего время одного оборота Земли вокруг Солнца.

Определенные эры вводятся в некоторых странах Древнего Востока лишь на поздних этапах его истории. Поэтому установить точные даты многих событий древней истории очень сложно, тем более перевести их в современную систему летоисчисления. Вполне естественно, что по поводу таких датировок до сих пор идут ожесточенные дискуссии и наблюдаются значительные расхождения в установлении дат тех или иных событий. Сейчас получили распространение различные безответственные спекуляции на эту тему в трудах таких любителей новых "математических статистик", как Носовский, Фоменко и др., которые предпринимают попытки пересмотреть всю историю и подрывают у своих читателей доверие к исторической науке вообще и востоковедению в частности.

Именно на основе представлений о времени устанавливаются причинно-следственные связи и появляется возможность создания целостной картины развития первых цивилизаций. И древние люди задумывались над тем, куда бежит река времени. Хотя идеи линейного прогрессивного развития у жителей Древнего Востока, как мы уже упоминали, никогда не было. За исключением может быть, библейской концепции, основанной на провиденциалистском видении смысла движения человеческой истории к «царству божьему». Прошлое, настоящее и будущее были настолько слиты в мировоззрении создателей первых цивилизаций, что зачастую будущее воспринималось как возрождение далекого идеального прошлого. У всех народов Востока сложилась богатая мифология, где

первобытность представлялась «золотым веком» человечества, а современные порядки, как нарушение принципов справедливости и равенства. Идеализация прошлого, для подавляющего большинства народов Востока, стала краеугольным камнем почти всех известных философско-религиозных учений, особенно в Китае. Великий Конфуций говорил: «Я не учу, я передаю», т.е. он освящал идею преемственности в истории, где первоначалом является преклонение перед прошлым. В то же время отметим, что именно в Китае уже в I в. до н.э. была выработана такая система летоисчисления, что до сих пор многие жители Земли отмечают наступление нового года в феврале. В этом месяце начинается год, название которого, в соответствии с древней китайской традицией, состоит из одного из двенадцати животных и пяти небесных стихий (земля, вода, огонь, дерево, металл).

Знакомство с древнейшими способами датировки и рассмотрение проблем установления исторической хронологии мы начнем с хронологии Древней Месопотамии, которая оказала большое влияние на всю хронологию древнего Ближнего Востока. В Месопотамии, наиболее продвинутой зоне цивилизации, отсчет времени велся по разным, порою взаимоисключающим признакам. Единой хронологической системы мы здесь не обнаружим. В Нижней Месопотамии время первоначально считали по поколениям, а затем – по годам правления энси или царя. Уже в XXI веке до н.э., в период правления III династии Ура, был составлен «Царский список» с перечнем царей до «потопа» и от «потопа», что утверждало идею об изначальном существовании царской власти и передачи ее от одного города и народа к другому. В этот список последовательно заносились цари данного государства с указанием, сколько лет правил каждый царь, причем время правления допотопных царей было просто мифическим, насчитывавшим сотни тысяч лет. Большинство документов датировалось текущим годом правления определенного царя. Этот список в дальнейшем был продлен до XVIII в. до н.э., а позднее составлялись другие царские списки. В Вавилонский период способ датировки изменился. Теперь каждый год именовался по

произошедшему в нем важнейшему событию. Например, год, когда был построен такой-то канал или храм, или год, когда была одержана победа, или год воцарения такого-то правителя и т.д. Наряду с царскими списками составлялись и списки этих «датировочных формул».

В Верхней Месопотамии, на территории будущей ассирийской державы, в городе Ашшуре, каждый год назывался именем должностного лица, который именовался титулом лимму. Это такой же чиновник-эпоним, как и в Древних Афинах. Каждый эпоним занимал этот пост ровно один год и заносился в особые списки, содержащие полный перечень лимму в хронологическом порядке (911 – 648 гг. до н.э.).

В Ассирии такой способ счета времени сохранился до самой гибели этого государства в конце VII в. до н.э. И списки царей, и списки датировочных формул, и списки эпонимов дошли до нас не полностью и с искажениями. Главная проблема состоит в том, как соотнести все эти материалы с нашей системой летоисчисления. И здесь на помощь историкам приходит астрономия. В некоторых источниках сохранились какие-то упоминания о наблюдениях за движением небесных тел; о солнечных и лунных затмениях, о взаимном расположении Солнца, Земли и планет и т.д. Математическая астрономия довольно легко может вычислить время значительного небесного явления в данной местности. Таким образом появляется возможность установления точных опорных дат для воссоздания системы исторической хронологии. Такими датами для истории Ассирии являются 911 г. до н.э., и 15 июля 763 г. до н.э., когда в списке эпонимов упоминаются солнечные затмения.

Наиболее показательным достижением стало установление точной даты битвы между мидийским и лидийским войсками на берегу реки Галис в Малой Азии. В труде Геродота красочно описывается, как во время сражения произошло полное солнечное затмение и воины двух армий разбежались, прекратив битву. После этого был подписан мир между двумя державами и границей между ними надолго стала река Галис. Астрономы четко высчитали, что

такого рода затмение могло происходить здесь только 29 мая 585 г. до н.э. Так была установлена еще одна ключевая дата древневосточной истории.

Имеются в Месопотамских текстах данные и о наблюдениях других астрономических явлений. В частности большое внимание уделяли вавилонские ученые планете Венера. Часто при восхождении на престол нового вавилонского царя указывали местоположение Венеры по отношению к другим небесным телам и зодиакальным созвездиям. Полный цикл движения этой планеты по небесному небосклону составляет 64 года, но возникает другая проблема – к какому циклу Венеры отнести то или иное событие. Соответственно в ассириологии применяются 3 хронологические системы – короткая, средняя и длинная. В нашей стране, по предложению В.В. Струве принята средняя хронология. Точкой отсчета является время правления вавилонского царя Хамурапи. По средней хронологии это 1792–1750 гг., в длинной и средней хронологии эта дата отличается на ± 64 года. В настоящее время допустимая погрешность в исчислении и датировке событий Месопотамской истории составляют для I тыс. до н.э. не более 10 лет, для II тыс. до н.э. около 50, а для III тыс. до н.э. 120 – 150 лет.

Кроме математической астрономии на помощь историкам в восстановлении абсолютной хронологии древней истории приходят физики, химики и представители других естественных наук. Большие надежды возлагали историки на радиоуглеродный или радиокарбонный анализ. Его создателем является американский физик У. Либби, который в 1947 г. определил время полураспада радиоактивного изотопа C^{14} , превращающегося в изотоп азота N^{15} после гибели живого организма (животное, растение, или дерево). Скорость протекания этого процесса равномерна и легко высчитывается при помощи подсчета сохранившихся атомов C^{14} . За свое открытие У. Либби получил Нобелевскую премию и радиоактивный анализ стал широко применяться в определении абсолютного возраста органических материалов. Правда, в дальнейшем обнаружилось, что скорость протекания этого процесса

может изменяться под воздействием различных факторов и сравнение результатов радиоуглеродного анализа с другими способами датировки дает иногда значительные расхождения – до 100 лет для III–II тыс. до н.э. В настоящее время методика радиоуглеродного анализа совершенствуется и можно надеяться, что она даст в руки историков надежный инструмент для установления абсолютной хронологии.

Физики также предлагают и другие методы датировки материальных предметов, в частности, радиоспектральный анализ керамики, который может довольно точно определить время обжига данного изделия. Заслуживает внимания дендрологический метод, основанный на анализе годовичных колец древних живых деревьев, возраст которых иногда приближается к пяти тысячам лет. Это позволило создать калиброванную шкалу, с которой и сравнивают результаты радиоуглеродных анализов. Существуют еще лингвистические (анализ языка текстов), палеографические (анализ письменности), искусствоведческие и другие методы датирования.

Однако, прибегая к помощи других наук, историк, в первую очередь, должен надеяться на собственные приемы и методы установления абсолютной хронологии. Большую роль при этом играет метод исторических синхронизмов. Поскольку для большинства государств древнего Ближнего Востока хронологические опорные точки для большей части периода древности практически отсутствуют, то нам приходится прибегать к поиску синхронизмов, т.е. одновременно происходящих событий и действующих лиц в истории различных стран. Сохранились «Синхронистическая история», параллельно излагающая историю Ассирии и Вавилонии с XVI по IX вв. до н.э.; «Хроника о падении Ниневии», рассказывающая о гибели ассирийской державы; «Вавилонская хроника», повествующая о взятии Вавилона персидскими войсками Кира II в 539 г. до н.э. и др. Подлинной сенсационной находкой в конце XIX века стало открытие Телль-Амарнского дипломатического архива, в состав которого входят около 350 клинописных текстов, представляющих переписку двух фараонов Нового царства Аменхотепа III и Аменхотепа IV с многочисленными правителями Вавилонии, Ассирии, Митанни,

Хеттского царства, государств и городов Восточного Средиземноморья. Изучение этого архива позволило уточнить временную сетку событий и действующих лиц на всем огромном пространстве Ближнего Востока. Историю взаимоотношений Египетской и Хеттской держав позволяет выяснить такой замечательный источник как мирный договор 1280 г. до н.э., дошедший до нас в египетском и хеттском вариантах. Более изученная хронология Древнего Египта позволила уточнить и ключевые даты малоизвестной до того Хеттской истории.

Что же нам известно в настоящее время о хронологии Древнего Египта, как вели отсчет лет жители долины Нила? С этой великой рекой связана была вся жизнь создателей древнейшей цивилизации. Определение начала и окончания подъема воды в Ниле, сроков посевов и жатвы требовали математических вычислений и астрономических наблюдений. Начало года для египтян всегда совпадало с подъемом воды в Ниле, начинавшемся всегда 19 июля по современному календарю. Эта удивительная регулярность наблюдалась в течение многих тысячелетий, пока не была построена во второй половине XX века Ассуанская плотина. Большим достижением древних египтян было составление довольно точного календаря, построенного на тщательных наблюдениях за небесными светилами, с одной стороны, и режимами Нила – с другой. Год делился на три сезона: половодье, всходы и сухость, по 4 месяца каждый. Месяц состоял из трех декад по 10 дней. В году было 36 декад, посвященных созвездиям, названным в честь божеств. К последнему месяцу прибавляли пять добавочных дней (дни Тота), что позволило совмещать календарный и астрономический год (365 дней). При этом разрыв между астрономическим и календарным годами составлял около одной четверти суток (5 ч 48 м). День начала подъема воды в Ниле всегда совпадал с появлением на небосклоне самой яркой звезды Сириус или Сотис, как эту звезду называли древние египтяне. Интересно, что жрецы древнего Египта знали о расхождении между календарным и астрономическим годом, но почему-то не вносили корректив в исчисление времени. Високосный год был введен в Египте только реформой Птолемея III Эвергета в 238 г. до н.э. Таким образом,

египетский календарный год через каждые 4 года на 1 день опережал астрономический, совершая полный цикл последовательных смещений новогоднего дня за 1460 лет. То есть через 1461 календарный год, разлив Нила и восход на небосклоне звезды Сириус снова приходилась на первый день первого месяца. В последний раз в истории древности такой цикл, который мы называем эрой Сотиса, начался в 139 году нашей эры.

До сих пор в отношении египетской хронологии сохраняется та обеспеченность источниками, которая сложилась к началу XX века. Новые материалы не способны существенно изменить, уточнить или исправить ту хронологическую систему, которая была впервые построена немецким египтологом Л. Борхардтом, нашедшим знаменитую мастерскую скульптора Джахутимеса, где были обнаружены статуэтки Эхнатона и Нефертити. В городе строителей пирамиды одного из царей XII династии ученый обнаружил архив документов, в одном из которых сообщалась дата праздника «Выход (восход) звезды Сотис», который совпадал с египетским новым годом. По документу, обнаруженному Л. Борхардтом, не трудно было вычислить, в какой из циклов египетской истории попадает дата царствования этого известного фараона. Эту дату называют обычно Иллахунской или Кахунской. Зная время, которым датирован документ, можно установить соответствие хронологической системы, основанной на подсчете лет царствования отдельных фараонов и династий и абсолютной хронологии. Иллахунский папирус датирован 7 годом царствования пятого фараона XII династии. Это позволяет определить начало династии временем около 2000 года до н.э.. Эту датировку можно дополнить тщательным исследованием данных о ново- и полнолуниях. Исследования американского ученого Р.А. Паркера в этом направлении подтверждают правильность Иллахунской даты. Также и радиоуглеродный метод согласуется с этой датой, правда, в египетской истории пока таких дат единицы.

Особое место в установлении периодизации и абсолютной хронологии в истории древнего Египта занимает труд египетского жреца Манефона. Он жил в IV–III вв. до н.э. и написал на греческом

языке «Египетскую историю», от которой до нас дошло, к сожалению, немного. Из повествовательной части сохранились только куски, переписанные Иосифом Флавием (I в.н.э.). Полагают, что труд этот в единственном экземпляре хранился в Александрийской библиотеке, никогда не переписывался и погиб во время пожара. Кроме Иосифа Флавия, извлечения из этого труда мы находим у крупнейших хронографов начала IV в. н.э. Секста Юлия Африкана и Евсевия Панфила. Благодаря этому, в распоряжении современных ученых имеются достаточно полные списки царей Египта. Судя по ним, Манефон расчленил историю страны на 30 периодов, династий, сгруппировав их, в свою очередь, в 3 более крупных отрезка времени: Древнее, Среднее и Новое царства в Египте. Им соответствовали 3 тома его «Египетской истории». Первый том содержал историю первых 12 династий, второй – историю следующих семи и третий – историю 11 династий. Невозможно по этим спискам реконструировать подлинный ход истории Египта. Трудно даже сказать, вел ли сам Манефон счет династий, или их пронумеровали его истолкователи, пытавшиеся согласовать его хронологию с хронологической канвой Библии и историей греко-римского мира. Сведения Манефона о первых династиях подтверждаются летописью времен Древнего царства, крупнейший обломок которой хранится в музее г. Палермо, т.н. «Палермский камень», где сохранились имена царей Нижнего Египта. Поздняя историческая традиция не сохранила никаких сведений о додинастической эпохе, история которой реконструируется на основе вещественных памятников.

Датировка при первых двух династиях велась по примечательным событиям, случившимся в те или иные царствования. Позже, такие записи по годам сводились воедино, давая четкое представление о продолжительности каждого царствования и об основных событиях. Таким образом и появилась древнейшая летопись (Палермский камень), где запись событий начинается видимо с царя Аха или Мины (в списках Манефона) в сохранившейся части летописи – только с четвертого царя I династии и доводится до правления третьего царя V династии. Документы, которыми располагал

египетский историк в начале III в до н.э. настолько достоверны, что труд Манефона оказался ценнейшим историческим источником по истории династического Египта с начала III тыс. до н.э. Непреходящее значение этого труда состоит в том, что он дал историкам IV н.э. надежное основание для создания всеобщей хронологии в рамках историко-географического кругозора Римской империи. Разумеется, Манефон отличается от современного историка. Его позиция определяется и характером рабочего материала, и оценкой его достоверности. Следует учитывать, что Манефон "удревняет" историю Египта тем, что располагает правящие одновременно династии в периоды раздробленности, в последовательном хронологическом порядке, а иногда в этом «царском списке» отсутствуют, вероятно, по религиозно-идеологическим мотивам, имена некоторых фараонов. Поэтому, расхождения Манефона с историей Египта, установленной по другим источникам, значительны, особенно в цифровом материале, в подсчете хронологических сумм.

До сих пор Манефоновский царский список во многом определяет периодизацию истории древнего Египта, хотя ее разделение на три периода пересмотрено современной египтологией. Данные Туринской летописи позволяют установить общую сумму лет правления фараонов I–VIII династий примерно в тысячу лет. По таким вычислениям начало первой династии совпадает с началом III тыс. до н.э., чему не противоречат результаты радиоуглеродного анализа. К сожалению, прочную опору в хронологических построениях в виде точно датированных солнечных затмений, удастся привлечь на помощь лишь для I тыс. до н.э. – в период царствования фараона Нехо II – 30 сентября 610 г. до н.э. Но к этому времени египетская хронология и так становится на надежную почву исторических синхронизмов. Отметим, что единственный синхронизм древнее середины II тыс. до н.э. был обнаружен американским ученым В. Олбрайтом. Он синхронизирует Неферхотепа I (XVIII династия) и царей Мари – Зимрилама, и Вавилона – Хаммурапи. Поэтому, особенно на ранних этапах древнеегипетской истории, в датировке событий существуют значительные расхождения.

Здесь тоже существуют три различные хронологические системы: «короткая», «средняя» и «высокая»; причем «короткая» сейчас, по сути, общепринята. По этой хронологии, начало правления XVIII династии относится, примерно к 1550 г., а воцарение Тутмоса III к 1479 г. до н.э. Для III тыс. до н.э. диапазон расхождений в датировке доходит до 50 лет. Комбинирование данных об «опорных точках» с данными источников о продолжительности правлений египетских фараонов, позволяет уточнять абсолютные датировки и воссоздавать единую картину древнеегипетской хронологии, хотя тут мы пока лишь приближаемся к исторической реальности.

Мы уже говорили об особенностях источниковой базы Древней Индии, прежде всего ее письменных источников (чаще всего религиозно-философского содержания), что не позволяет установить достаточно твердую датировку ранних этапов древнеиндийской истории. Только труды античных авторов, начиная с похода Александра Македонского, привлечение синхронизмов из греко-римской истории, появление эпиграфических памятников в III в. до н.э. дают возможность более точно устанавливать абсолютную хронологию. Хронологическую канву индийской истории помогают выяснять археологические раскопки, интенсивно ведущиеся с начала 20-х годов XX века. Но и сейчас мы не в состоянии дать целостную и последовательную историю древней Индии.

Источниковая база истории древнего Китая обширна и многие источники хорошо датированы. Как мы уже упоминали, уважительное отношение к прошлому привело к складыванию прочной историографической традиции, появлению большого числа исторических сочинений и книг, где большое внимание уделялось проблемам абсолютной хронологии. Как и в других странах древнего мира, в Китае не существовало единой системы летоисчисления. Начиная с конца II тыс. до н.э. даты обозначались по годам правления ванов. Многочисленные эпиграфические памятники иньского времени, так называемые «гадательные кости», в обязательном порядке содержат имя вана и дату гадания. Но даже наличие большого числа источников не спасает синологов от значительных трудностей, на

которые они наталкиваются при установлении абсолютной хронологии. Так, например, при датировке такого важного события как Чжоуское завоевание, приведшее к падению государства Инь, существуют самые разнообразные точки зрения. Одни относят это событие к 1022 г., другие к 1066 г., или даже к 1127 г. до н.э. Лишь с 341 г. до н.э., для которого было определена опорная точка солнечного затмения, начинается достоверная хронология.

Развитие математики и астрономии привело к тому, что в 104 г. до н.э. китайскими учеными было вычислено, что продолжительность года составляет 365.25 суток. Принятый в этом году календарь использовался до 85 г. н.э. Год состоял из 12 месяцев, високосный год вводился 1 раз в три года. Солнечно-лунный календарь древних китайцев был четко приспособлен к нуждам сельскохозяйственного производства. С I в. н.э. для обозначения лет стали употреблять знаки 60-ричного цикла, что полностью устранило возможность серьезных ошибок в датах.

Можно с полной уверенностью сказать, что, несмотря на значительные трудности и сложнейшие проблемы, связанные с характером источников и датировкой событий древневосточной истории – это не мешает прогрессу в данных областях востоковедческих исследований. Происходит постоянное пополнение источниковой базы, совершенствуются методы источниковедческого анализа, более точной становится абсолютная хронология истории Древнего Востока.

Процесс развития и выработки более ясного представления о подлинном ходе реальной истории будет длиться всегда, приближая нас к подлинно научному и адекватному пониманию древневосточной истории. И о таком поступательном движении свидетельствует весь путь, пройденный историографией Древнего Востока.

Глава 4

Краткий очерк историографии Древнего Востока

4.1. Зарубежная ориенталистика

Так как в большинстве учебников по истории Древнего Востока отсутствует целостный очерк становления и развития, а также возникавших на этом пути трудностей и проблем нашей дисциплины, автор попытается в занимательной форме познакомить студентов с историей зарождения историографии древневосточных цивилизаций, как составной части огромного комплекса востоковедения. Первые крупные успехи в заложении основ ориенталистики были достигнуты в двух областях знания европейской науки XIX века, справедливо именуемом веком истории. У истоков нашей дисциплины стоят достижения классической филологии в области дешифровки древнейших систем письменности и в археологическом обследовании различных регионов Востока.

В XIX в. господствовало убеждение в подлинной научности истории, ее способности давать достоверное знание, даже о ранних этапах исторического процесса, создавать объективную картину прошлого, опорным элементом которой служил исторический факт. Поэтому на первом этапе становления молодой науки главной задачей становится выявление и накопление исторических фактов. Первоначально в распоряжении востоковедов было крайне ограниченное число источников. Это, прежде всего, труды античных авторов и сведения ветхозаветных книг Библии. Разработка истории Древнего Востока началась с критического анализа библейского текста, на основе которого формировались первые научные подходы к пониманию египетской и вавилонской истории. Таким образом первоначальные успехи в расширении кругозора первых востоковедов были связаны со становлением библейской критики. Принципы библеистики, как научной дисциплины, заложил еще в XVII в. голландский мыслитель Барух Спиноза, а в 1753 г. врач Людовика XIV Жан Астрик сделал вывод, что первая книга Пятикнижия состоит из двух редакций (или «документов»), созданных в разное время – так

называемые «Элохист» и «Яхвист». Так начиналось научное изучение Священного писания, которое должно было выявить время создания, авторство и достоверность сведений, приводимых в библейских книгах.

В середине XVIII в. молодой французский ученый Анкетиль-Дюперрон привез из Индии священную книгу зороастрийцев «Авесту» и перевел ее на французский язык, что способствовало дальнейшему развитию сравнительного языкознания. В 1784 г. верховный судья У. Джонс основал в Калькутте Азиатское общество и приступил к публикации и переводу с анскрита на английский язык памятников древнеиндийской литературы: «Законы Ману», знаменитая драма древнего поэта Калидасы «Шакунтала». Он же заложил основы индийской хронологии. Постепенно сравнительное языкознание накапливало материал для более обоснованных суждений о языке, письменности, истории и культуре народов Востока. Используя опыт, накопленный антиковедением и медиевистикой, можно было приступить к решению сложнейших проблем дешифровки древних забытых систем письменности и мертвых языков первых цивилизаций. В конечном итоге это привело к созданию двух важнейших конкретных дисциплин в востоковедении: ассириологии и египтологии.

Первые сведения о загадочной клинописи принес в Европу итальянский путешественник Пьетро делла Валле в 1621 г. из Персеполя. Он срисовал непонятные знаки и высказал предположение, что их надо читать слева направо. Он же вывез из Египта копто-арабский словарь и две мумии. Наиболее точные копии персепольских трехязычных надписей сделал Карстен Нибур в 1765 г. В простейшей системе было всего около 40 знаков. Эту часть надписей Нибур определил как древнеперсидскую. Дальнейший шаг в дешифровке этой письменности сделал учитель классических языков гимназии в Геттингене Георг Гротефенд. В своем городе он был известен как мастер разгадывания всяких шарад и криптограмм. И вот он заключил пари с друзьями, что сможет расшифровать эти непонятные знаки. В распоряжении Гротефенда было несколько копий тестов, привезенных

Нибуром, и он сделал то, что считали невозможным лучшие ученые того времени. Гротефенд неплохо знал благодаря греческим авторам историю Персидской державы. Он обратил внимание на то, что тождественная группа знаков встречается в тексте неоднократно. Это вызвало у него предположение о том, что речь идет о царской титулатуре, употреблявшейся Ахеменидами. При этом встречается только два различных варианта, один короче, другой длиннее. Отсюда он сделал гениальный вывод, что речь идет о двух царях – отце и сыне, первый из которых не мог в титулатуре употреблять слова: «Я сын царя такого-то», так как его отец не был правителем Персидской державы. Путем сложных умозаключений Г. Гротефенд определил имена трех персонажей древней истории: Дария I, его сына Ксеркса, и Гистаспа – отца Дария, т.е. определил, как он думал, 13 письменных знаков. На самом деле он правильно дешифровал 10 знаков из 39 в персидской системе клинописи. Это было только началом, но главный шаг был сделан. В 1802 г. Гротефенд доложил о первых результатах своих исследований в Академии наук г. Геттингена, и опубликовал небольшую заметку в научном журнале.

Используя методику Гротефенда, другие исследователи подключились к работе и завершили к 1836 г. дешифровку персидской части надписей. Особенно большой вклад внесли два друга, состоявшие в переписке, француз Бюрнуф и датчанин Лассен. Оставались две другие, более сложные системы. Одна из них оказалась словесно-слоговым силлабическим ассиро-вавилонским или аккадским письмом (аккадский язык состоял из двух диалектов – ассирийского и вавилонского), а другая на эламском языке. Дешифровка этих древнейших частей надписей затруднялась отсутствием большого текста. Нужна была обширная надпись на нескольких языках с большим числом имен и географических названий, что всегда облегчает дешифровку. Такая надпись была обнаружена в 1835 г. недалеко от иранского города Хамадан английским майором Генри Раулинсоном, состоявшим тогда на службе в персидской армии.

Это был очень интересный человек и выдающийся ориенталист с большими способностями к изучению восточных языков. Знаменитая Бехистунская надпись, найденная майором, состояла из 14 столбцов, включавших 400 строк, 50 собственных имен, выполненных на трех языках: древнеперсидском, аккадском и эламском. Она стала ключом к дешифровке двух других систем клинописи. 12 лет Раулинсон с риском для жизни копировал части огромной надписи, находящейся на высоте 100 метров и одновременно расшифровывал ее. Он оказался порядочным человеком и ученым. Скопированные части надписи публиковались им, и другие исследователи могли принять участие в работе. К 1847 г. ему удалось из более чем 600 знаков вавилонской части надписи определить 250. Значительный вклад в дешифровку внесли также европейские ученые: ирландец Э. Хинкс, француз Ж. Опперт, англичанин Норрис, шотландец Тальбот. К 1855 г. в основном усилиями Норриса была дешифрована и третья часть надписи на эламском языке. Таким образом, все три системы клинописи, использованной Дарием I для увековечения своих деяний, стали доступны ученым.

Но широкая публика плохо верила в то, что текст древних надписей доподлинно читается и понимается востоковедами. Поэтому решили устроить экзамен в Королевском Азиатском обществе. Незадолго до этого была найдена никому из ученых неизвестная надпись, копии с которой разослали четырем участникам дешифровки и попросили к определенному сроку предоставить перевод надписи, как оказалось, ассирийского царя Тиглатпаласара I. Не зная о том, что они подвергаются испытанию, ученые с блеском выдержали экзамен. Когда, при большом стечении любопытствующих, вскрыли конверты, то все переводы оказались одинаковыми, за небольшим разночтением. Произошло это в 1857 г., и этот год стал датой рождения науки ассириологии.

С успехом классической филологии связано и рождение другой науки – египтологии. Открытие загадочного Египта для европейцев начинается со знаменитой военной экспедиции генерала Наполеона Бонапарта. Долгие века Египет, входивший в состав Османской

империи, был закрыт для «франков» – так называли жители страны пирамид христиан-европейцев. Династия Мамелюков под страхом смерти не допускала путешественников-немусульман в долину Нила. Генерал Бонапарт предпринял поход в Египет с целью создания обширной империи и нанесения удара по ненавистой Англии. В 1798 г., перед отплытием из Тулона, Наполеон пригласил ученых разных специальностей принять участие в этой рискованной операции и 175 представителей французской науки дали свое согласие. 2 июля 1798 г. Наполеон высадился в Александрии, его путь лежал на Каир. Здесь у подножия пирамид и состоялась решительная битва с мамелюками. В жестоком сражении победил не фанатизм мусульман, а европейская выучка. Но, вступив в Каир, Наполеон попал в западню, так как 7 августа адмирал Нельсон разгромил французский флот. Еще год Наполеон будет одерживать победы, но 19 августа 1799 г. Бонапарт бежит во Францию, бросив на произвол судьбы свой корпус и ученых.

Несмотря на неудачу военной экспедиции, ученые сумели совершить научное открытие Древнего Египта. Среди штатских участников похода был удивительный человек, писатель и дипломат, рисовальщик и собиратель древностей, барон Доминик Виван Денон. Этот разносторонний искатель приключений по сути и познакомил Европу с памятниками Древнего Египта. Он был прикомандирован к генералу Дезо, который со своей дивизией преследовал предводителя мамелюков Мурада в Верхнем Египте. Барон без устали зарисовывал все достопримечательности Древнего Египта, копировал непонятные ему иероглифы, памятники Фив и Элефантины, храмы и гробницы, рельефы и статуи – все было запечатлено в бесчисленных папках Денона. Этот материал лег в основу 48-ми томного «Описания Египта» (1809–1828), которое положило начало знакомству европейцев с удивительными творениями страны фараонов. К сожалению, молчали многочисленные надписи, сделанные на плитах, обелисках, стелах, стенах погребальных камер, т.к. никто не знал ни языка, ни систему этой давно утраченной письменности. Правда, в 1799 г. блеснул луч надежды. При строительстве небольшого

укрепления солдаты обнаружили каменную плиту с двуязычной надписью – билингвой, – знаменитый «Розеттский камень». Обширная надпись относилась к началу II века до н.э. и была сделана жрецами в честь фараона Птолемея V Епифана. Она состояла из трех частей, первая – на древнегреческом, а две другие – на древнеегипетском, выполненные двумя системами письма. Несмотря на то, что древнегреческий язык знали многие, проникнуть в тайну иероглифов долгое время никому не удавалось. Многим задача представлялась неразрешимой, хотя, казалось бы, Розеттский камень давал ключ к разгадке тайны.

В 1801 г. остатки экспедиционного корпуса Наполеона сдались в плен англичанам. По условиям капитуляции французы должны были передать всю собранную ими коллекцию египетских древностей в Британский музей, в том числе и Розеттский камень. Но ученые предусмотрительно скопировали все памятники, так что сохранилась возможность работать с источниками. Без дешифровки письменности невозможно создать связную историю древней страны, но иероглифы молчали. Нужен был гениальный человек, который смог бы решить эту сложнейшую задачу. И такой человек нашелся – им стал Жан Франсуа Шампольон (1790–1832).

Природа как будто создала смуглого мальчика по кличке «египтянин» для того, чтобы он сумел проникнуть в великую тайну иероглифики. С детства он готовился к своей миссии и отличался удивительными лингвистическими способностями. В 13 лет он начинает изучать арабский, сирийский, халдейский, а затем и коптский язык. В 17 лет юношу избирают членом Академии Гренобля, а затем он продолжает образование в Париже. В это же время Шампольон начинает работать с новой копией Розеттского камня. Постепенно он интуитивно начинает постигать основные принципы иероглифического письма. Сравнивая собственные имена царей Египта, заключенные в картуши, Шампольон доказал, что иероглифы имеют фонетическое значение и вместе с тем могут быть и идеограммами, т.е. он показал смешанный характер древнеегипетской письменности. 27 сентября 1722 г. в письме г-ну Дасье, секретарю

Академии наук, он изложил свой метод дешифровки. Этот день принято считать днем рождения египтологии.

Открытие французского ученого вызвало самые различные отзывы современников. Одни высоко оценили его заслуги, но одновременно появилось много недоброжелателей и врагов, как например, английский физик Томас Юнг, считавший, что Шампольон похитил у него приоритет дешифровки. Жан Франсуа Шампольон установил также правильную последовательность развития египетского письма – иероглифическое, иератическое, демотическое. В 1828–1829 гг. он возглавлял археологическую экспедицию в Египет, и за полтора года собрал огромное количество материала, легшего в основу многотомного издания «Памятники Египта и Нубии». В последние годы жизни великий ученый упорно трудился над созданием грамматики и словаря древнеегипетского языка. Но сил завершить эту гигантскую работу не хватило. Он умер от чахотки в марте 1832 г., оставив после себя 20 томов рукописного наследия, которые опубликуют его ученики.

Интерес к Египту постоянно нарастал и уже в 40-е годы XIX в. начинают формироваться национальные школы египтологии ведущих европейских держав. Наряду с французами, продолжавшими сохранять ранг первооткрывателей Египта, в изучении далекого прошлого этой страны, в том числе в области дешифровки письменности, большую роль начинают играть немецкие исследователи. По инициативе Александра Гумбольдта, великого путешественника и естествоиспытателя, прусский король Фридрих Вильгельм IV выделил значительную сумму на снаряжение научной экспедиции в Египет, которую возглавили Рихард Лепсиус и Генрих Бругш (1843–1845). Немецкие ученые занимались раскопками и обследованием гробниц во многих местах. Делали они свое дело тщательно и планомерно, с немецкой педантичностью классифицируя все находки, легшие затем в основу сокровищ Египетского музея в Берлине. В результате изучения источников появляются многочисленные публикации, начиная с 20-ти томного роскошного издания «Памятники Египта и Эфиопии» и кончая монографиями по

самым разнообразным проблемам древнеегипетской истории и хронологии. Они же завершили дешифровку различных систем письменности, начатую Шампольоном, в результате чего появился первый словарь древнеегипетского языка, созданный Г. Бругшем. В дальнейшем появятся многочисленные грамматики и более точные словари, что позволяет в настоящее время читать и переводить все тексты всех эпох истории древнего Египта, за исключением лишь некоторых энигматических (ребусных), зашифрованных жрецами.

Одновременно, с успехами лингвистов и филологов делала первые шаги и накапливала опыт ближневосточная археология. Если поначалу раскопки совершались чаще всего энтузиастами и дилетантами, а иногда и просто искателями кладов, расхитителями древних памятников, то в дальнейшем была разработана совершенная методика археологического обследования. На первом этапе развития историографии Древнего Востока (с начала до 80-х годов XIX в.) в этот поступательный процесс внесли свой вклад многие европейские ученые – от итальянца Баттисто Бельцони до англичанина Уильяма Флиндерса Питри.

Особого уважения заслуживает блестящий представитель французской школы египтологии Огюст Мариэтт. Впервые молодой ученый приехал в Египет в 1850 г. с поручением от Луврского музея пополнить коллекцию египетских памятников древности. В Каире он испытал настоящее потрясение – Египет превратился в колоссальный аукцион по распродаже древностей. Уникальные памятники страны пирамид расхищались как европейскими и американскими музеями, так и частными коллекционерами. Хищнические раскопки велись всеми, кому вздумается. При этом наносился страшный ущерб национальному достоянию Египта. Тогда О. Мариэтт поклялся, что он посвятит жизнь великой задаче – сохранению египетских древностей. Всю свою жизнь он проведет в этой стране, занимаясь раскопками, пополняя коллекции созданного им Каирского музея, являющегося сейчас величайшим в мире собранием египетских древностей. Мариэтт основал Департамент охраны древностей, который выдавал лицензии на право проведения раскопок и затрунил вывоз ценностей

из страны. Он раскопал знаменитый Серапеум – религиозный комплекс из двух храмов в честь бога Сераписа – и соединяющую их аллею сфинксов, а также кладбище священных быков-аписов близ Мемфиса. В благодарность за неутомимую деятельность Мариэтту был установлен памятник в саду Каирского музея, здесь же покоится и прах ученого в древнем гранитном саркофаге.

Итак, мы познакомились с первым этапом развития египтологии, теперь же обратим внимание на историю открытия древнейшей цивилизации, возникшей в междуречье Тигра и Ефрата. В Ветхом Завете много говорится о древних государствах Месопотамии, о могучей Ассирийской державе и великом царстве Навуходоносора II, о знаменитой Вавилонской башне и блистательной Ниневии, о разрушении первого храма в Иерусалиме и вавилонском плене евреев.

Казалось бы, библейская археология, в первую очередь, должна была заняться поисками и раскопками в Месопотамии. Однако, исследование древностей этой страны несколько задержалось по ряду причин. Прежде всего, полупустынный характер местности с нездоровым климатом часто вызывали эпидемии холеры, чумы и других страшных болезней. Во-вторых, нежелание турецкой администрации допускать чужеземцев к раскопкам из-за опасений, что "франки" утаят найденные сокровища.

Первый шаг в месопотамской археологии сделал англичанин Джеймс Рич, уполномоченный Ост-Индской компании в Багдаде. Он занимался описанием вавилонских развалин, собирал коллекцию древностей и даже пытался раскапывать холм Куянджик в окрестностях г. Моссула. Этот холм был овеян легендами, местные жители уверяли, что под ним скрывается знаменитая последняя столица Ассирии – Ниневия. Однако, попытка Рича оказалась неудачной. Ничего ценного он здесь не обнаружил. А вскоре Рич заболел холерой и умер.

Только через 20 с лишним лет в 1842 г. раскопки на холме Куянджик возобновил французский консул в Моссуле Эмиль Поль Бота – врач по образованию, собиратель коллекций африканских

насекомых, увлеченный экзотикой Востока человек. Ботта с большим трудом получил разрешение местного пашы – губернатора Моссула – на проведение раскопок, но не нашел ничего. Через год к нему явился араб из деревни Хорсабад и рассказал, что он сам и его соседи складывают печки из кирпичей, испещренных надписями. Тогда Ботта направил туда небольшую экспедицию, которая едва приступив к раскопкам, обнаружила стены, покрытые надписями, рисунками, рельефами, изображениями диковинных зверей и бородатых людей. Это были следы древнейшей, неведомой до сих пор никому, цивилизации. Ботта перебросил на это место всех своих людей и вскоре были раскопаны руины резиденции знаменитого ассирийского царя Саргона II – города Дур-Шаррукин. Но Ботта до конца своей жизни был уверен в том, что он раскопал Ниневию. Он даже написал пятитомную книгу «Памятники Ниневии». Раскопки Ботта продолжались три года и дали поразительное изобилие рельефов и скульптур, памятников материальной культуры, правда, быстро погибавших от горячего дыхания пустыни. Часть находок, погруженная на плоты, погибла в бурных водах Тигра, но большая часть была доставлена в Париж и составила основу Месопотамской коллекции Луврского музея.

Второй успешный шаг в становлении месопотамской археологии сделал английский дипломат и востоковед Г.А. Лейярд. В 1845 г. он приступил к раскопкам на холме Нимруд и сразу же наткнулся на стены двух ассирийских дворцов. Несмотря на помехи со стороны турецких властей, Лейярд продолжал работы и раскопал большую часть одной из столиц ассирийской державы – Кальху, с царскими дворцами, грандиозными скульптурами человеко-быков и человеко-львов. Некоторые из них с большими трудностями были доставлены в Британский музей.

Лейярд не остановился на достигнутом. Следующим объектом для раскопок он выбрал тот самый Куянджикский холм, который безуспешно раскапывал Ботта. Здесь он обнаружил дворец царя Синаххериба с частью библиотеки его внука Ашшурбанапала, полной «глиняных книг». Так была открыта знаменитая Ниневия – последняя

столица Ассирийской державы. Британский музей дал средства и в 1849–1851 гг. Лейярд и его сотрудник Х. Рассам продолжали изыскания на холме Куянджик и обнаружили дворец ассирийского царя Ашшурбанапала с великолепными рельефами, изображающей охотничьи и военные сцены, в том числе знаменитую Ниневийскую львицу, обширную царскую библиотеку из 30 тыс. табличек. Рассам, продолжая самостоятельные раскопки, сделал ничуть не меньше Лейярда. Он открыл ассирийские памятники IX в. до н.э. в местечке Балават, в частности, бронзовую обшивку крепостных ворот с изображением сцен военных походов. Он обнаружил развалины древнего города Сиппара. Он нашел многочисленные письменные документы. Одной из интереснейших его находок оказалась летопись Ашшурбанапала на глиняном цилиндре, получившем в науке наименование «Цилиндр Рассама». Однако методы первых открывателей Месопотамской цивилизации были очень несовершенными, а иногда и варварскими. В погоне за ценными вещами и произведениями искусства они зачастую разрушали то, что им казалось не представляющим интереса. Недаром Рассам получил нелестное прозвище «Расхититель древностей».

Среди первооснователей ассириологии особое место занимает Джордж Смит. Скромный гравёр Британского музея, ставший крупнейшим специалистом в области месопотамской истории. Он самостоятельно изучил аккадский язык и клинопись. Занимаясь переносом клинописных комбинаций на литографский камень через 2 года он становится ассистентом египетско-ассирийского отдела Британского музея в Лондоне. Однажды ему попался в руки большой осколок глиняной таблицы, найденной в развалинах Ниневии. И это стало первым шагом на пути открытия великой вавилонско-ассирийской литературы. Это был рассказ о могучем герое Гильгамеше, который в поисках бессмертия отправился к своему прародителю Утнапиштиму, спасшемуся во время великого потопа. Описание этого бедствия детально совпадали с аналогичным описанием в книге «Бытие» Ветхого Завета. К сожалению, в распоряжении Смита была лишь часть текста и все же он не мог

молчать – ведь Смит знал, что табличка, попавшаяся ему в руки, намного древнее библейских текстов. Это вызвало волнения в добропорядочной протестантской Англии, поскольку сообщение Смита подрывало веру в первичность и оригинальность откровений Библии. Лондонская газета «Дейли телеграф» заявила, что готова снабдить молодого ассистента суммой в тысячу гиней, чтобы он смог организовать экспедицию на холм Куянджик и найти остальные части эпоса о Гильгамеше.

Джордж Смит принял вызов. Когда он прибыл на раскопки Ниневии в 1872 г., то увидел, что в царившем там хаосе и беспорядке найти нужные ему таблички почти невозможно. Но судьба часто бывает на стороне упорных и настойчивых. И произошло невероятное – ему удалось найти все 12 таблиц, составлявших самое великое произведение литературы древней Месопотамии. Смит доказал свою правоту, но он продолжал раскопки, несмотря на то, что «Дейли телеграф» прекратила субсидирование экспедиции. За три года работ он обнаружил около 3 тысяч глиняных табличек. Когда в 1876 г. началась очередная эпидемия чумы и холеры, и рабочие в страхе разбежались, он один продолжал работу. Однако на этот раз судьба не пощадила самоотверженного ученого. Он смертельно заболел холерой. Умирая, покинутый всеми в своей палатке, 36-летний исследователь написал перед смертью: «Я сделал для науки все, что смог».

Первый этап становления историографии Древнего Востока был связан с накоплением и систематизацией письменных и вещественных памятников, их публикацией и комментированием. Это было младенческое состояние ориенталистики. Второй этап ее развития продолжался с 80-х годов XIX в. и до начала Первой мировой войны. По праву его называют классическим в формировании древневосточной историографии. Развитию востоковедения в это время способствовала колониальная экспансия ведущих европейских держав, создавших свои колониальные империи: Британскую, Французскую, Бельгийскую, Голландскую, Германскую. К имперским претензиям ведущих стран Европы нужно добавить огромный общественный интерес в странах Запада к загадочной истории и

культуре Востока. Правительства европейских государств начинают выделять значительные средства на изучение языков, обычаев и традиций народов, которыми они повелевают. В том числе, интерес колониальной администрации обращается к исследованию древнейшего прошлого стран Востока. Именно в это время возрастает интенсивность усилий европейских ученых с целью распознавания древних истоков восточных цивилизаций. В этот период формируется блестящая плеяда великих историков древности. Это, прежде всего, представители европейской науки: Гастон Масперо, Эдуард Мейер, У.Ф. Питри, Г. Винклер, де Морган, Леонард Вулли, Джордж Маршалл, Анри Масперо, Фридрих Делич, В. Смит, Т. Рис-Дэвидс и другие.

С полным правом к этой когорте великих историографов Древнего Востока мы можем причислить имена своих соотечественников Б.А. Тураева и В.С. Голенищева. В европейских и российских университетах (прежде всего в Петербургском) все большее внимание уделяется изучению древней истории Востока, подготовке исследовательских кадров в этой области. В этот период получили развитие новые методы исследования накопленного в предыдущий период материала, наряду с введением в научный оборот громадного пласта только что открытых вещественных и материальных источников. На втором этапе развития историографии Древнего Востока были выработаны основные принципы научных изданий, усовершенствовались источниковедческие приемы, по сути был введен в оборот весь громадный объем источников. Одновременно внедрялись научные методы археологического обследования, обработки и хранения добытого материала. В музеях столиц европейских государств и в Каире создаются богатые коллекции восточных древностей, которые тщательно изучаются. Именно на этом этапе появляются на свет первые обширные монографии и целостные обзоры истории древневосточных цивилизаций, крупные сводные труды по истории отдельных регионов, так называемого, классического Востока. В мировой научной литературе появляются такие классические работы, как

«История народов классического Востока» Г. Масперо (1895–1899, т. 1–3), «История древности» Э. Мейера (1884–1910, т. 1–5), «История Древнего Востока» Б.А. Тураева (1912–1913, т. 1–2), а также сводные труды по отдельным регионам Древнего Востока: «История Египта с древнейших времен У.Ф. Питри (1894–1905, т. 1–3), «История Египта» Д. Брэстеда (1905, т. 1–2) и его «Памятники Древнего Египта» (1906–1907, т. 1–5), «Вавилонская культура и ее отношение к культурному развитию человечества» Г. Винклера (1903), «История Вавилонии» (1915) и «История Шумера и Аккада» Л. Кинга (1916), «Ранняя история Индии» В. Смита (1904), «Буддийская Индия» Т. Рис-Девидса (1903). Этот список имен и трудов великих историков древности можно легко расширить, но именно эти ученые определили основные направления в развитии историографии Древнего Востока в классический период. Мы полагаем, что следует, хотя бы, немного остановиться на вкладе отдельных корифеев востоковедения на этом этапе.

Особого внимания заслуживают два выдающихся представителя соперничающих школ египтологии Г. Масперо и У.Ф. Питри. Г. Масперо стал одним из преемников О. Мариэтта на посту начальника Управления службы охраны древностей Египта и директора Каирского музея. Г. Масперо был блестящим филологом, при нем проводились ежегодные археологические экспедиции, дававшие прекрасные результаты. Но более всего он стал известен как настоящий криминалист в расследовании одного уголовного дела. Однажды профессор Г. Масперо получил письмо из Европы о том, что на подпольном рынке антиквариата в Каире вновь продаются ценнейшие раритеты: маленькие статуэтки, папирусы, предметы ритуальной утвари, связанные с именами великих фараонов древнего Египта, чьи мумии так и не были обнаружены в местах их захоронения. И Масперо предположил, что кто-то нашел тайник, место общего погребения многих фараонов. Великий ученый начал криминальное расследование. В Луксор был отправлен молодой ассистент, который постарался войти в доверие к продавцам необычных раритетов. Ему удалось познакомиться с одним из двух

братьев-арабов, имевших непосредственно причастность к нелегальной торговле предметами древности. В ходе расследования стало очевидным, что в деревушке Курна все население – грабители гробниц Долины царей, где находились захоронения большинства фараонов Нового царства. На протяжении трех тысяч лет жители Курны кормили свои семьи за счет повелителей древнего Египта. Абдаль Рассул в 1875 г. нашел тайник в скале, где жрецы при XXI династии спрятали более 40 мумий фараонов Среднего и Нового царств с богатым погребальным инвентарем. Первым из европейских ученых спустился в штольню брат знаменитого египтолога Эмиль Бругш, обнаруживший здесь мумии самых известных фараонов древнего Египта: Тутмоса III, Сети I, Рамсеса II и др. С большим риском Бругшу удалось извлечь содержимое тайника и отправить в Каир по Нилу. При этом все жители долины встречали пароход с мумиями великих фараонов древности, как истинные египтяне, хотя и были мусульманами и давно говорили по-арабски: мужчины стреляли в воздух, а женщины оплакивали, как и тысячи лет назад, усопших фараонов.

В 80-е годы начинается неутомимая исследовательская деятельность великого английского египтолога У.Ф. Питри. В отличие от своих предшественников, он тщательно и целенаправленно готовился к встрече с историей древнего Египта. Еще в детстве он высказал пожелание «просеять» всю землю Египта для того, чтобы не только найти все, что она скрывает в своих глубинах, но и получить представление о первоначальном расположении всех находок. Уже в юности, кроме интереса к древности Питри упорно занимался естественными и точными науками, прежде всего, химией и математикой. В 1880 г. в возрасте 27 лет он отправился в страну своей мечты, где проводил раскопки на протяжении 46 лет с небольшими перерывами. Археолог раскапывал целые города: греческую колонию Навкратис, одну из столиц Египта – город Иллахун (Кахун), храмы и гробницы. Он стал крупнейшим специалистом в области древнеегипетской истории и культуры. Научное наследие профессора У.Ф. Питри насчитывает 90 томов. Его трехтомная «История Египта»

(1894–1905) была одной из первых монографий, посвященных этой теме. Особое внимание Питри уделял исследованию пирамид Гизы. Он даже жил в одной из заброшенных гробниц и занимался измерениями пирамиды Хеопса, вокруг которой было нагромождено столько вымыслов и цифровой мистики. Именно Флиндерс Питри заложил основы научной дисциплины *пирамидологии*, усовершенствовал методику проведения археологических работ. Он стал одним из основателей «Фонда исследования Египта», который субсидировал научные работы. Питри внес огромный вклад в дело организации и хранения открытых памятников. Благодаря усилиям таких ученых, как Мариэт, Масперо, Питри и др., египтология превратилась в подлинную науку.

Важное значение именно на втором этапе развития востоковедения, имели публикации археологических материалов и издание письменных памятников таких как «Генеральный каталог египетских древностей музея в Каире» или пятитомный труд известного американского исследователя Д. Брестеда «Исторические документы по истории Египта, начиная с древнейших времен и до персидского завоевания», «Тексты пирамид», «Книга мертвых» и многое другое. Именно в этот период появляется ряд обобщающих работ по истории Египта, в которых осмысливается ход древней истории и место Египта в истории Ближнего Востока. Наряду с упомянутым трудом Питри следует назвать, в первую очередь, двухтомную «Историю Египта» Д. Брестеда, несколько монографий Л. Море – «Во времена фараонов» и «Цари и Боги Египта». Значительное место занимает древний Египет в истории народов классического Востока, изложенной в трудах таких маститых египтологов, как Г. Масперо, Э. Мейер, Б.А. Тураев⁴⁰.

В этот период больших успехов добивается и ассириология. Продолжается дешифровка различных систем клинописи, в частности, в это время усилиями таких ученых, как, Ф. Тьюро-Данжен, А. Пёбель,

А. Даймель, А. Фалькенштейн, С.Н. Крамер и др. была дешифрована шумерская письменность – первооснова всей клинописи. Они же являются создателями грамматики, учебников и словарей шумерского языка. В 90-е годы XIX выдающийся немецкий ассириолог Ф. Делич создал грамматику и словарь аккадского языка.

Раскопки на территории Месопотамии принимают систематический характер, раскапываются многочисленные города долины Тигра и Евфрата. Здесь, как и в Египте, идет настоящее соперничество национальных школ ассириологии. Английские экспедиции раскапывают древние шумерские города Урук, Ур, Ларса, Эреду. Французы во главе с Э. де Сарзекком раскапывают шумерский город Лагаш, где находят многочисленные вещественные и письменные памятники, огромный архив хозяйственных документов. Другая французская экспедиция во главе с де Морганом раскопала эламскую столицу Сузы и тоже обнаружила здесь ценнейшие источники, в частности, знаменитый черный базальтовый столб с законами Хаммурапи. Американцы находят древний религиозный центр Ниппур с обширной храмовой библиотекой. Постепенно совершенствуется научная методика проведения работ. Особых успехов добиваются в этом немецкие ученые, которым принадлежат воистину эпохальные открытия. Экспедиция под руководством Р. Кольдевея (1899–1917) открыла древний Вавилон – важнейший экономический, политический и культурно-религиозный центр Месопотамии.

Многие находки дополнили блестящую коллекцию Берлинского музея. Немецкий археолог В. Андре в 1903–1914 гг. раскопал древнейшую столицу Ассирии – город Ашшур, где были обнаружены руины царских дворцов, храмов, царские склепы, городские дома и улицы. В это же время были обследованы остатки шумерского города Шуруппак, Борсипа – пригород Вавилона, а также шумерский город Умма. Первая мировая война на время прервала раскопки в Двуречье,

---

⁴⁰ Масперо Г. История народов классического Востока. 1895–1899. Т. I–III. Мейер Э. История древности. 1884–1910. Т. I–V. Тураев Б.А. История Древнего Востока. 1912–

но накопленный к этому времени громадный фактологический материал позволил создавать общие труды по истории Месопотамии, среди которых выделяются труды немецких ученых К. Бецольда и Б. Майснера, американских ученых А. Олмстэда, А.Л. Оппенгейма др.

В зарубежной ассириологии разрабатывались в первую очередь вопросы, связанные с проблемами политической истории и государственного устройства. Важным направлением в европейской науке становится изучение права древней Месопотамии (Ф.Тюр-Данжен, А. Пёбель и др.). И в ассириологии и в египтологии наибольшее внимание уделялось вопросам культуры и религии, а также проблемам этногенеза, происхождению шумеров, египтян и их взаимоотношениям с семитоязычными народами. При этом в исследованиях второго этапа развития историографии Древнего Востока встречается и идеализация восточной деспотии, и представление об извечности и статичности ее существования, и идеалистическое объяснение причин войн темпераментом и характером народов. Гораздо меньшее внимание зарубежная наука уделяла проблемам экономики и социальных отношений. Изучение этих проблем требует разработки иных теоретико-методологических основ для понимания истории древних обществ и закономерностей их развития. Не случайно, что именно в это время, появляются различные теории и концепции, пытающиеся объяснить многие узловые проблемы древности.

Одной из самых спорных теорий в истории науке о Древнем Востоке стала теория *панвавилонизма*, созданная в конце XIX–начале XX века крупнейшими немецкими ассириологами Г. Винклером, Ф. Деличем и др. В ряде своих изданий они утверждали, что все человечество имеет лишь одну колыбель культуры – Древний Вавилон. В своих трудах, привлекая богатейший клинописный материал и данные археологии, они старались доказать, что все солнечные и звездные мифы, вся астрология, вся ветхозаветная мифология уходят корнями в астральное мировоззрение жрецов

древнего Вавилона. Реакция против панвавилонизма была довольно резкой. В дискуссии принимали участие такие видные египтологи, как Э. Мейер, Б.А. Тураев и др. В своих нападках на доводы панвавилонистов, наряду со справедливыми указаниями на некоторые слабости аргументации теории, они допускали ряд перегибов, отрицая, например, глубокую древность вавилонской астрономии и науки в целом. Споры вокруг теории панвавилонизма способствовали возрастанию интереса к Древнему Востоку, подрывали позиции европоцентризма в науке о древности, но панвавилонисты несколько принижали вклад и способность к самостоятельному творчеству других народов. И все же, с высоты современного уровня развития ориенталистики, мы можем говорить, что месопотамская цивилизация была наиболее динамичной и оказала огромное воздействие, гораздо большее, чем египетская, на окружающие страны и народы. Ее достижения, усвоенные древними греками через посредничество финикийцев, способствовали более быстрому расцвету античной культуры и науки и, таким образом, легли в основу общемировой культуры.

Одной из наиболее распространенных концепций в начале XX в. явилась теория цикличности всемирно-исторического процесса, созданная великим историком древности Э. Мейером. С его точки зрения, история античного Средиземноморья и классического Востока составляет единый географический комплекс, в рамках которого создаются элементы исторического и культурного единства, реализуемого позднее в римской цивилизации. Одной из особенностей концепции Э. Мейера является внимание к разным сторонам жизни древневосточных обществ, включая социально-экономические отношения, хотя решающее значение он всегда придавал государственности. Концепция Мейера связана, прежде всего, с отрицанием чрезмерного оптимизма теории однолинейной эволюции, основанной на идее непрерывного поступательного прогрессивного движения человечества. Немецкий ученый прекрасно знал, что в истории бывают провалы и отступления, регресс и гибель целых цивилизаций. Поэтому он разделил всю мировую историю на два

замкнутых цикла. Первый начинается после периода варварства с восточных цивилизаций, которые Мейер определял как общества *вечного феодализма*. Следующая ступень связана со становлением и развитием античной цивилизации, начало которой положили греки, а высшего расцвета она достигает в римский период. Общественный строй этой цивилизации он определил, как древний капитализм, основанный на частной собственности и рыночно-товарном производстве, уподобляя античных рабов наемным работникам. Капитализм Мейер считал высшей формой общественно-экономического устройства. После падения Римской империи, под ударами варварских, прежде всего, германских племен, заканчивается первый цикл всемирной истории и она возвращается на исходные позиции. Затем начинается новый цикл средиземноморской истории, связанный со становлением западно-европейского феодализма. В период новой истории развивается на более высоком уровне европейский капитализм, который в силу внутренних противоречий, достигнув высшей точки, тоже должен погибнуть, и все вернется на круги своя. В этой теории отразились мрачные предчувствия краха современной цивилизации, которые накануне Первой мировой войны владели умами и других мыслителей (см. «Закат Европы» О. Шпенглера и «Постижение истории» А. Дж. Тойнби).

В это же время существовали иные теории и концепции, по своему объяснявшие ход исторического процесса и основные факторы, определяющие движение человечества. Значительное влияние и распространение получает марксистская теория общественно-экономических формаций, которая рассматривает восточные общества как принадлежащие к азиатскому способу производства (см. выше Глава 2 настоящей работы). Возникают различные расовые концепции, основанные на биологическом детерминизме, например, уже упоминавшаяся арийская расовая теория Смита и Чемберлена и др. Некоторое распространение получают также теории миграций и культурной диффузии, основанные на переносе цивилизационных достижений при помощи передвижений различных этносов и культурного взаимопроникновения.

Мы убедились, что на втором, классическом этапе развития востоковедения были достигнуты большие успехи в различных областях познания истории древневосточных обществ. В результате происходит превращение ориенталистики в подлинную науку со своими методами и теоретико-познавательными принципами.

Третий этап развития ориенталистики приходится на межвоенный период – с конца 10-х годов до конца 30-х годов XX века. В это время произошли существенные изменения в мировой исторической науке и общественной мысли. Единый историографический процесс раскололся на несколько различных направлений, где исследования древности велись с разных позиций: традиционное, продолжавшее тенденции науки XIX в.; марксистское, формирующееся в СССР; расистское, на позициях которого стояли многие германские и итальянские ученые. Противоборство этих направлений сопровождалось ожесточенной полемикой, где зачастую стремились не столько к выяснению объективной истины, сколько к созданию образа идеологического врага. Более плодотворным для научного исследования оказалось традиционное направление. Широкомасштабные раскопки на больших площадях привели к открытию новых цивилизаций и крупных государственных образований, как, например, Хеттское общество, государство Урарту; в Индии была открыта древнейшая цивилизация с центрами в Мохенджо-Даро и Хараппе. В Китае в результате раскопок И.Г. Андерсона и др. были обнаружены неолитические культуры Яншао и Луншань. Началось обследование столицы древнего государства Шан-Инь и т.д. Резко возросло общее количество самых различных категорий источников, новых успехов добились в дешифровке древнейших систем письменности, ранее плохо поддававшихся пониманию.

Очень значительных результатов на этом этапе достигла месопотамская археология. На протяжении тринадцати сезонов в Уре работала английская экспедиция под руководством великого археолога Леонарда Вулли. Были сделаны крупные открытия и найдены многочисленные источники, которые позволили восстановить

историю города, начиная с IV тыс. до н.э. и кончая IV в. до н.э. Здесь были вскрыты и обследованы более десятка царских гробниц первой династии Ура. Самым богатым захоронением явилась знаменитая «шахта смерти», принадлежащая великой жрице Пуаби (раньше ее называли Шубад). Вероятнее всего, она являлась супругой энси, вступавшей в обряд священного брака с богом Луны, покровителем Ура – Наннаром. Великую жрицу в ее путешествии в подземную страну Кур сопровождали более шестидесяти воинов, слуг и «фрейлин». В гробнице были обнаружены богатые украшения, золотые сосуды, музыкальные инструменты, парадные повозки и колесницы и многое другое. Изучение материалов, из которых были изготовлены эти высокохудожественные вещи, свидетельствует об источниках богатства и возвышения Ура, бывшего крупным транзитным центром торговли: золото из Индии, слоновая кость из Сирии, лазурит из Афганистана. Но не эти богатства составили самое замечательное открытие Л. Вулли. На глубине двадцати метров заканчивался культурный слой и обычно на этом археологи прекращали свои раскопки. Но Вулли пошел дальше; после двух-трехметрового слоя чистого речного песка он снова натолкнулся на следы человеческой деятельности, что подтвердило догадку многих его предшественников о том, что миф о всемирном потопе, зафиксированный в Библии, имел реальное воплощение на территории древней Месопотамии. Этот вывод подкрепляется данными Шумерского царского списка. Следуя методике Вулли, последующие экспедиции тоже открывали под развалинами шумерских городов памятники более древних культур, что доказало достоверность сведений о великом потопе, который хотя и не был всемирным, но оставил глубокий след в древней истории Месопотамии. Л. Вулли работал и в других странах Ближнего Востока; в Египте он принимал участие в раскопках Ахетатона, столицы фараона-реформатора Эхнатона, участвовал в археологическом обследовании памятников древней Палестины. Таким образом, он внес огромный вклад в исследование древневосточной истории в целом.

В 1933–1939 гг. французскими археологами под руководством Анри Парро был раскопан древний город Мари, столица одноименного государства. Здесь был открыт грандиозный дворец царя Зимрилима, современника знаменитого вавилонского царя Хаммурапи. В древности этот дворец называли одним из чудес света за его красоту, богатство и комфортабельность. В развалинах дворца был обнаружен громадный хозяйственный и дипломатический архив, состоящий из более чем 20 тыс. глиняных таблиц. Изучение этих документов заставило пересмотреть всю месопотамскую хронологию и удревнить ее более чем на два века. Производились раскопки и на территории периферийных государств Месопотамии. В 20–30 годы XX в. американские экспедиции обследовали Аррапху и Эшнуну, где тоже были обнаружены богатейшие письменные и вещественные источники.

На этом этапе развития историографии Древнего Востока в европейской науке происходит переосмысление роли и места египетской цивилизации в истории классического Востока. Постепенно распространяется концепция А.Дж. Тойнби, настаивавшего на относительном равноправии великих цивилизаций древности, будь то египетская, вавилонская, индийская или античная. Именно с этих позиций дана характеристика египетской цивилизации в «Кембриджской древней истории» (Т. I–II, 1928–1938).

В это время были сделаны сенсационные открытия в области египетской археологии. Самой выдающейся находкой является долгожданное обнаружение единственной, почти не разграбленной гробницы одного из недолго правивших фараонов XVIII династии Тутанхамона. Этот прорыв во всеоружии тогдашней европейской науки совершил Говард Картер, ученик У.Ф. Питри. Опираясь на строгие методы археологии, разработанные его учителем, Картер сохранил тот энтузиазм, который был присущ первооткрывателям древнейших на земле цивилизаций. Долгие годы ученый шел к своему звездному часу. Почти бесплодные раскопки в знаменитой Долине царей близ Фив не похоронили в нем надежду найти заветную гробницу. К счастью, на жизненном пути английского археолога

встретился лорд Карнарвон, известный спортсмен, джентльмен и путешественник, вынужденный вследствие автомобильной катастрофы по состоянию здоровья проводить зимнее время в Египте. Он всерьез заинтересовался коллекционированием произведений искусства и предметов древности. Богатый человек он приступает к самостоятельным раскопкам. За недостатком специальных знаний, он обращается за помощью к молодому Г. Картеру, уже признанному исследователю.

Сотрудничество двух этих людей оказалось необычайно плодотворным. С осени 1917 г. они приступили к широкомасштабным раскопкам в Долине царей, разрытой уже вдоль и поперек их предшественниками. Большинство египтологов было уверено, что время великих открытий здесь миновало, но Картер был убежден, что им удастся найти еще необнаруженное захоронение Тутанхамона. Шесть лет безуспешных поисков казалось бы должны были привести к мысли о тщетности дальнейших работ. И все же они решили посвятить последнюю зиму своей химерической мечте. И наконец-то удача улыбнулась упорным искателям. В ноябре 1922 г. Картер обнаружил вход в никому неизвестную гробницу. Раскопав ступени лестницы, рабочие обнаружили запечатанную дверь, которую вскрыли только после возвращения лорда Карнарвона из Англии. 24 ноября 1922 г. было приступлено к исследованию гробницы. К сожалению, оказалось, что и сюда дважды проникали грабители. Через несколько дней, рабочие натолкнулись на вторую дверь, и когда проделали отверстие, Картер увидел удивительные вещи.

Четыре года продолжалось обследование гробницы, давшей миру великие шедевры древнеегипетского искусства. Работа велась с осторожностью и кропотливостью. Использовались все достижения современной науки в описании и консервации тысяч бесценных раритетов, среди которых антропоидный гроб из листового золота весом около 110 кг, знаменитая золотая маска Тутанхамона с инкрустацией из лазурита, золотой трон с красочными росписями и многое, многое другое, что составляет сейчас гордость коллекции Каирского музея. Атмосфера ажиотажа, сложившаяся вокруг

гробницы, породила миф о «проклятии фараона», связанный с безвременной смертью многих из тех, кто имел отношение к этому открытию. Против распространения необоснованных слухов первым выступил сам Г. Картер и другие серьезные египтологи, которые доказали, что никакого проклятия фараона не существует.

Одновременно усилилось внимание ученых к древнейшим памятникам додинастического и раннединастического периодов, которые поставили проблему происхождения древнеегипетской цивилизации. Огромный вклад в разработку различных проблем древнеегипетского языка и его грамматики внесла Берлинская школа филологии. Незаменимым руководством для понимания древних иероглифических текстов является издание монументального словаря египетского языка в пяти томах, осуществленное А. Эрманом и Х. Граповым в 1926–1931 гг. Крупнейшему английскому египтологу А. Гардинеру принадлежит публикация многотомных изданий египетских документов и одна из лучших грамматик египетского языка. С 20-х годов XX в. формируется национальная школа местных египтологов (Ахмет Камаль, Селим Хассан и Закария Гонеим).

Не меньшую сенсацию, чем открытие гробницы Тутанхамона, вызвали раскопки городов в долине Инда, проводившиеся в начале 20-х годов XX в. индийскими археологами Сахни и Банерджи под общим руководством выдающегося английского индолога Маршалла. Здесь была обнаружена самая древняя в Южной Азии Индская цивилизация, что позволило начать историю Индии на тысячелетие раньше. Открытие многочисленных городов III тыс. до н.э. (Мохенджо-Даро, Харappa, Калибанган, Чанху-Даро, Лотхал и др.) было столь неожиданным, что в течение десятилетий в науке господствовало убеждение, будто культура была принесена сюда в готовом виде. И до сих пор эта точка зрения разделяется некоторыми западными учеными (Уиллер, Ламберг-Карловски), считающими Индскую цивилизацию неким филиалом Шумерской. Лишь в последнее время начинает проясняться древнейшая история Индии и на повестку дня выходит проблема доарийского населения и неарийского наследия в ее культуре. Тем не менее, можно с полным правом сказать – арийской

теории, утверждавшей, что цивилизацию и государственность в Индию принесли арии, представители "высшей расы", был нанесен смертельный удар.

В самой Индии серьезное изучение древней истории началось во второй половине XIX в. Основателем индийской исторической науки по праву считается Р.Г. Бхандаркар (1837–1928). В конце XIX в. первой трети XX в. в связи с подъемом национально-освободительного движения усилился интерес к истории страны. Рост национального самосознания обусловил выступление ряда индийских ученых и общественных деятелей против европоцентристских концепций. Тогда древняя Индия воспринималась через призму хорошо изученной античной цивилизации и сравнивалась с образцами греческой культуры, а древнеиндийскому обществу приписывались отсталость и застойность. Однако борьба с европоцентризмом иногда приводила к другой крайности: к чрезмерному подчеркиванию своеобразия исторического развития Индии, к противопоставлению ее культуры иным культурам, к идеализации ее прошлого. Подобные тенденции особенно резко обозначились в период активизации антиколониального движения (Б.Г. Тилак, М.К. Ганди, Д. Неру).

Мы уже упоминали, что на третьем этапе развития ориенталистики была открыта Хеттская цивилизация. После раскопок Г. Винклера, нашедшего хеттскую столицу Хаттусу и обнаружившего огромный архив клинописных текстов, главной задачей становилась дешифровка хеттской клинописи. Язык этих текстов оставался непонятным до тех пор, пока, в 1915 г. чешский профессор Бедржи Грозный не определил его индоевропейский характер. Это открытие имело огромное значение. После Первой мировой войны начинается бурный период развития хеттологии, связанный с трудами и раскопками как самого Грозного, так и Э. Вайднера, Э. Форрера и А. Гетце, что позволило позднее создать общий очерк истории древней Анатолии.

Подводя итоги, можно сказать, что на третьем этапе произошло переосмысление роли древневосточных культур в свете концепции мировых цивилизаций, были достигнуты большие успехи в

пополнении источниковой базы и совершенствовании методов. В это время закладываются основы национальных историографий, появляются кадры, пусть еще немногочисленных национальных историков древности.

Вторая мировая война прервала научные исследования в области истории Древнего Востока. С ее окончанием начался четвертый этап развития древневосточной историографии. Был разгромлен фашизм, отброшена его расистская идеология. Рухнула мировая колониальная система, возникли самостоятельные суверенные государства в Азии, Африке, Латинской Америке. Создается мировая социалистическая система во главе с СССР, где господствующей идеологией стал марксизм-ленинизм в его догматическом сталинском варианте (история стран Древнего Востока понималась как история единой рабовладельческой общественно-экономической формации). В послевоенные годы активизировались научные изыскания в области древневосточной истории, как в европейской и американской науке, так и в странах самого Востока. Главной особенностью послевоенной мировой историографии Древнего Востока стал отказ от односторонности в подходе к историческому процессу, интерес к влияющим на этот процесс факторам, таким, как социально-экономические отношения, политическая сфера, культура и религия. Другой особенностью историографии стал повышенный интерес к протоисторическим корням древневосточных цивилизаций, что позволяет воссоздать их предысторию. Важное значение в науке приобрело изучение контактов и взаимовлияния древневосточной и античной цивилизаций и вопрос об историческом наследии народов Древнего Востока.

В различных регионах и в частных востоковедческих дисциплинах эти общие черты послевоенной историографии проявляются по-своему, демонстрируя иногда значительные расхождения. Остановимся вкратце на особенностях историографического процесса в отдельных конкретных дисциплинах ориенталистики и их достижениях на четвертом этапе. И начнем мы

это рассмотрение с достижений послевоенной ассириологии, наиболее динамично развивающейся отрасли востоковедения.

Для археологического изучения Месопотамии на данном этапе характерны следующие черты. Во-первых, наряду с европейскими и американскими исследователями в археологические работы активно включились иракские ученые. Производились крупные раскопки на территории царства Эшнуна, повторное обследование самого южного шумерского города Эреду, которое дало прекрасные результаты. В 50–60 годы при раскопках холма Наби-Юнус иракские археологи открыли дворец Асархаддона, арсенал, хозяйственные постройки, много письменных документов.

Багдадский музей основательно пополнил свои коллекции. Регулярно выходил журнал «Сумер», постоянно публикующий материалы раскопок и новые документы. Был создан генеральный директорат древностей Ирака, который направляет и контролирует ход археологических работ в стране. С 1969 г. началось тесное сотрудничество с советскими археологами, которые ведут обширные раскопки на Северо-Западе страны (экспедиции В.М. Массона, Р.М. Мунчаева). В Ираке создан проект реставрации древнего Вавилона и превращение его в музейно-туристический центр. К сожалению, осуществление этого проекта задерживается сложностью политической обстановки на Ближнем Востоке.

Во-вторых, в 50–80 годы наблюдается повторное обращение к памятникам, раскапывавшимся в XIX–начале XX века, но уже во всеоружии новых научных методов. Чаще всего современные научные экспедиции из стран Запада обследуют те памятники, которые раскапывались их предшественниками из данной национальной школы. Немецкие археологи ведут раскопки в Уруке. Английские археологи вновь обратились к холму Нимруд, открытому их соотечественником Лейярдом. Американские ученые возобновили раскопки Ниппура. Как правило, повторное изучение памятников дает прекрасные результаты и богатые источники.

Третья черта периода – это повышенное внимание к древнейшим эпохам Месопотамии. Уже не развалины древних столиц

и городов, дворцов и храмов становятся объектами раскопок, а заброшенные пещеры, палеолитические стоянки Шанидара, неолитические поселения и др. Характерной чертой периода является также перемещение центра исследований из Германии в США, куда перебрались многие крупные специалисты и работают всемирно известные ассириологические учреждения. Во время нацистской диктатуры исследователи еврейской национальности нашли убежище в странах Ближнего Востока, что способствовало подъему ассириологических школ в Турции, Ираке и Иране.

Подобным образом развивается египтология, где сложилась сильная национальная школа, ведутся активные раскопки в самом Египте и сопредельных с ним странах, проводятся исследования многих аспектов древнеегипетской жизни, истории, религии и культуры всех периодов истории древнего Египта.

В послевоенный период быстрыми темпами продолжает развиваться хеттология. В начале 50-х годов, благодаря, прежде всего, усилиям немцев-эмигрантов К. Биттеля, К. Боссерта были дешифрованы «иероглифические хеттские надписи», язык которых оказался лувийским. Для последних десятилетий характерен быстрый рост археологических исследований и подъем турецкой хеттологии.

В послевоенные десятилетия в мировой индологии все большее внимание уделяется проблемам социально-экономической истории, о чем свидетельствуют капитальные работы Д. Косамби, Д. Чананы, Р. Шармы. Новый этап в изучении индийской древности начался после достижения страной независимости в 1947 г. В этот период были изданы многотомные коллективные труды: «Всеобщая история Индии», десяти томная «История и культура индийского народа», «Век Нандов и Маурьев». Подлинной энциклопедией древнеиндийской жизни является многотомный труд П. Кане «История дхармашастры», в котором собран огромный материал, освещающий различные аспекты социальной и государственной структуры древнеиндийского общества. В современных государствах Южной Азии (Пакистан, Индия, Бангладеш, Непал, Шри-Ланка) ведется интенсивное

археологическое исследование, большие усилия прилагаются для дешифровки письменности Индской цивилизации.

После образования Китайской Народной Республики в 1949 г. здесь успешно разрабатывались проблемы социально-экономической истории древнего Китая, проводились крупные археологические раскопки, что позволило обогатить источниковедение истории древнего Китая новыми ценнейшими данными. Как ни странно, ни политика «большого скачка», ни «великая культурная революция», направленная на искоренение традиции и разгром исторической науки, не только не остановили этот процесс, но и способствовали новым замечательным открытиям. Огромный объем земляных работ, связанных со строительством деревенских домен, бомбоубежищ, метро и т.д. привел к сенсационным открытиям во всех областях истории древнего Китая (от неолита до эпохи Хань). Особо следует отметить открытие гробницы Цинь Шихуанди, раскопки которой идут до настоящего времени, находка раннешанского города в Эрлитоу и т.д. Самым удивительным открытием в начале 70-х годов стало обнаружение близ г. Чанша на холме Мавандуй захоронения III в до н.э., где в силу стечения исключительно благоприятных обстоятельств полностью сохранился комплект одежды, утвари, украшений и произведений искусства, а также целая библиотека из деревянных и шелковых книг.

В настоящее время позиции исторической науки в Китае восстановлены и можно ожидать новых открытий и трудов. Значительного развития изучение Древнего Китая в послевоенное время достигло в США, причем ведущие позиции здесь занимают ученые китайского происхождения. В конце 60-х годов в США было создано международное «Общество по изучению Древнего Китая», издающее свой журнал и организующее научные форумы по синологии.

4.2. Отечественная ориенталистика

При рассмотрении этапов развития ориенталистики автор сознательно не затрагивал вопросы, связанные с изучением истории

Древнего Востока в отечественной науке. На самом деле отечественное востоковедение являлось неразделимой частью единого европейского востоковедения в целом. В очередной раз мы не можем согласиться с мнением Л.С. Васильева, который в своем учебном пособии «История Востока» пишет: «Русские востоковеды, хотя они и представляли собой до 1917 года внушительный и уважаемый в мировом сообществе отряд специалистов, историей Востока и проблемами исторического процесса на Востоке интересовались сравнительно мало»⁴¹. Более верным нам кажется утверждение академика В.В. Бартольда: «В XIX веке изучение Востока сделало в России, может быть еще более значительные успехи, чем в Западной Европе»⁴². В подтверждение этого можно привести следующий факт: Третий международный конгресс ориенталистов состоялся в Петербурге в 1876 г., после конгрессов в Париже и Лондоне, являвшихся центрами наиболее развитых национальных школ в изучении истории Древнего Востока. Выбор страны и города не был случаен. Он был подготовлен всей предыдущей историей изучения Востока в России.

Еще в 50-х годах XIX в. был создан единый центр востоковедческих исследований – факультет восточных языков в Петербургском университете, который давал своим выпускникам широкое академическое образование с прекрасной филологической подготовкой. Данный факультет комплектовался первоклассными учеными. Одаренные выпускники получали возможность в течение нескольких лет совершенствовать свои познания у лучших ученых Европы, работать в архивах, музеях, библиотеках, участвовать в длительных командировках в изучаемые страны. Таким образом, укреплялось международное сотрудничество, русские ученые публиковались в ведущих научных журналах Европы, выступали с докладами на самых авторитетных конференциях.

---

⁴¹ Васильев Л.С. История Востока. Т. 1. М., 1993. С. 35.

⁴² Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России // Сочинения. Т. IX. СПб., 1925. С. 232.

Истоки русского востоковедения начинаются еще в средневековье. Достаточно вспомнить «Хождение за три моря» тверского купца Афанасия Никитина (XV в.) или описание путешествия в Китай монаха Спафария (XVII в.). Нужно сказать, что русское китаеведение имеет давние традиции. У его истоков стоял известный знаток древней истории Китая Николай Яковлевич Бичурин (1777–1853). Приняв постриг под именем монаха Иакинфа, он возглавил в 1807 г. православную духовную миссию в Пекине. Бичурин составил первый русско-китайский словарь. Для него характерен, прежде всего, глубокий, уважительный интерес к культуре и быту китайцев, к их корням. После четырнадцати лет пребывания в Пекине он вернулся в Россию и написал несколько трудов, посвященных нашему великому соседу⁴³.

В первой половине XIX в. развитие востоковедения шло в России «вширь». Создавались востоковедные кафедры и отделения в Москве, Казани, Петербурге, Одессе и других городах. На этом этапе накопление знаний о древневосточной истории имеет в основном коллекционно-описательный характер. Создаются как государственные, так и частные коллекции восточных древностей. Это, прежде всего, Кунсткамера, Эрмитаж, Публичная библиотека, Азиатский музей Академии наук, собравший колоссальные коллекции и солидную библиотеку и превратившийся впоследствии в настоящее научно-исследовательское учреждение. Одновременно усилиями Норова, Прахова, Н.П. Лихачева и др. создаются крупные собрания памятников истории Древнего Востока.

Во второй половине XIX в. Россия принимала активное участие в борьбе за раздел мира – в Средней Азии, на Дальнем Востоке. В это время усиливаются контакты с Индией и Китаем, проводятся первые научные экспедиции в эти страны. Постепенно в востоковедении утверждаются навыки критического анализа источников, систематического ведения археологических раскопок, научного

---

⁴³ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ч. 1–3. М.–Л., 1950–1953.

описания и публикации памятников, т.о. наука освобождается от дилетантизма, зарождается профессиональное отношение к изучению древней истории в конкретных дисциплинах.

Развитие отечественного востоковедения происходило по двум главным направлениям: 1) изучение Востока в области филологии на уровне сравнительно-исторического языкознания; 2) история стран Востока, базировавшаяся на глубоком знании первоисточников. Историки Древнего Востока работали по трем главным линиям – гражданская история, история культуры, история религии народов Востока. Одновременно, усилиями Н.И. Веселовского, Н.Я. Марра и А. Орбели и др. сотрудников Русского археологического общества разворачиваются планомерные, ведущиеся на высоком научном уровне, раскопки древностей в различных районах огромной Российской империи: в Закавказье, Средней Азии, Северном Кавказе. Важнейшее значение имела публикация в 50–70 гг. XIX в. многотомных Петербургских словарей санскрита, изданных в России по распоряжению Академии наук. Вторая половина XIX в. ознаменовалась превращением отдельных отраслей изучения Древнего Востока в профессиональную науку. В 70–80 гг. начинается формирование национальной школы ориенталистики, давшей миру на рубеже веков блистательные имена великих ученых.

Рождение отечественной египтологии связано с именем Владимира Семеновича Голенищева (1856–1947) В 1874 г. восемнадцатилетний студент Петербургского университета опубликовал три небольшие статьи в лейпцигском журнале, издававшемся знаменитыми египтологами Р. Лепсиусом и Г. Бругшем. Богатый молодой человек с 14 лет начал покупать древности и создавать личный музей. Он самостоятельно изучает египетский и коптский, арабский и древнееврейский языки. В придворном музее Эрмитаже ему разрешили развернуть древний папирусный свиток, и это стало настоящим научным открытием, о результатах которого студент-второкурсник докладывает III Международному конгрессу. Он первым в мире прочитал одну из жемчужин древнеегипетской литературы и важнейший источник, который мы знаем сейчас как

«Речение Неферти». Доклад Голенищева сразу возвел его в ранг профессионального египтолога высокого класса. Начиная с 70-х годов он ежегодно ездил в Европу, где интересовался древностями Египта, а некоторые из них приобретал.

В 1879 г. Голенищев впервые выезжает в Египет и с тех пор чуть ли не ежегодно посещает его. В 1939 г. в Египте отмечали его "шестидесятый приезд". По окончании университета он становится сотрудником Эрмитажа и в 1881 г. разворачивает еще один папирус, который он назвал «Сказкой о потерпевшем кораблекрушение». Его коллекция разрастается и Голенищев старается сделать собственные памятники древности доступными своим коллегам. Он скупает папирусы, участвует в раскопках в Египте. В 1908 г., оказавшись на грани разорения, он вынужден был продать свой музей. Его коллекция через Думу была приобретена для Музея изящных искусств в Москве (ныне Музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина). В 1913 г. он покидает Россию навсегда. Признанием великих заслуг русского ученого стало избрание его по конкурсу заведующим кафедрой египтологии, только что открытой в Каирском университете.

В 1882 г. выходит из печати труд второго отечественного египтолога – Оскара Эдуардовича Лемма (1856–1918). В отличие от Голенищева, Лемм получил профессиональную подготовку за границей. В Лейпциге он занимался у Г. Эберса, а в Берлине у Р. Лепсиуса и Г. Бругша. Его другом был Адольф Эрман, основатель берлинской школы египтологов. Лемм по сути основал египтологию и коптологию в России, он первым начал преподавать эти дисциплины в университете. Его учеником был Б.А. Тураев. Таким образом в нашей стране появилась собственная египтологическая школа.

90-е годы XIX в. в истории русской египтологии ознаменовались началом деятельности Бориса Александровича Тураева (1868–1920). После окончания Петербургского университета, где он занимался у Лемма, в 1891 г. Тураев уезжает в Берлин, где слушает лекции профессоров Бругша, Эрмана, Штайндорфа. Затем он перебирается в Париж и занимается у Гастона Масперо. В 1893–1894 г.г. Тураев прошел ассириологическую школу в Берлинском

университете у Шрадера, Винклера и Лемана. В 1896 г. он сам начинает преподавать историю Древнего Востока на историко-филологическом факультете Петербургского университета. И хотя Тураев был плохим лектором, но с его появлением на кафедре слушатели сразу же почувствовали огромную эрудицию и богатейшее знание древней истории Ближнего Востока у молодого приват-доцента. На курсе стал вопрос о создании истории Древнего Востока на русском языке и студенческий комитет взял на себя печатание лекций Тураева, которые позже легли в основание самого фундаментального труда его жизни – двухтомной «Истории Древнего Востока»⁴⁴. В 1898 г. Тураев издает свою первую монографию – «Бог Тот», которая стала первой магистерской диссертацией в России по египтологии.

В первые годы XX столетия Тураев уделяет основное внимание эфиопистике и именно по этой дисциплине защищает свою докторскую диссертацию. С 1909 г., со времени своей первой поездки в Египет, он начинает собирать собственную коллекцию. В 1913 г. выходит в свет последнее прижизненное издание «Истории Древнего Востока». Это лучшее, что когда-либо имела русская наука по данной дисциплине, и тому подтверждением стало награждение книги золотой медалью Русского археологического общества. В настоящее время эта книга во многом уже устарела, но она занимает самое почетное место в истории отечественного востоковедения. Труд Тураева служит образцом объективности и строгого академизма. Для него характерен, прежде всего, глубокий интерес к проблемам культуры и религии древнейших цивилизаций Ближнего Востока, что созвучно в наши дни принципам цивилизационного подхода, утверждающегося в современной исторической науке России. Нужно отметить также исследования Тураева в области древнеегипетской письменности, итогом которых стала сводная «Египетская литература» (1-й том опубликован в 1920 г., 2-й том так и не вышел). Важнейшей заслугой Б.А. Тураева явилось создание собственной школы. У него занимались

---

⁴⁴ Тураев Б.А. История Древнего Востока. В 2 т.

многочисленные ученики и ученицы, которые развернули свою деятельность уже в 20–30-е годы XX в. Это Н.Д. Флиттнер, А.Л. Коцейковский, И.М. Волков, В.В. Струве, Т.М. Бороздина, Н.М. Дьяконова, Ф.Ф. Гесс, А.Д. Шмидт и др. Многие ученики Тураева после окончания курса имели возможность заниматься у крупнейших немецких профессоров. Так, например, В.В. Струве занимался у Эрмана, Мёллера, Э. Мейера, познакомился с великим египтологом К. Зете. К сожалению, первая мировая война прекратила контакты отечественных востоковедов с немецкой наукой.

Во 2-ой декаде XX века начинается научная карьера В.В. Струве. Он работает сотрудником Эрмитажа, издает свои первые египтологические штудии, а с 1916 г. начинает преподавать в Петроградском университете.

Во 2-ой половине XIX в. закладываются основы и отечественной ассириологии, хотя открытие первых клинописных текстов и археологических памятников мы связываем еще с именем выпускника Казанского университета, а впоследствии профессора Петербургского университета В. Диттеля (1816–1848). Во время путешествия по передней Азии он открыл несколько ранее неизвестных надписей на гробнице Дария I в Накши-Рустаме. На холме Нимруд Диттель произвел небольшие раскопки и здесь нашел клинообразную надпись, о чем стало известно Лейярду, которому и суждено было раскопать город Кальху.

Преподавание собственно ассириологических дисциплин было начато в России на факультете восточных языков в Петербургском университете. Здесь в 1891 г. был прочитан курс «ассирийского языка». Это сделал О.Э. Лемм, прошедший ассириологическую подготовку у Ф. Делича и Э. Шрадера. С 1909 г. лекции по ассириологии на историко-филологическом факультете читал Павел Константинович Коковцев, который и ввел непрерывное преподавание ассириологических дисциплин, сделав его традиционным в русском востоковедении. Из школы Коковцева вышли многие крупные ассириологи России: Н.В. Пигулевская, В.К. Шилейко, А.П. Рифтин, В.В. Струве.

Огромный вклад в изучение истории древней культуры Передней Азии внес Михаил Васильевич Никольский (1849–1917), которого академик Тураев по праву назвал «отцом русской ассириологии». Выпускник Московской духовной академии, он отказался от богословской деятельности и предпочел ей работу учителя классических языков в гимназиях и внештатного преподавателя древнееврейского языка и ассириологии в Московском университете. Никольский ознакомился с работами А. Сэйса и самостоятельно овладел клинописью. Он умел сочетать кабинетную работу ученого с участием в полевых экспедициях. В середине 90-х годов XIX в. он участвовал в трех экспедициях в Закавказье, где собрал уникальный материал, проливающий свет на ряд вопросов истории Урарту и урартской письменности, за что его называют также «отцом русской урартологии».

Но особенно велики заслуги Никольского в изучении проблем истории Древней Месопотамии. Несколько лет М.В. Никольский работал в музее Н.П. Лихачева, известного русского историка и искусствоведа, собравшего большую коллекцию клинописных текстов. Результатом исследований ученого стал его капитальный двухтомный труд «Документы хозяйственной отчетности древнейшей Халдеи» (1908–1915). Многие работы Никольского носили научно-популярный характер, способствуя распространению сведений о Древнем Востоке, добытых западными исследователями. Дело отца продолжил Николай Михайлович Никольский, крупнейший ассириолог уже советского времени, опубликовавший ряд работ по истории общины и рабства в Двуречье, а также Вавилонской культуре.

Другой выдающийся ассириолог Владимир Казимирович Шилейко (1891–1930) больше известен как поэт и переводчик. Ему принадлежат первый русский перевод «Эпоса о Гильгамеше». Шилейко написал очерк истории Шумера, основанный на самостоятельных исследованиях и, по мнению И.М. Дьяконова, остававшийся лучшим изложением этой истории в мировой науке до Второй мировой войны. За эту работу Шилейко получил в 1916 г. большую серебряную медаль Русского археологического общества.

Б.А. Тураев уделил в своей «Истории Древнего Востока» значительное внимание культуре и истории Месопотамии. И.М. Волков перевел на русский язык законы Хаммурапи и дал к ним подробный комментарий (1914). Лучшие традиции отечественной ассириологии лягут в основу советской историографической школы, которая будет развиваться после Октябрьской революции на базе методологии исторического материализма.

Русские исследователи внесли свою лепту и в становление других частных дисциплин ассириологии, например, в хеттологию, обследовав важные хеттские памятники. Но наиболее существенный вклад принадлежит русским урартологам. С 1862 г. идет открытие и накопление обширного эпиграфического материализма из Закавказья. Составляются своды урартских надписей. В 1915–1917 г.г., когда русские войска находились на территории турецкой Армении, российские исследователи вели интенсивный сбор урартского материала. В 1916 г. И.А. Орбели (1897–1961), в будущем академик и директор Эрмитажа, открыл в нише Ванской скалы самую крупную из известных урартских надписей – летопись царя Сардури II. С 80-х годов проводятся и раскопки археологических памятников, в которых принимают участие А.С. Уваров, А.А. Ивановский, И.А. Орбели, Н.Я. Тарр, П.Ф. Петров и др.

Во второй половине XIX в. складывается и отечественная школа индологии. У ее истоков стоит В.П. Васильев, один из пионеров русской буддологии и синологии. До 1917 г. в Российских университетах не читались лекционные курсы по древней истории Индии и Китая. В.П. Васильев читал курс истории буддизма, который он исследовал по санскритским и китайским источникам, по тибетским и монгольским текстам. Он первым дал полное описание буддизма Махаяны в своей книге «Буддизм» 1857 г. В 1873 г. вышла новая работа Васильева – «Религии Востока: конфуцианство, буддизм и даосизм». Нужно заметить, что большинство своих книг Васильев писал в свободной манере, без ссылок на использованные источники. Его концептуальные построения с явным налетом гиперкритицизма часто подвергались критике со стороны коллег и учеников. Наиболее

обоснованную критику некоторых положений Васильева мы находим у И.П. Минаева, который в целом, высоко ценил труды своего учителя. Несмотря на спорные положения отдельных концепций автора, труд Васильева остается наиболее глубоким и информативным в отечественной науке.

Своеобразной вехой в истории Российской синологии стал 1880 г., когда вышел в свет первый в мире обобщающий труд по истории китайской литературы. Речь идет об «Очерке истории китайской литературы» В.П. Васильева. Автор хорошо понимал неполноту и несовершенство своего нового труда и все же его очерк продолжает служить надежным ориентиром уже для нескольких поколений исследователей-синологов.

Если научные интересы В.П. Васильева были связаны прежде всего с Китаем, то становление индологической школы мы связываем в первую очередь, с именем Ивана Павловича Минаева (1840–1890). Занимаясь китайским языком, со второго курса он приступил к изучению санскрита, беря уроки у К.А. Косовича. Со студенческой скамьи его привлекают проблемы истории стран Востока. После окончания университета Минаева ожидала длительная заграничная командировка в Европу, где он слушал лекции Ф. Боппа, учился у знаменитого А.Вебера и других профессоров. Пять лет пребывания в Берлине, Париже, Лондоне сделали Минаева превосходным знатоком санскрита, пали, индийского буддизма. С 1871 г. он перешел на историко-филологический факультет, стал профессором, начал исследования южного буддизма. Особое внимание Минаева привлекают джатаки – рассказы о перерождениях Будды. Он посвящает им целую серию статей. Затем новоиспеченный профессор отправляется в двухлетнюю командировку на Цейлон и в Индию. В результате поездки была собрана значительная коллекция рукописей и, главное, Минаев хорошо узнал страну не только по книгам. Об этом говорят его «Очерки Цейлона и Индии из путевых заметок русского», вызвавшие огромный интерес публики. Противоречивым было отношение ученого к колониальному владычеству в Индии и политике

России в Средней Азии. Высокий гуманизм не позволял ему быть ни апологетом западной цивилизации, ни ее противником.

Минаев не хотел оставаться в узких рамках санскритологии, ограничивавшейся изучением языка и памятников классической литературы Индии. В своей речи в 1884 г. он говорил: «Изучение Индии старой не должно заслонять научную и практическую важность жизненных явлений в современной Индии»⁴⁵. Но осуществить свой замысел подготовки широко образованных индологов Минаеву не удалось. В своих докладных записках после очередной командировки ученый предупреждал о недопустимости авантюристических шагов в восточной политике.

Центральной работой И.П. Минаева стала большая монография «Буддизм» (1887), где он постарался дать общую концепцию первой мировой религии, основанную на строгом анализе источников. Глубокий историзм автора, мастерская критика источников значительно превзошли по уровню труды классиков буддологии того времени: Т. Рис-Дэвидса, Г. Ольденберга, Э. Сенара. Работа над книгой не была завершена, рукописи Минаева публиковали его ученики и коллеги. Долгое время ученому не удавалось подготовить себе преемника по кафедре. Лишь в последние годы жизни он обрел достойных учеников, и, прежде всего, С.Ф. Ольденбурга и Ф.И. Щербатского, которые развили основные принципы русской буддологической школы, заложенной их учителем.

Школа Минаева рассматривала буддизм как широкое историко-культурное и социальное явление, оказавшее глубокое влияние на многие стороны жизни древней Индии. С именем Сергей Федоровича Ольденбурга (1863–1934) связана организация обширных исследований в области буддологии. Главное внимание молодого ученого было сосредоточено не на лингвистических проблемах, а на историческом содержании изучаемых текстов. После двухгодичной командировки во Францию и Англию, ему пришлось в 1889 г., в связи

---

⁴⁵ История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М., 1997. С. 401.

с болезнью Минаева, принять на себя преподавание санскрита в Петербургском университете. С его именем связано превращение факультета восточных языков в будущий центр подготовки индологов.

В 1897 г. им было основано издание «Bibliotek Buddica. Собрание оригинальных переводных буддийских текстов». При этом использовались книги на китайском, тибетском, монгольском, санскритском языках. Это был громадный труд, к которому привлекались крупнейшие востоковеды из разных стран. Деятельность по созданию Буддийской библиотеки и изучение истории Центральной Азии – великая заслуга ученого. Став секретарем Российской Академии наук в 1904 г., он многое сделал для организации крупных предприятий и в области египтологии, сам участвовал в двух экспедициях.

Наиболее значительные успехи в изучении индийской философии связаны с именем Федора Ипполитовича Щербатского (1866–1942). Он создает двухтомную «Теорию познания и логики», которая стала его докторской диссертацией и сделала автора признанным авторитетом в области индийской философии и буддизма. Русский ученый участвовал в экспедиции в Индию, ввел в научный оборот громадное количество санскритских и тибетских текстов. Благодаря Щербатскому Петербург стал центром международного сотрудничества по изучению буддийской философии. Вокруг ученого создавалась научная школа. Он вынашивал грандиозные планы, лишь немногие из которых были осуществлены в советский период его жизни.

Итак, мы видим, что отечественная наука практически во всех областях востоковедения была представлена блестящими именами крупных ученых, вокруг которых группировалась талантливая молодежь. Казалось бы, что в России, накануне Октября 1917 года были все условия для расцвета науки и культуры. Но эти надежды во многом не оправдались. Первая мировая война, российская революция и гражданская война, затянувшиеся на долгие годы прервали поступательное развитие науки о Древнем Востоке. Многие специалисты-востоковеды покинули Родину, а те, кто остался, с

трудом вписывались в новую советскую жизнь, не принимая господствующую марксистскую идеологию. Весьма далек от марксизма был Б.А. Тураев, который в последние годы жизни испытывал большие материальные трудности. И все же в первое десятилетие после Октября еще сохранялся значительный потенциал традиционной отечественной школы.

В 20-е годы наступает время интереснейших поисков в области теории, период напряженного движения научной мысли. Это и время классических работ и крупных ученых. Немалую роль сыграла преемственность: в науке остались или в нее пришли люди, приобретшие опыт исследовательской работы или получившие образование еще в дореволюционное время. Конечно, в дальнейшем возникает проблема кадров, т.к. подготовка нового поколения историков Древнего Востока приходит в упадок. Преподавание в вузах велось «в духе практицизма без обширной филологической подготовки, без изучения литературы, культуры истории народа, как части всемирной истории»⁴⁶. Идеологическое давление имело противоречивый характер. С одной стороны оно сковывало творческую мысль, а с другой нацеливало ученых на самостоятельные поиски. Это привело к тому, что в конце 20-х – середине 30-х годов шли жаркие споры о характере общественного строя и места Древнего Востока во всемирной истории.

Лишь в дальнейшем процесс догматизации науки привел к снижению уровня востоковедческих исследований. Историки вынуждены были уделять повышенное внимание экономике государств Древнего Востока, положению народных масс и классовой борьбе. В 20-е годы появились упрощенческие работы в духе вульгарной социологии, уделявшие особое внимание общим закономерностям и практически игнорирующие «особенное». Старые специалисты в большинстве своем не принимали эти "методологические новшества", и оставались традиционно на

---

⁴⁶ Дьяконов И.М., Иванов В.В. О состоянии классического востоковедения в СССР // Народы Азии и Африки. 1989. № 5. С. 103.

позициях теории «извечного восточного феодализма». Так же вновь получили распространение идеи об особом характере и путях развития восточных обществ. Эти взгляды опирались на марксистскую концепцию «азиатского способа производства». Настоятельно требовалось новое теоретическое осмысление и обобщение громадного количества фактов, накопленных наукой к этому времени.

В условиях, когда марксистское учение становилось господствующей официальной идеологией, наиболее предпочтительным представлялось переосмысление истории Востока с позиций исторического материализма. И такое обобщение было сделано учеником Б.А. Тураева, уже известным в то время египтологом и ассириологом Василием Васильевичем Струве (1889 – 1965). Как и его учитель, он обладал редкостной эрудицией, был не только историком, но и филологом, высокопрофессиональным ориенталистом и знающим антиковедом. Ему доступны были в оригинале письменные источники многих народов древнего мира. На этой базе была создана монография «Манефон и его время» (1928–1930). Струве предпринимает изучение эллинизма с позиций античника и ориенталиста. Однако в ходе развернувшейся на рубеже 20–30 годов первой дискуссии по АСП основное внимание он уделяет работе с клинописными документами хозяйственной отчетности из архивов III династии Ура и храмов Шумера. Одновременно ученый воспринимает марксистское мировоззрение и пытается применить его в своей практической деятельности. Трудно определить, что подвигло В.В. Струве к применению марксизма к древневосточной истории – искреннее убеждение в плодотворности революционного учения в достижении более высокого уровня познания истории древних обществ или «социальный заказ»? Как новообращенный марксист, Струве отрицал феодальный характер восточных обществ, на смену которым пришли античные рабовладельческие. Тогда неизбежно следовало бы признать, что последние во всех отношениях ниже древневосточных. В действительности все обстояло наоборот. Для Струве тезис о феодализме на Древнем Востоке был принципиально

неприемлем, но свою собственную позицию он должен был обосновать конкретными историческими фактами.

Впервые В.В. Струве познакомил научную общественность со своими выводами в 1933 г. в известном докладе «Возникновение, развитие и упадок рабовладельческого общества на Древнем Востоке». Доклад длился почти 4 часа. Как пишет И.М. Дьяконов, присутствовавший в зале, «слушать было трудно – Струве говорил плохо, длинными, запутанными фразами, тонким голосом и, по обыкновению, со множеством паразитических словечек. Однако, слушали его внимательно. После доклада было много выступавших. Большинство соглашались с докладчиком, но с теми или иными оговорками»⁴⁷. И.М. Лурье, убежденный сторонник теории феодализма в древности, побивал Струве цитатами из Маркса. А.П. Рифтин указывал на филологические погрешности в старовавилонском языке, допущенные докладчиком.

Главные выводы, сделанные в докладе В.В. Струве, были следующие:

1. является несомненным фактом, что во всех обществах Древнего Востока существовали рабовладельческие отношения, походившие на античные;
2. таких рабов все же было немного по сравнению со всей массой непосредственных производителей;
3. на Древнем Востоке не было феодализма.

Но при этом возникала новая проблема. Если рабы не составляли большинства и рабство не было определяющим фактором общественно-экономических отношений на Древнем Востоке, то кем же тогда фактически были непосредственные производители, каким способом они эксплуатировались? Вызывали также недоумение тезис об изначальной собственности деспота, невероятная для самой ранней стадии степень развития рабовладения. Да и сам рабский статус работников шумерских храмовых и государственных хозяйств

вызывал вопросы. В.В. Струве доказывал, что непосредственные производители состояли не только из свободных общинников, но и очень многочисленных зависимых людей, оторванных от средств производства и работавших вследствие внеэкономического принуждения на господина (коллективно или индивидуально). Они еще не вещь хозяина, в их социальном положении обнаруживаются признаки в какой-то степени сближения их с крепостными, что собственно и послужило поводом для некоторых ученых усматривать феодализм на Древнем Востоке. По существу именно этих зависимых людей он и считал рабами, т.е. проводил четкое качественное различие между рабами древневосточными и рабами античными: «Рабовладельческий способ производства на Древнем Востоке приобретает своеобразные черты, отличающие его от античного рабства»⁴⁸.

Это было совершенно новым подходом к проблеме рабства. Всякая общественно-экономическая формация, по его утверждению, является исторической, а не статической системой. Античное рабство есть конечный пункт многовекового развития. Поэтому Струве ввел термин «раннее рабовладение», считая страны Древнего Востока начальной ступенью в истории единой рабовладельческой формации. Ее зрелой стадией стали Греция и Рим.

Вывод Струве далеко не сразу получил признание своих коллег. Наиболее активными оппонентами его были Н.М. Никольский и А.И. Тюменев. Последний, с целью проверки выводов Струве, самостоятельно изучил шумерский язык и 15 лет исследовал хозяйственные документы Шумера. Результатом этой гигантской работы стал капитальный труд, в котором он пришел примерно к тем же выводам, что и В.В. Струве⁴⁹. С другой стороны возникает вопрос, а мог ли он прийти в тех условиях, в которых развивалось советское востоковедение, к другим выводам?!

---

⁴⁷ Дьяконов И.М. Книга воспоминаний. М., 2002. С., 235.

⁴⁸ Струве В.В. История Древнего Востока. Л., 1941. С. 7.

⁴⁹ Тюменев А.И. Государственное хозяйство Древнего Шумера. М.-Л., 1956.

Концепция Струве получила полную поддержку Сталина, который включил ее в свою пресловутую «пятичленку». Уже во второй половине 30-х годов рабовладельческая концепция практически безраздельно господствовала среди советских историков, а ее противники, сторонники АСП, обвиненные в троцкизме, подверглись репрессиям. В печальном мартирологе насчитывается более двухсот имен востоковедов, ставших жертвами сталинского террора. Даже такой крупнейший ученый-египтолог как М.А. Коростовцев 8 лет отсидел в лагерях Гулага.

Послевоенные годы стали периодом еще более бурного развития востоковедения и африканистики. Накапливающиеся факты не укладывались в сложившуюся истматовскую схему, примитивно делившую все население Древнего Востока на два класса. Требовалось или модификация теории Струве или ее замена. Споры привели к новой вспышке дискуссии об АСП. Начало дискуссии связано с появлением в 1964 г. нескольких статей французского исследователя Ж Шено, а в 1965 г. были опубликованы тезисы французских историков-марксистов Ж. Сюрэ-Канала и М. Годелье. В журнале «Вопросы истории» появились ответные тезисы В.В. Струве, который не считал, что проблема древневосточного рабства решена полностью и бесповоротно. Он даже выдвинул гипотезу, что до раннего рабовладения на Древнем Востоке господствовал, благодаря особым естественно-историческим условиям, АСП.

В ходе дискуссии об общественно-экономическом строе Востока выдвигалось множество моделей и гипотез (см. об этом подробнее работу В.Н. Никифорова⁵⁰.) Хотя в дискуссии участвовали, в основном, марксистские ученые, тем не менее она отразила по существу общее состояние мировой историографии и открыла современный, пятый этап ее развития.

Несмотря на негативное воздействие догматической истматовской схемы мы можем с уверенностью говорить о крупных успехах советской науки о Древнем Востоке. В нашей стране в эти

---

⁵⁰ Никифоров В.Н. Восток и всемирная история. М., 1977.

десятилетия работали авторитетные ученые, развивались научные школы в разных областях и конкретных дисциплинах ориенталистики. Остановимся на вкладе отдельных наиболее значительных представителей советского востоковедения, обогативших нашу науку новыми идеями, методами и открытиями.

Одной их наиболее развитых дисциплин в изучении истории Древнего Востока оставалась египтология. И хотя главным направлением исследований являлась социально-экономическая история, советские ученые, сохраняя традиционную для русской науки широту интересов, занимались изучением политической и военной истории, культуры и религии, языка и письменности Древнего Египта. Наиболее наглядно разносторонность и многообразие исследовательской деятельности проявились в трудах Михаила Александровича Коростовцева (1910–1990). Его творческое наследие составляет более 100 монографий и статей. Среди них такие капитальные работы как «Египетский язык», «Грамматика новоегипетского языка», «Введение в египетскую филологию», «Религия Древнего Египта», «Писцы Древнего Египта» и др. Академик Коростовцев внес большой вклад и в теоретическое переосмысление роли и места Древнего Востока в мировой истории (см. его статьи: «О характере древневосточного общества», «О понятии «Древний Восток» и др.).

Современное понимание сущности социально-экономических отношений в Древнем Египте во многом определяются работами Олега Дмитриевича Берлева (1933–2000)⁵¹. Впервые он прояснил вопрос о том, кем были непосредственные производители, которые создавали ирригационную систему, строили величественные храмы и пирамиды. Большой вклад в изучение социальной истории Египта внес Е.С. Богословский. Особо следует отметить заслуги М.Э. Матье (1899–1966), хранительницы Отдела Востока государственного Эрмитажа. Можно с полным правом сказать, что именно эта женщина,

---

⁵¹ Берлев О.Д. трудовое население Египта эпохи Среднего царства. М., 1972. Он же. Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства. М., 1978.

прикованная к инвалидной коляске, заложила основу ленинградской школы египтологов. Она занималась всеми сферами духовной жизни древних египтян: мифология, религия, литература, искусство нашли отражение в ее многочисленных книгах. Проблемам военной истории Египта посвящена монография В.И.Авдиева⁵². Интереснейшему периоду в истории Древнего Египта – времени реформы Эхнатона, посвящены многочисленные труды Ю.Я. Перепелкина⁵³.

О несомненных достижениях наших ориенталистов свидетельствует появившийся в 1980 г. в ФРГ сборник, изданный под заголовком: «История древности в зеркале советского исследования»⁵⁴. В сборнике собраны статьи 7 крупных историков из СССР, среди них работы М.А. Коростовцева и В.А. Якобсона, посвященные древневосточной тематике. Во введении к сборнику отмечается, что под воздействием марксистского исследования и на Западе возрос интерес к социально-экономической постановке вопросов древней истории.

Традиционно в древневосточных исследованиях особое внимание уделялось проблемам истории древней Месопотамии. В 20–30 годы ведущие позиции в этой области занимали В.В. Струве, Н.М. Никольский и А.И. Тюменев.

В.В. Струве, главный автор двух первых томов «Всемирной истории», вышедших в 1955–1956 гг., положил в основу изложения исторического материала синхронный принцип. Им одновременно рассматривались общества-современники, независимо от их принадлежности к Востоку или Западу. Пытаясь обосновать такого рода подход, В.В. Струве в своих исследованиях обращается, прежде всего, к месопотамским источникам⁵⁵.

Во второй половине 50-х годов появилась статья А.И. Тюменева, в которой впервые четко была высказана мысль о том,

---

⁵² Авдиев В.И. Военная история Древнего Египта. Т. I–II. М., 1948, 1959.

⁵³ Перепелкин Ю.Я. Переворот Амен-хотпа IV. М., 1967. Ч. 1. М., 1984. Ч. 2. и др.

⁵⁴ Die Geschichte des Altertums im Spiegel der sowjetischen Forschung. Darmstadt, 1980.

что Древний Восток и античный мир это не стадии или ступени, а два пути, два типа развития рабовладельческой формации⁵⁶. Несмотря на излишне резкое противопоставление Древнего Востока и античного мира (которое еще более углубил Л.С. Васильев) теория Тюменева оказала положительное влияние на дальнейшее развитие историографии, поскольку она привлекла серьезное внимание к проблеме типологических различий в развитии древних обществ.

Выдающееся место в развитии историографии Древнего Востока занимает Игорь Михайлович Дьяконов, о котором мы уже не раз упоминали в предыдущих разделах нашей работы. Творческое наследие Игоря Михайловича составляет около пятисот книг и статей, одно перечисление наиболее значительных из них потребовало бы нескольких страниц текста. Ограничимся указаниями на то, что Дьяконов успешно трудился в трех основных направлениях науки о Древнем Востоке: 1) изучение языков и письменности, прежде всего народов Передней Азии; 2) публикация памятников мифологического, юридического и литературного содержания; 3) особенно следует выделить исследования Дьяконова в сфере проблем социально-экономического и политического строя древневосточных обществ. И.М.Дьяконов был создателем или активным разработчиком новых учебников по истории древнего мира⁵⁷.

Долгие десятилетия все усилия ученого были направлены на модификацию рабовладельческой концепции. Многие кричащие противоречия в схеме В.В. Струве были им устранены. Дьяконов признает вариантность, множественность путей развития древневосточных обществ, но в рамках одной формации. Это помогает сохранить приверженность взгляду на единство процесса исторического развития человечества.

---

⁵⁵ Струве В.В. К вопросу о специфике рабовладельческих обществ Древнего Востока // Вестник Ленинградского университета. Серия общественных наук 3. 1953. № 3. Он же. Государство Лагаш. М., 1961.

⁵⁶ Тюменев А.И. Передний Восток и античность // Вопросы истории. 1957. № 6, 9.

⁵⁷ История древнего мира. Т. I–III / Под ред. И.М. Дьяконова, И.С. Свенцицкой, В.А. Нероновой. М., 1982.

Огромный опыт и обширные познания ученого позволили ему в конце жизни создать оригинальную, хотя также небесспорную, универсальную концепцию мирового исторического процесса, включающую 8 фаз с фазовыми переходами. Древний Восток занимает в истории мировых цивилизаций 2 фазы: ранняя и имперская древность. Памяти великого востоковеда, который был избран почетным членом многих академий на Западе, но так и не стал российским академиком, посвящен целый выпуск «Вестника древней истории» 2002 г. № 2. Здесь опубликована большая статья его ученика и коллеги В.А. Якобсона, посвященная жизненному и научному пути Игоря Михайловича.

Проблема социально-экономических отношений Месопотамии нашла свое развитие также в трудах М.А. Дандамаева⁵⁸. Одновременно им проводились исследования в области иранистики. Дандамаевым были написаны многочисленные труды по политической истории Ахеменидской державы⁵⁹. Проблема перехода от первобытно-общинного к раннеклассовому обществу успешно решается на обширном археологическом материале Месопотамии в трудах В.М. Массона, Р.М. Мунчаева и др. По-прежнему большое внимание в работах отечественных ученых уделяется вопросам государства и права, литературы и искусства древней Месопотамии.

Хороших результатов достигла отечественная семитология, имеющая прочные традиции в нашей стране. Это труды М.Л. Гельцера, С.Я. Лурье, М.И. Рижского, Ю.Б. Циркина, И.Ш. Шифмана, Й.П. Вейнберга, И.Д. Амузина, И.Р. Тантлевского и др. Хотя все-таки приходится признать, что в силу ряда политических и идеологических причин развитие отечественной иудаики происходило не в самых благоприятных условиях. Политика воинствующего атеизма, а иногда и государственного антисемитизма, наложила свой отпечаток на данную отрасль отечественного востоковедения.

---

⁵⁸ Дандамаев М.А. Рабство в Вавилонии VII–IV вв. до н.э. М., 1974.

После Второй мировой войны возрождается отечественная индология, к тому времени потерявшая многих своих крупных представителей. Новый подъем науки о древней Индии во многом был связан с благородной деятельностью семейства Рерихов, особенно Ю.Н. Рериха, переехавшего в 1957 г. в Москву. Возобновилась подготовка научных кадров, изучение санскрита, появились новые имена: Г.Ф. Ильин, Г.М. Бонгард-Левин, ставшие авторами капитальных работ⁶⁰. В области социальной истории появляются монографии и многочисленные статьи А.А. Вигасина и А.М. Самозванцева⁶¹. Выходят обширные переводы древнеиндийских текстов. Активно исследуются проблемы древнеиндийской культуры, религии и философии. Группа ученых Санкт-Петербурга занимается дешифровкой хараппской письменности. Можно с уверенностью сказать, что современная отечественная индология вернула те почетные позиции, которые она занимала в конце XIX – начале XX в.

С 60-х годов начинается качественно новый этап изучения нашими историками древнекитайского общества. Появляется ряд монографических исследований, посвященных как истории древнего Китая в целом, так и отдельным периодам. Современная синология характеризуется углубленным анализом конкретных аспектов жизни, культуры и идеологии. Большое внимание уделяется изучению и переводу на русский язык древнекитайских письменных памятников, так, например, вышли 8 томов «Исторических записок» Сыма Цяня. Разрабатываются также проблемы этногенеза⁶² и политогенеза⁶³. Особенно плодотворно работает в этом плане Л.С. Васильев, который

---

⁵⁹ Дандамаев М.А. Иран при первых Ахеменидах. М., 1963. Он же. Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985.

⁶⁰ Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Индия в древности. М., 1985. Бонгард-Левин Г.М. Индия эпохи Маурьев. М., 1972. Он же. Древнеиндийская цивилизация. М., 1993.

⁶¹ Вигасин А.А., Самозванцев А.М. «Артхашастра»: проблемы социальной структуры и права. М., 1984. Самозванцев А.М. Теория собственности в древней Индии. М., 1982.

⁶² Крюков М.В., Сафронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М., 1978.

⁶³ Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайской цивилизации. М., 1983. Крюков М.В., Переомов Л.С., Сафронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983.

создает и крупные учебные пособия и разрабатывает многие теоретические и конкретные проблемы древневосточной истории. В области политической истории и истории философско-идеологических школ Китая в этот период появляются первоклассные труды Л.С. Переломова⁶⁴.

Во второй половине 80-х годов ситуация «нового мышления» потребовала глубокой и объективной самокритики, что привело к значительной переоценке приоритетов в отечественном востоковедении. Освобождение от догматического, идеологического контроля, отказ от жестких априорных схем размыла непроходимую, казалось бы, грань между марксистской и традиционной западной историографией Древнего Востока.

На современном, пятом этапе развития утверждается положение о глубоком своеобразии древневосточной цивилизации по сравнению с античностью, существенно преодолевается научный европоцентризм. Все большее распространение в мировой историографии получает теоретический плюрализм, отказ от односторонности и жесткой детерминации исторического процесса, утверждается концепция множественности путей развития цивилизаций и обществ Древнего Востока. Происходит известное сближение и сотрудничество марксистской и традиционной прогрессивной историографии. Как далеко зашло это многообещающее сотрудничество, должен показать Международный конгресс востоковедения, проведение которого запланировано на 2004 г. в Москве. Успех этого научного симпозиума во многом будет зависеть от выступлений российских историков.

---

⁶⁴ Переломов Л.С. Империя Цинь – первое централизованное государство в Китае (221–202 гг. до н.э.). М., 1962. Он же. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., 1981. Он же. Конфуций: жизнь, учение, судьба. М., 1993.

Глава 5

Община и государство на Древнем Востоке

Ключевыми проблемами востоковедческой тематики, несомненно, является комплекс вопросов, связанных с общиной и государством. Именно они являются предметом обсуждения на первых практических занятиях и студенты-историки должны иметь как можно более ясное представление о возникновении и эволюции этих основополагающих институтов. Поэтому в рамках данного «Введения» следует остановиться специально на проблемах общинной организации и государственного устройства первых на земле цивилизаций.

В научной литературе имеется немало работ, посвященных исследованию такого важнейшего фактора социальной организации традиционного общества, как различные формы общины. В центре внимания были вопросы ее корпоративного деления, статуса общинников, общинного землевладения и землепользования, самоуправления и т.д.⁶⁵

Перед автором встают две взаимосвязанные задачи: во-первых, дать обзорное представление о характере и типологии корпоративных коллективов, выделив общее и особенное в организации общин, их структуре; во-вторых, показать, как регулировалось социальное поведение, определяющее жизнь общинников, как община влияла на социально-правовую организацию древневосточных обществ, и как складывались отношения между общиной и государством.

Одним из самых значительных достижений первичных цивилизаций является опыт организованного коллективного труда больших человеческих объединений, которые мы называем общинами. Под общиной принято понимать довольно значительный коллектив

---

⁶⁵ Дьяконов И.М. Община на Древнем Востоке в работах советских исследователей // Вестник древней истории. 1963. № 1. Алаев Л.Б. Сельская община Северной Индии. М., 1981. Райков А.Б. Л.Б. Алаев: община в его жизни. История нескольких научных идей // Восток. 2001. № 6.

людей, связанных отношениями взаимопомощи и солидарности. Первоначально объединяющим началом служили родственные связи, мнимые или фактические, на основе которых формировались *родовые общины*. Это была первая устойчивая форма достаточно крупных человеческих коллективов, преобладавших на стадии первобытности. Во времена неолитической революции именно родовые общины осуществили переход от присваивающего хозяйства к производящему и заложили основы ирригационного земледелия. Но по мере освоения нового типа хозяйственной деятельности, связанного с освоением и новых ландшафтных зон, происходила постепенная трансформация общинной организации. Создание системы ирригационного земледелия, даже на местном, локальном уровне, требовало организованного участия уже не десятков, а сотен и даже тысяч производителей. Одновременно происходил переход к оседлому образу жизни, сопровождавшийся созданием довольно крупных поселений.

В этих условиях поддержание единства большого коллектива уже не могло основываться на действительных или мнимых кровнородственных связях. Среди создателей местных оросительных систем были и изгои, и люди, принадлежавшие к другим родоплеменным союзам. Так постепенно на смену родовой общине приходит *территориальная* (или по-другому сельская, соседская) *община*.

Между двумя формами общинной организации нет непреодолимой грани. В территориальной общине сохраняются и родственные узы, но на первый план выходят диктуемые экономической необходимостью обязательства взаимопомощи и коллективного труда.

Для родовой общины определяющими являются следующие признаки: 1) преобладание коллективного характера труда, 2) половозрастное разделение труда, 3) безусловная коллективная собственность на уголья и на получаемый с них продукт, 4) равнообеспечивающий принцип распределения продукта, 5) принцип коллективизма в решении общинных вопросов,

б) отсутствие каких-либо иных видов неравенства за исключением статусного, связанного с ролью того или иного члена общины в поддержании ее жизнедеятельности, 7) мифологическое восприятие мира, основанного на первобытных формах религиозного сознания и связанных с ним практик (анимизм, тотемизм, фетишизм, шаманизм, магия и колдовство).

Территориальная община включала в себя несколько (иногда до десяти и более) общин низшего порядка, которые мы называем «домами» или «домашними общинами». Они в свою очередь состояли из нескольких десятков членов, возглавлявшихся отцом-патриархом, которому подчинялись все члены «дома» (включая его сыновей, их жен и детей, а также всех «усыновленных», т.е. принятых в состав семьи или «дома» чужаков). Власть патриарха в семье была полной и основывалась на родовом (обычном) праве. Греки называли такую власть деспотической (от греч. слова *despotes*, т.е. «домохозяин»). Отсюда потом произошел термин «деспотизм», когда власть восточного правителя над его подданными была приравнена к власти патриарха над его домочадцами.

Одной из характерных черт территориальной общины был ее ярко выраженный *дуализм*. Рассмотрим, в чем конкретно он проявлялся. Во-первых, в сохранении коллективных форм жизни и труда. В определенном смысле коллективизм даже возрос, поскольку производящая экономика вообще, а ирригационное земледелие в особенности, требовали скоординированных усилий гораздо большего количества человек, нежели собирательство, охота, рыбная ловля и бортничество на предшествующей первобытной стадии. Коллективизм требовался и для совместного возведения защитных сооружений, храмовых зданий, обороны от соседей. Последнее особо важно подчеркнуть, поскольку с переходом к производящей экономике и оседлому образу жизни начинает все более возрастать благосостояние общинников, а, соответственно, появляются дополнительные стимулы к войне. Но в то же время труд становится и обособленным. Большие семьи или «дома» внутри территориальной общины ведут свои

собственные хозяйства, принимая участие в общинных работах и отдавая в общинный фонд часть урожая.

Важнейшие изменения происходят в праве собственности. И здесь вновь обнаруживается ярко выраженный дуализм. По-прежнему сохраняется верховная собственность общины на освоенную землю и уголья. Но с другой стороны, большая семья и, прежде всего, возглавляющий ее отец-патриарх, имеет в своем полном распоряжении дом, скот, орудия труда и другое имущество. Все более укрепляются владельческие права патриарха на наделный участок земли. Это еще, конечно же, не частная собственность на землю, но уже создаются предпосылки для ее возникновения (почему эта тенденция не получила на Востоке такого развития как в античном мире, об этом речь пойдет далее). Однако самое главное, что происходит в эволюции владельческих прав, – это появление обособленной собственности на получаемый в процессе производства продукт (то, на что в первобытном обществе был наложен строжайший запрет). Здесь тоже существует определенный дуализм. Часть продукта по-прежнему поступает в общественный фонд. Из него формируется страховой запас общины. Но часть остается в «доме», т.е. в полном распоряжении патриарха. А поскольку большие семьи отличались друг от друга, со временем между ними начинает возникать все более заметное *имущественное неравенство*, а следом и *неравенство социальное*. Выделяются «старшие» и «младшие» дома, богатая, уважаемая всеми знатная верхушка, и зависящие от нее бедняки. Так возникает институт *клиентелы*, наряду с распространением патриархального рабства.

В функционировании института клиентелы мы тоже можем наблюдать дуализм. Он проявляется в том, что через данный институт, в общине происходит легитимизация новых отношений социальной зависимости. Тем самым, можно сделать вывод, что клиентела способствует ускорению процесса социальной дифференциации в общине, разложению в ней архаического, освященного традицией и обычным правом уравнительного уклада. Но с другой стороны, та же самая клиентела с определенного момента начинает препятствовать

дальнейшему ходу процесса социальной дифференциации. Во многом именно благодаря действию данного института социальное расслоение не получает своего логического завершения. Общество не раскалывается на два, как это было принято определять в марксистской методологии, антагонистических класса – рабов и рабовладельцев. Ведь отношения «клиент – патрон» предполагали не только труд клиента в пользу патрона, равно как и другие формы поддержки второго первым (например, на выборах в общинные органы самоуправления), но и помощь патрона клиенту в бедственных условиях, в которых тот мог оказаться и которые, согласно марксистской логике, должны были довести его до полного разорения и превращения в раба. Отношения клиентелы действовали в общине, которая, согласно приведенному нами в начале данной главы определению, являла собой коллектив людей, связанных отношениями *взаимопомощи*. А раз так, то обязательства патрона по отношению к клиенту должны были, так или иначе, соотноситься с этой освященной веками и даже тысячелетиями общинной нормой.

Перейдем теперь к характеристике системы управления, которая складывается внутри территориальной общины. С одной стороны, территориальная община решала свои важнейшие дела на общей сходке равных между собой взрослых мужчин. Но столь многочисленное народное собрание не могло детально рассматривать множество дел и тяжб, возникавших непрерывно, и они передавались в компетенцию совета старейшин – глав домашних общин. Народная сходка, зачастую, лишь одобряла принятое советом старейшин решение.

Значительную роль в жизни общин играли также выборные должностные лица: жрец-первосвященник или культовый вождь, вождь-военачальник, а также главный судья, землемер, старейшина торговых агентов и т.д.

По мере усложнения социальной структуры происходит усиление противостояния общинной знати массе рядовых общинников, рабов и подневольных работников. Как же складывается эта общинная верхушка, за счет чего усиливается социальное

неравенство в рамках сельской общины? Возникающая система неравенства носит, прежде всего, ранговый характер. Каждый член домашней общины имеет определенный статус, зависящий от возраста и степени близости к патриарху, занимающему высший ранг.

Глава семьи – одновременно администратор и организатор домашнего производства, он же является распорядителем имущества группы. Каждый дом занимает в общине определенное место, которое зависит от ряда субъективных и объективных факторов: число рабочих рук в семье, таланты патриарха, доля добычи, захваченной в стычке с соседями и т.д. Все это порождает неравенство между домохозяйствами. Тем более следует учесть, что домашние общины рано или поздно, в третьем или четвертом поколении делились и образовывалось несколько родственных больших семей, сохранявших довольно тесные связи – культ общих предков, обязательства взаимопомощи. Как правило, они делились на «старшие» и «младшие», на зажиточные и обедневшие; причем более благополучные и сильные семьи должны были оказывать поддержку и покровительство своим попавшим в беду родственникам. Те же, в свою очередь, должны были во всем поддерживать своих «благодетелей» – так возникает зависимость: патрон – клиент, то есть, институт клиентелы, о котором речь шла выше.

Как уже отмечалось, в общине всегда есть несколько высших престижных должностей, обладание которыми повышает авторитет и дает некоторые привилегии. Чтобы их достичь, главы больших семей должны были продемонстрировать высокие достоинства своей личности, или обеспечить престиж путем раздачи излишков, созданных трудом всей группы. Эта система перераспределения получила название *редистрибуции*. Слабые становились клиентами и обеспечивали успех на выборах своим патронам – так формировалась общинная верхушка и развивалось социальное неравенство.

Отдельная семья и небольшое поселение не могли справиться с водной стихией в одиночку. Чтобы создать систему каналов, водохранилищ, дамб и плотин даже в локальном варианте мелиорации и ирригации требовалось объединение усилий множества людей. Кто

же и как руководил созданием местных систем ирригации? Лучше всего это процесс изучен на материале древнего Междуречья в V–IV тыс. до н.э. Вероятнее всего руководителями ирригационного земледелия стали храмы, культовые вожди-жрецы. И это логично – ведь именно жречество, выступавшее посредником между богами и людьми, должно было обеспечить благополучие общины. При этом представлялись целесообразными как чисто культовые, обрядовые действия, так и рациональные, технические приемы. Поэтому, вполне естественно, что организацию крупных общественных работ поручали одним и тем же лицам, наиболее уважаемым и мудрым, т.е. жрецам. Подтверждением этому может служить фигура вождя-жреца, исполняющего земледельческий обряд на фресках Шумера и Египта, а также могущество и богатство месопотамских храмов и верховных жрецов, даже на самых ранних этапах цивилизации.

Важная общественная роль, которую стали играть профессиональные исполнители религиозных обрядов, объясняется, прежде всего, тем, что сами эти обряды рассматривались всем населением как важнейшее средство обеспечения благополучия всей общины. Храм превратился в центр всей экономической и культовой жизни. При храмах концентрировались запасы всего коллектива. Это был страховой фонд на случай голода или стихийного бедствия; это был и обменный фонд, так как земледельцы речных долин изначально испытывали жизненную потребность в различных видах сырья и материалов – в Шумере не было ни леса, ни камня, ни металлов. Вокруг храма концентрировались и ремесленники, обслуживавшие всю общину в условиях интенсивного процесса отделения ремесла от земледелия. Для содержания культа и персонала храмов община выделяла часть земли, а также обязывала своих членов обрабатывать «поле бога» и выполнять определенные повинности в пользу храма, прежде всего, строительные. На первых порах храмовое хозяйство было частью общинного хозяйства и не имело самостоятельности и обособленности. Но постепенно процесс расширения местных мелиоративно-ирригационных систем привел к необходимости объединения сельских общин в рамках сравнительно небольших,

ограниченных естественными пределами областей, включающих обычно или приток крупной реки, или магистральный канал. Такие области, по примеру Египта, мы называем *номами*. При этом возрастает роль военной организации, что ведет к формированию профессиональных дружин и возвышению удачливых вождей-военачальников. Массовое обследование археологами следов древнейших поселений показывает, что в этот период наблюдается сселение жителей из мелких поселков отдельных общин к центру номов, где находились главные храмы с их богатыми зернохранилищами и мастерскими.

Плотно заселенное пространство вокруг главных храмов обносится укрепленными стенами – так рождаются первые города. В начале III тыс до н.э. храмовые хозяйства становятся настолько сложными и обширными, что понадобился учет их хозяйственной деятельности. В связи с этим зарождается *письменность*. Первые пиктографические документы свидетельствуют о возрастании экономического могущества и политического влияния храмового персонала, прежде всего, главных должностных лиц. Жрецам высшей категории, главному судье, старшине торговых агентов община выделяла большие участки земли. Но львиная доля доставалась жрецу, носившему звание *эн*. Эн был верховным жрецом в тех общинах, где верховным божеством почиталась богиня. Он представлял общину перед внешним миром, он возглавлял ее совет, он же участвовал в обряде «священного брака» с богиней. В общинах, где верховным божеством был бог, существовала жрица-эн.

Земля, выделенная эн, постепенно стала собственно храмовой землей. Урожай с нее шел в запасный страховой фонд общины, на обмен, на жертвы богам и на содержание персонала храма, его ремесленников, воинов, земледельцев, рыбаков. Вероятнее всего, эту землю в Протописьменный период обрабатывала часть общинников в качестве трудовой повинности, позже ее будет обрабатывать рабочий персонал самого храма.

Так происходило постепенное обособление храмового хозяйства от общины и шло формирование нового типа общины –

номовой общины, завершавшей иерархию общинных структур: домашняя община – территориальная (сельская или городская) община – номовая община.

По сути номовая община и есть первичная форма государственности, то есть *номовое государство* или *протогосударство*. Большинство правителей Раннединастического периода носили звание верховного жреца – эн, «больших людей», вождей-военачальников – *дугаль* или жрецов-строителей – *энси*. Принятие правителем того или иного титула зависело от обстоятельств, от местных городских традиций и т.п. Хозяйство храма в этот период уже довольно четко отделялось от земли территориальной общины и находившихся на ней частных хозяйств домашних большесемейных общин. Но связь храма с общиной оставалась при всем том достаточно ощутимой.

По-прежнему, сохранилось самоуправление общины в лице народного собрания и совета старейшин, а также выборность правителя. Работали в храмовом хозяйстве ремесленники, скотоводы, земледельцы самых различных социальных наименований. Среди рабочего персонала были рабы и рабыни, беглецы и изгои из других общин, но многие, вероятнее всего, были людьми местного происхождения: младшие братья, потерявшие землю общинники, посвященные храму люди. Одни из них получали в качестве вознаграждения условные земельные наделы. Другие получали лишь паек. Все они были лишены собственности на средства производства и эксплуатировались внеэкономическим путем.

Высшая прослойка храмового персонала – жрецы, администраторы, воины, главы ремесленных отраслей – получали из храмового фонда «земли кормления» довольно значительные участки и заводи на них частное хозяйство. Вне храма домашние общины могли продавать свою землю, но только при условии согласия всей территориальной общины в целом. Таким образом начинается обособление двух секторов экономики – общинно-частного и крупного храмово-государственного.

К середине III тыс. до н.э. наряду с военными и культовыми вождями, находившимися в политической зависимости от совета старейшин своих номов, четко наметилась новая фигура – лугаль-гегемон. Опираясь на своих личных приверженцев и дружину, он мог завоевывать другие номы и, таким образом, встать выше отдельных советов. Для того, чтобы приобрести независимость от номовых общинных органов самоуправления лугалям нужны были самостоятельные средства, и, прежде всего, земля. И средства и земля были у храмов. Поэтому лугали стремились прибрать наиболее богатые храмы к рукам – либо женись на верховных жрицах, либо заставляя совет избрать себя сразу и военачальником, и верховным жрецом, при этом поручая храмовую администрацию вместо общинных старейшин зависимым и обязанным лично правителю людям.

Наиболее наглядно эта тенденция прослеживается по архивным материалам и документам из шумерского нома Лагаш. Правитель этого нома Энатум, временно избранный лугалем, успешно воевал с соседями и значительно расширил территорию и свою власть. Один из преемников завоевателя был сыном верховного жреца местного номового бога Нингирсу. Став энси Лагаша, он соединил правительские земли с землями главных храмов. Таким образом в фактической собственности правителя и его семьи оказалось более половины всей земли Лагаша. Люди энси стали взимать различные поборы с мелких жрецов и зависимых от храма лиц. Одновременно ухудшилось положение свободных общинников из-за возросших поборов и тяжелых повинностей в пользу государства. Все это вызывало недовольство самых разных слоев населения. Энси Лугальанда был низложен, а на его место был избран народным собранием Уруинимгинга. Во втором году своего правления он получил полномочия лугаля и провел реформу. Благодаря надписям, сделанным по приказу Уруинимгины, мы знаем об этой реформе несколько подробнее. Земли храмов были формально вновь изъяты из собственности семьи правителя, отменены были противоречащие обычаю поборы, ограничен произвол энсиальной администрации,

улучшено положение младшего жречества и части зависимых людей в храмовых хозяйствах, отменены долговые сделки и т.п.

Но причины обеднения общинников не были устранены. К тому же Уруинимгина вступил в войну с соседней Уммой. Эта война длилась несколько лет и закончилась захватом половины территории Лагаша. Правитель Уммы Лугальзагеси, покорив почти всю южную часть Нижней Месопотамии, не создал единое государство. Обширное объединение, созданное им, являлось по сути военно-культовым союзом номов Шумера. Вскоре Лугальзагеси пришлось столкнуться с новым и совершенно неожиданным противником. Это был человек очень незнатного происхождения, имя которого в исторической науке условно обозначается как Саргон Древний.

Будущий создатель государства нового типа, которое обычно называют Аккадским царством или державой Саргонидов, не был связан с вековыми общинными или номовыми традициями. Во время разгрома Киша правителем Уммы Лугальзагеси, Саргон сумел выкроить себе небольшое государство и сделать его столицей неизвестный доселе городок Аккаде. У него не было корней в старых шумерских номах и связей с их храмами и знатью. Саргон опирался на многочисленное народное ополчение, которое получило на вооружение дальнобойные луки, что изменило всю военную тактику и принесло реформатору решающие победы.

Беднейшая часть общинников и эксплуатируемые работники храмовых и энсиальных хозяйств готовы были оказать поддержку в разрушении номовых порядков, надеясь на повышение своего социального и имущественного статуса. Объединение страны должно было способствовать централизации ирригационной системы, прекращению межномовых столкновений, созданию условий для транзитной торговли – все это были предпосылки складывания новой государственности с сильной властью одного монарха.

Вначале Саргон распространил свою власть на Верхнюю Месопотамию, разгромил Лугальзагеси, потом завоевал все крупные города Нижней Месопотамии, а затем совершил еще походы в Малую Азию и Элам. Формально покоренные им номы сохранили свою

внутреннюю структуру, но фактически отдельные энси превратились теперь в чиновников, ответственных перед царем. Храмовые хозяйства также были подчинены царю. Представителей знатных номовых родов держали при дворе властителя в качестве почетных заложников. Саргон имел постоянное войско (5400 человек), а также опирался на ополчение. Храмовые дружины были распущены, а работников крупных хозяйств предпочитали переводить на паек и уменьшать число наделов. Создатель первого в истории Месопотамии территориального царства, включавшего несколько этносов (семиты-аккадцы, шумеры и др.) всячески подчеркивал свое уважение к богам и старался привлечь жречество на свою сторону. Однако он не преуспел в этом. Саргониды во всем – в титулатуре, в обычаях, в искусстве, – порывали с традициями раннединастической эпохи.

При Саргоне формировалась новая служилая знать, а народные собрания и советы старейшин потеряли всякое общегосударственное значение. Царь обладал теперь огромной властью, которую часто называют деспотической. Народные массы больше потеряли, чем приобрели от установления административно-бюрократического образа правления. Народ это скоро понял. Уже сыновья Саргона – Римуш и Маништушу – встретились с упорным сопротивлением по всей Нижней Месопотамии. Восставали энси городов и знать, простые общинники и ремесленники, недовольные люди. Римуш вырезал целые города своей страны, казнил тысячи пленников, хотя при этом отсутствовала этническая вражда. После убийства Римуша (по преданию, знать закидала его каменными печатями), брат его продолжал ту же политику, подавляя в карательных экспедициях многочисленные мятежи.

До нас дошел интереснейший источник от этого времени – «Обелиск Маништушу» – с обширным и очень информативным текстом. Речь идет о покупке доверенными лицами царя многочисленных участков земли у «домов» и территориальных общин. Это была одна из форм расширения государственного сектора хозяйства, причем земля скупалась принудительно за номинальную цену. Однако, существенно при этом то, что царь не мог просто

отобрать эту землю, а соблюдал все формальности и совершал сделку при свидетелях. Из этого видно, что Саргониды не являлись собственниками всей земли государства.

Обелиск помогает нам выяснить характер общинной структуры. Общинники по-прежнему жили «домами» (от одного до четырех поколений); каждый «дом» владел своей землей, причем внутри «дома» индивидуальные семейные ячейки получали каждая свою долю. В случае продажи участка земли требовалось согласие всех родичей, а если продавалась земля сразу нескольких «домов», требовалось согласие народного собрания территориальной общины или всего нома. Пир народному собранию устраивал царь.

Сыновья Саргона совершали походы и в соседние страны: Сирию, Малую Азию, Элам, предпочитая грабежи налогам. Наиболее могущественным из потомков Саргона был его внук Нарам-Суэн (2236 – 2200 гг. до н.э.). Но и его царствование началось с мятежей, которые однако были быстро и решительно подавлены. Нарам-Суэн достаточно успешно воевал в Сирии, в Верхней Месопотамии и в предгорьях Ирана. В Сирии, например, он разрушил мощный ном – государство Эбла.

При Нарам-Суэне были доведены до конца перемены в государственном устройстве, начатые еще его дедом – Саргоном. Он стал называть себя «царем четырех сторон света»; и в самом деле, столь обширного государства древность до него не знала. Он сохранил управление номами через энси, но на должности энси он назначал либо своих сыновей, либо подконтрольных ему чиновников.

Нарам-Суэн впервые объявил себя богом и потребовал прижизненного культа. Это имело последствием то, что царь поссорился с влиятельным жречеством Ниппура. Социальная опора аккадской династии к концу правления Нарам-Суэна сузилась до минимума. Общинники были разорены войнами, карательными походами против городов собственной страны, принудительной скупкой земли. Старая знать, видимо, была в большинстве своем физически истреблена. Средний слой государственных работников

лишился значительной части наделов и был переведен на пайки. На стороне царя осталась только служилая бюрократическая знать.

Поэтому ясно, почему ослабевшее государство не выдержало вторжения горных племен кутиев. Вожди кутиев разорили своими нападениями почти всю страну, за исключением Лагаша. Они не создали своего общегосударственного управления, а продолжали ограбление страны в форме дани, которую для них и за них собирали местные аккадские и шумерские правители.

В это время происходит, так называемое, «второе возвышение Лагаша». Его правитель Гудеа пытался соединить черты политики традиционных номовых энси с принципами, созданными при аккадской династии. Но возвышение Лагаша оказалось кратковременным.

Вскоре после Гудеа в Уруке началось всеобщее восстание против ненавистных кутиев под предводительством рыбака Утухенгалья. Кутии были изгнаны навсегда. Однако Утухенгаль погиб, и царство перешло к его соратнику Ур-Намму, сделавшему своей столицей город Ур. Новое государство получило официальное название «Царство Шумера и Аккада», а династия обозначается в науке как «III династия Ура».

Цари III династии создали классическое типичное древневосточное деспотическое и бюрократическое государство. В начале правители этой династии уделяли большое внимание восстановлению ирригационной системы. Все храмовые и правительские хозяйства были слиты в одно унифицированное государственное хозяйство, которое занимало по подсчетам исследователей 60% всей площади обрабатываемых земель. На этих обширных землях сложилась хозяйственная система, которую обычно называют системой *псевдолатифундий*. Все работники назывались гурушами, а работницы – нгеме, т.е. просто рабынями. Все они – земледельцы, носильщики, пастухи, рыбаки – были сведены в отряды, а ремесленники работали в обширных царских мастерских. Все они получали стандартный скудный паек. Фактически это было

государственное рабовладение при жестоком казарменном режиме эксплуатации.

Для контроля и учета рабочей силы была создана профессиональная статистика. Все фиксировалось письменно и сводилось в годовые отчеты. Даже была выработана единица расхода рабочей силы – «человекодень».

Это было самодостаточное автаркичное гигантское хозяйство. Урожай с полей и продукция мастерских шли на содержание двора и войска, огромного бюрократического аппарата, на жертвы в храмах и на международный обмен через государственных торговых агентов – тамкаров. Внутренняя торговля была неразвита, все необходимое производилось внутри государственного хозяйства.

Вся страна была разделена на округа. Во главе них стояли энси, но теперь это были просто чиновники, которых по произволу высшей царской администрации перебрасывали с места на место и жестко контролировали.

Мы мало что знаем о положении дел в это время в общинно-частном секторе, не поглощенном царским хозяйством. Мы можем только догадываться, что здесь развивались процессы приватизации и ростовщичества, хотя купля-продажа земли была запрещена законами Шульги (первое из дошедших до нас законодательств). В общине появились безземельные: часть их уходила в сферу государственного хозяйства, другие продавали себя в кабалу. Обедневшие общинники часто нанимались жнецами в псевдолатифундии.

Организация единого царского хозяйства в масштабах всей страны потребовала огромного количества административного персонала: надсмотрщиков, писцов, начальников отрядов, начальников мастерских, управляющих, и общинники охотно шли на эти должности, где пропитание им было обеспечено. Именно эта бюрократическая прослойка вместе с войском и жречеством составляли политическую опору династии.

Около ста лет просуществовало царство III династии Ура, и, казалось, ничто не могло быть прочнее и устойчивее. Все цари, начиная с Шульги, обожествлялись. Тогда же был создан «Царский

список», а с ним и учение о божественном происхождении царственности, законными наследниками которой стали цари III династии Ура.

Конец оказался неожиданным. Пастушеские племена западных семитов – амореев – с 2025 г. до н.э. начали постоянно вторгаться в Нижнюю Месопотамию. Они окружали города, отрезали пути к центру. Местные энси, не получая помощи из столицы, стали отлагаться от Ура. Последний удар нанесли эламиты. В 2003 г. до н.э. они заняли Ур, и последний царь III династии в цепях был уведен в Элам.

Но вторжение внешних врагов можно рассматривать лишь как завершение всеобщего социально-экономического и политического кризиса, поразившего это сверхбюрократизированное государство. Стала очевидной неэффективность и обреченность хозяйственной системы, основанной на получении государственных доходов от самостоятельного и автаркичного государственного хозяйства. Все последующие царства Месопотамии отказались от попыток возродить порядки III династии Ура.

В знаменитом старовавилонском царстве Хаммурапи, новом централизованном государстве, приобретшем тоже определенные черты древневосточной деспотии, был обширный фонд царских земель. Но структура государственного хозяйства принципиально изменилась по сравнению с эпохой III династии Ура. Перспективными в экономическом отношении оказались иные тенденции – поощрение общинно-частного сектора и раздача царских земель, мастерских, пастбищ в аренду или в условное держание за службу чиновникам, воинам, мушкенамам и т.д. Главным способом пополнения казны стал сбор налогов серебром и натурой с хозяйств различного типа. Сохранялся массивный бюрократический аппарат, но при этом представители царской администрации имели тесный контакт с представителями власти на местах – общинными советами и старостами общин.

Мы рассмотрели довольно подробно эволюцию двух типов государственности – номовых и крупных территориальных царств – на

примере ирригационных обществ древней Месопотамии. Здесь государственность эволюционировала лишь в результате внутреннего развития, и возникавшие в этом регионе государства можно назвать *первичными*. К их числу относится и древний Египет. Но в долине Нила взаимоотношения общин и государства складывались несколько иначе под воздействием, прежде всего, особых географических условий. Большая часть страны протянулась узкой лентой вдоль великой реки. Лишь в Нижнем Египте Нил расходится веером русел – дельтой. Возникавшие в конце IV тыс. номы примыкали цепочкой друг к другу, стиснутые между пустыней и Нилом. Поэтому здесь было невозможно создание политических группировок, способных обеспечить отдельным номам с их самоуправлением достаточную независимость.

Столкновения между номами неизбежно приводили к их объединению «по цепочке» под властью сильнейшего. Поэтому очень рано в Египте появляются цари-фараоны, обладающие сильной деспотической властью. И хотя, по всей вероятности, в Египте когда-то тоже существовали параллельно государственный (царские, храмовые, вельможные хозяйства) и общинный сектор, но в дальнейшем общинно-частный сектор был без остатка поглощен государственным. Во всяком случае у египтологов нет ясных свидетельств существования общины свободных и равноправных граждан, административно независимых от государственных хозяйств.

И все же, несмотря на большие различия в истории развития общества и государства в двух регионах Ближнего Востока, можно обнаружить общие черты. Как в Месопотамии, так и в древнем Египте непосредственное ведение громадных псевдолатифундиальных хозяйств царской властью в конце концов оказывается нерентабельным. Правда, в Египте развитие частных хозяйств происходит только на формально государственной земле. Эти частные хозяйства черпают рабочую силу в основном из государственных фондов. Бюрократическое государство во главе со всемогущим фараоном, с обширным царским хозяйством, постоянным вторжением в экономические отношения, тщательным учетом всех ресурсов

страны является своего рода образцом древневосточной деспотии (а может исключением!).

Однако и этот сверхцентрализованный аппарат давал сбои в обстановке запутанных социальных противоречий и напряженной внутренней борьбы. Неоднократно единое государство приходило в упадок и распадалось, но все же через некоторое время находились силы, снова устанавливающие целостность и традиционный социальный порядок. Недаром именно фараоновский Египет положил начало созданию мировых держав в XV в. до н.э.

В других странах Ближнего Востока, где ирригационное земледелие не играло такой огромной роли как в Нижней Месопотамии и Египте, складывание и эволюция сословно-классового общества и государства проходили по тем же законам, но с определенным временным отрывом и под сильным влиянием первичных цивилизаций. При этом в них наблюдается разнообразное соотношение между государственным и общинно-частным секторами. Монолитных деспотических государств, подобных Египту или централизованным царствам Месопотамии, здесь не возникает. Местные «державы» (Ахейская, Хеттская, Митанийская, Среднеассирийская и др.) имели скорее характер конгломератов, военных союзов, в которых более слабые номовые государства обязаны были данью и военной помощью более сильному центру.

В период ранней древности III–II тыс. до н.э. свои особенности развития имели Индия и Китай. Однако на современном уровне науки мы знаем недостаточно для того, чтобы дать им более или менее обоснованную характеристику, позволяющую обрисовать своеобразие этих обществ. И все же на уровне знаний достигнутых индологией и синологией мы можем утверждать, что и в истории этих стран при всей их специфике прослеживаются те же тенденции в процессе социогенеза и политогенеза, которые характерны для обществ Ближнего Востока.

Коротко остановимся на своеобразии цивилизационного процесса в этих крупнейших регионах Древнего Востока. Начнем мы с Китая. В самый ранний, шанский период истории китайской

государственности так называемые «большие поля» столичной зоны, вероятнее всего, обрабатывали крестьяне жун, составлявшие общину-поселение. Чужеземцы-военнопленные чаще всего приносились в жертву предкам вана.

По отрывочным сведениям письменных источников и, прежде всего, философа-конфуцианца Мэн Цзы, сложилось представление о системе «цзин-тянь» («колодезных полей»), когда каждая крестьянская семья, имея собственный надел в пределах поселения общины, в первую очередь, должна была обрабатывать «большие поля», урожаем с которых поступал в амбары вана, т.е. государства.

С начала эпохи Чжоу об общине земледельцев имеется гораздо больше свидетельств. Вся производственная деятельность крестьян находилась под строгим контролем чиновников, среди которых особое положение занимали старейшины общин, несшие ответственность за урожай с больших полей. Обрабатываемая земля в это время отчетливо делилась на две категории – поля «сы», которые крестьянские семьи по отдельности обрабатывали для себя, и поля «гун», которые все семьи обрабатывали для правителя. Но уже в конце чжоусского периода Сюань-ван провел первые реформы, отказавшись от системы больших полей. Взамен он ввел подворный налог в виде десятины «че», для чего была проведена перепись населения.

Для Китая и древнего и, можно сказать, современного, характерна клановая структура – мощная и разветвленная, нередко включающая в себя целые крестьянские общины. В древности в китайской сельской общине проходил тот же процесс, который мы наблюдали в обществах Ближнего Востока. Здесь также идет процесс индивидуализации семьи, как низовой автономной ячейки в рамках крестьянской общины. Однако для Китая свойственна одна характерная черта, которая отличает Среднее государство от обществ Ближнего Востока, где преобладали в раннем периоде древности храмовые хозяйства. В древнем Китае храмовых хозяйств, да по сути и самих храмов, не было. Но, как и в других более изученных обществах Древнего Востока, в период Чуньцю основу

населения Поднебесной составляли крестьяне – «шужень», жители деревень.

Громадные изменения в жизни Древнего Китая произошли в период Чжанго, когда китайское общество подошло к порогу создания централизованного государства имперского типа. В ходе ожесточенной борьбы победу одержало царство Цинь, основу которого фактически заложил Шан Ян с его реформами. Созданная им легистская система управления была основана на всеилии государства и подавлении сопротивления как представителей аристократических кланов, так и разбогатевших крупных собственников. Система жесткого контроля действовала и в отношении простых крестьян-общинников. Именно с этого времени начинается период переустройства всей системы общественных и государственных институтов древнекитайского общества, который приведет Китай к созданию первой в его истории империи.

Созданное первым китайским императором Цинь Шихуанди и его советником Ли Сы государство было основано на последовательном проведении в жизнь принципов философии легизма, приходившей в противоречие со многими китайскими традициями, в том числе и с патриархальным общинным укладом. Этот период истории древнего Китая, несмотря на свою непродолжительность (14 лет), оказался важнейшим этапом в многотысячелетней истории страны. Он показал, с одной стороны, эффективность применения деспотических форм правления по отношению к Поднебесной, а с другой – невозможность радикального нарушения устоявшихся норм и обычаев, и, тем самым, невозможность безграничного деспотизма в Китае.

Крах легистской империи, основанной на кнуте и принуждении подавляющей массы населения, как сельского, так и городского, заставили новых правителей Поднебесной – от Гао-цзу до У-ди – принимать иные решения, которые способствовали бы стабилизации жизни древнекитайского общества. Именно в это время конфуцианская модель в модифицированном виде стала официальной

идеологией и государственной религией, в основном благодаря усилиям великого ученого-конфуцианца Дун Чжуншу.

В ханьский период истории Китая произошли большие перемены как в общественной жизни, так и в государственном устройстве. В это время меняется характер традиционной общины, основанной на клановых связях. Процесс приватизации и укрепления владельческих прав начинает проявлять себя со всевозрастающей силой. Разрешение на покупку и продажу земли приводит, с одной стороны, к разорению и утрате земельных наделов многими крестьянами, а с другой, – к концентрации земли, а значит усилению влияния отдельных семей, которые традиционно называются «сильными домами». Крупные землевладельцы сосредоточивают в своих руках огромные имения, в которых трудятся многочисленные «кэ» – гости – разорившиеся и утратившие статус полноправных общинников крестьяне.

В условиях ослабления центральной власти и безуспешных попыток реформ (наиболее яркий пример – реформы Ван Мана) усиливаются центробежные тенденции, и в III в. н.э. Китай вступает в период политической раздробленности. Но, несмотря на перипетии политической борьбы, крестьянская община оставалась в Китае главной формой социальной организации общества.

Индия. Пожалуй самой интересной из стран Древнего Востока, во многом выбивающейся из привычной схемы социо- и политогенеза, является древняя Индия. Начало систематического изучения индийской цивилизации всколыхнуло уже давно возникший в Европе интерес к индийской культуре. И чем больших успехов добивалась европейская наука в попытках постижения этой загадочной страны, тем больше возникало проблем. Почему так устойчива традиционная варново-кастовая система? Почему так неустойчивы многочисленные государственные образования Индостана? Почему так легко Ост-Индская компания и колониальные войска Великобритании покорили многочисленные народности Индии? Ответы на эти вопросы скрываются в многотысячелетней истории огромного субконтинента.

Из-за скудости вещественных и письменных источников мы мало что знаем об истории Индской цивилизации. Но, несомненно, основой этой городской цивилизации являлись сельские общины.

За упадком и гибелью многочисленных городов в долине Инда последовало вторжение индоарийских племен. Воинственные пришельцы по-разному контактировали с местным населением – с одними племенами заключались союзные договоры, других облагали данью, третьих превращали в рабов. Как среди пришельцев, так и в среде автохтонов господствовали родо-общинные институты: кула – род, грама – территориальная община.

Необходимость контролировать обширные территории в условиях этнической вражды заставила индоариев сплотиться в религиозно-идеологическом плане. Именно тогда в начале I тыс. до н.э. сформировались священные тексты Вед. Первой из них была знаменитая Ригведа, которая до сих пор считается всеми индусами самой почитаемой из Вед, а исследователями – важнейшим историческим источником.

Уже из ведийских текстов и комментариев к ним видно, какое огромное влияние имели они на социально-политическую организацию древних ариев. Сравнительно немногочисленные арии вынуждены были выработать систему норм и ценностей, которые обеспечили бы им преобладание во враждебном мире. В первой половине I тыс. до н.э. у индоариев постепенно складывается жесткая система социальной регуляции. Эта социальная градация первоначально приняла форму четырех варн: брахманы, кшатрии, вайшьи и шудры. Первые три варны назывались «дваждырожденными», в то время как шудры не допускались к религиозным обрядам и изучению Вед. По мере растущей дифференциации индийского общества и укрепления в нем государственных начал жесткая социальная организация неизбежно трансформировалась, что приводило к размыванию четырехварновой системы, которая постепенно превращалась в кастовую.

Своеобразие индийского общества определялось теми же факторами, которые препятствовали складыванию индийской государственности централизованно-бюрократического типа:

1. этнокультурная разобщенность отдельных регионов субконтинента;

2. политическая нестабильность и слабая государственная власть;

3. мощная племенная периферия, медленно трансформирующаяся в кастовую;

4. преимущественно сельский, а не городской характер индийской культуры; большинство населения всегда проживало в деревенских общинах – грамах, что приводило к слабости товарообмена и хозяйственной независимости деревни-общины;

5. внутриобщинное разделение труда, сложившееся на основе параллельного формирования многочисленных профессиональных каст.

Так, в рамках взаимного обмена услугами, возникла *кастовая община*, которая существует в Индии до настоящего времени (система джаджмани).

Многообразие типов социальной организации во многом было связано и с присущей Индии до сегодняшнего дня чрезвычайной конфессиональной гетерогенностью. Уже в древности, наряду с брахманизмом и сменившим его индуизмом, в среде индийцев распространяется буддизм, джайнизм и другие неортодоксальные учения, а затем происходит разделение самого индуизма на множество направлений, течений и сект.

Общинно-корпоративное устройство Индии породило множество типов социальной организации: кула, грама, джати, шрени, гана, сангха и т.д. Общинные порядки пронизывали слабые государственные образования, возникавшие на территории Индостана, и способствовали гораздо большей независимости общинно-кастовых структур от государства. Устойчивый общинный уклад во многом определял мотивацию поступков и поведение бесчисленных царей и царьков древней Индии, выступавших своего рода гарантами

гражданского мира и равновесия внутри общества. Население Индии привыкло видеть в общине главный институт, поддерживающий порядок и обеспечивающий каждому реализацию его *дхармы*, то есть его долга перед семьей, обществом и сакральным миром.

На протяжении многих веков и даже тысячелетий Индия в целом, по сути, состояла из больших и малых общин разных типов и уровней организации, связанных между собой иерархической структурой. Образно можно сказать, что вся страна в древности и в средневековье выглядела как составная великая макрообщина.

В начале I тыс. до н.э. наблюдается экономический подъем древневосточных государств, вызванный внедрением производства железа (а вернее стали), интенсивным развитием сухопутной и морской торговли, заселением всех удобных для жизни территорий. Между различными государствами устанавливаются новые экономические и культурно-политические связи. Усиливается неравномерность социально-экономического и политического развития. Ряд государств распадается на части и сходят с исторической арены (Хеттское царство, Митанни). Некоторые переживают упадок и уступают свою роль другим государствам. Развернувшаяся уже во II тыс. до н.э. борьба за создание обширных империй приводила к поочередному возвышению то Египта, то Вавилонии, то Хеттского царства. Но гегемония этих государств распространялась только на отдельные части ближневосточного мира и была кратковременной. Лишь в I тыс. сформировались предпосылки и появились возможности и средства для образования грандиозных империй, которые стали заключительной фазой эволюции государственности на Древнем Востоке. Среди них особо выделяется Ассирия. Мировая Ассирийская держава, у основания которой стоял выдающийся правитель Тиглатпаласар III, стала первой подлинной империей древности.

Основными предпосылками борьбы за «мировое господство» явились три способа обеспечить перераспределение прибавочного продукта в международных масштабах. Первый, наиболее простой и уже традиционный метод, заключался в отнятии прибавочного

продукта у соседей с помощью войны. Изменился масштаб завоеваний. Грандиозные захваты чужих территорий стали возможны вследствие достижений в области военного дела: переход на стальное вооружение, успехи в развитии кораблестроения, широкое использование конницы и т.д.

Второй способ – объединение в рамках единого государства областей, специализирующихся на различных видах хозяйственной деятельности (зерновое хозяйство, ремесло, скотоводство, добыча полезных ископаемых). Интеграция этих частей в единый хозяйственный комплекс и обеспечение единой системы управления им приводили к общему экономическому подъему и соответственно увеличивало доходы государственной казны.

Третий способ увеличения объема прибавочного продукта – контроль над важнейшими торговыми путями и международной торговлей с целью получения сверхприбыли за счет неэквивалентного обмена и высоких пошлин.

Все три способа предполагали войну. Империи, или так называемые «мировые державы», принципиально отличались от сравнительно крупных государств ранней древности. Во-первых, империи насильственно объединяли территории, неоднородные по своей экономике, по географическим условиям, по этническому составу, по культурным традициям. Во-вторых, если территориальные царства не нарушали в основном традиционной структуры управления подчиненных стран, то империи стремились к административно-территориальной унификации (области, сатрапии, провинции, уезды). Все государство в целом управлялось из одного центра. Автономные единицы имели подчиненное значение, и имперская власть не спешила уравнивать их жителей с населением государства-завоевателя.

Ранние империи как огромные машины для ограбления множества народов не могли быть устойчивыми образованиями. Грабительская политика империи вступала в противоречие с потребностями расширенного воспроизводства и нормального разделения труда между включенными в ее состав областями. Торговые пути, вследствие произвола имперской администрации по

отношению к купцам, вскоре будут перенесены за пределы империй – в финикийско-греческий полисный мир и Великий шелковый путь.

Внутренний распад империи обычно начинается тогда, когда более или менее выравнивается уровень экономического, культурного и военного развития ее составных частей, а правящая элита на местах перестает нуждаться в поддержке со стороны имперского центра и восстает против него. При этом следует отметить, что мировые державы были необходимым и плодотворным этапом развития цивилизации, вопреки мнению Тойнби, Шпенглера и др. Империя обеспечивала своим составным частям устойчивый мир, свободу торговли и защиту от варваров. Культура метрополии вступает в контакт и взаимообмен с более древними и, как правило, более развитыми культурами своих провинций, что способствует обогащению культуры в целом.

Негативным явлением поздней древности, то есть времени создания полиэтнических империй, становится враждебность в отношениях между различными народностями, вошедшими в состав огромного государства и народом-победителем, из среды которого формируется высшая прослойка военно-бюрократического аппарата.

В период имперской древности возникает и религиозная рознь, незнакомая ранее жителям Востока. Всплеск враждебности был связан, прежде всего, с появлением догматических религий «Осевого времени». Складывание религий «спасения» и «откровения» было шагом вперед в духовном развитии человечества, но одновременно это принесло множество несчастий и зла.

В рамках имперских государств происходит деформация общинных структур. Но и здесь община как наиболее естественная форма социальной организации продолжала существовать как в сельской местности, так и в городах, иногда вопреки усилиям государства, а иногда при его содействии – прежде всего в фискальных целях и для удобства управления. Именно в таком виде община сохранилась на Востоке до наших дней.

Подводя итог рассмотрению таких важнейших институтов древности как община и государство можно выделить характерные черты двух фаз⁶⁶. Для *ранней древности* было характерно:

1. Наличие полноправных свободных граждан, являвшихся основной социальной группой и созидательной силой, объединенных в территориальные общины (сельские и городские) которым принадлежало верховное право собственности на землю. Территориальная община состояла из домашних общин или «домов», имеющих тенденцию делиться на нуклеарные семьи. В рамках общин доминировала психология взаимопомощи и коллективной ответственности.

2. Религиозные системы ранней древности были политеистичны и ритуалистичны. Они выросли из первобытных верований и представлений. Служители культа в них образуют особое сословие или корпорацию – жречество (здесь исключением может служить только Китай), обладающее экономическим и идеологическим могуществом.

3. Государство ранней древности представляет собой ном, конгломерат городов-государств или территориальное царство.

Для *поздней древности* характерны следующие перемены:

1. Общинная собственность на землю ослабевает, усиливаются владельческие права отдельных семей, вплоть до купли-продажи земли и возникновения частной собственности на нее. В составе централизованных государств или империй соседские общины утрачивают самоуправление и превращаются в административные и фискальные единицы.

2. Возникает новый тип государства – империи или мировые державы.

3. Происходят важные перемены в социально-психологической сфере – ослабление коллективистских начал и рост индивидуализма.

---

⁶⁶ Характерные черты двух стадий древности наиболее четко выделены В.А. Якобсоном в предисловии к I-ому тому «Истории Востока» (см.: История Востока. Т.1. Восток в древности. М., 1997. С. 23).

Впрочем, на Востоке это заметно в гораздо меньшей степени, чем в полисах Запада.

4. Возникают и распространяются новые религии и философские учения, в которых центральную роль играет этика. В этом плане позднюю древность именуют иногда «Осевым временем». Именно в это время жили создатели мировых религий и великих философских систем: Заратустра, Будда, Конфуций, Лао-цзы, библейские пророки, Сократ, Платон, Аристотель и др.

Степень и глубина изменений в различных регионах была неодинаковой, но общие тенденции прослеживаются наглядно. На смену одним империям приходили другие. На Ближнем Востоке вслед за Ассирией появились Нововавилонская, Персидская, Селевкидская, Римская, Парфянская; в Индии – империя Маурьев сменилась Кушанской, а затем империей Гупт; в Китае империя Цинь быстро сменяется империей Хань. Значит для обществ поздней древности это было жизненной необходимостью.

В заключение можно сказать следующее. Несмотря на существенные различия в формах социальной организации и государственности все восточные общества имеют отчетливо выраженный корпоративный характер, будь то общины, большие семьи, кланы, землячества, касты, секты и т.д. На Древнем Востоке не сложилось условий для расцвета индивидуального начала, только в рамках жестко организованной корпорации отдельный человек мог чувствовать себя в относительной безопасности и обладать определенными гарантиями защиты от произвола государства.

Словарь терминов

аберрация – лат. – искаженная точка зрения или заблуждение, отклонение от истины.

автаркия – греч. – самодостаточность, самообеспеченность, была характерна для крупных вельможных и государственных хозяйств. Все необходимое производилось внутри самого хозяйства.

анимизм – лат. – вера в существование душ и духов, обязательный элемент всякой религии.

архаический – греч. – древнейший период, предшествовавший возникновению цивилизации.

вмещающий ландшафт – присущая конкретному обществу природная среда, складывающаяся во взаимодействии природных факторов и хозяйственной деятельности человека.

гетерогенность – греч. – неоднородность, наличие различных частей чего-то целого.

гомогенность – греч. – однородность; языковая, этническая или конфессиональная.

гуруши – социальное содержание термина постоянно менялось. В раннединастический период – это «молодец», свободный человек, взрослый работник. В период III династии Ура это, по сути, подневольные работники в государственном хозяйстве близкие по своему положению к рабам. Это – фактически государственные рабы.

даса – санскр. – это слово обозначало первоначально чужака или противника, но со времен Ригvedы стало основным термином для обозначения раба.

детерминизм – от лат определять – признание всеобщей объективной закономерности и причинной обусловленности всех явлений природы и общества. Существуют различные виды детерминизма, которые выделяют в качестве всеопределяющего фактора одну главную

закономерность (географический, экономический, биологический детерминизм).

дефениция – определение, понятие.

джаджмани – система взаимного обмена услугами в пределах кастовой общины, где каждая кастовая группа выполняла строго определенные функции и получала за это часть совокупно произведенного продукта или плату.

джати – санскр. – каста, наименьшая эндогамная группа в Индии.

дихотомия – греч. – противопоставление двух частей единого целого (например, Востока и Запада).

доминанта – лат. – главенствующая идея, основной признак.

европоцентризм – убежденность в том, что европейская цивилизация, олицетворяющая идею прогресса, является эталонной, высшей, а европейская культура превосходит все другие благодаря особому статусу личности, совершенству политического устройства, технологическому приоритету и т.д.

жун – крестьяне-общинники в Шанский период истории.

иерархия – это система соподчинения, при которой в обществе каждая социальная группа занимает свойственное только ей, более высокое, или напротив, более низкое относительно других групп положение.

клиентела – лат. – в Древнем Риме форма взаимоотношений между патроном и клиентом. В более широком смысле – отношения социальной зависимости, складывающиеся на этапе становления цивилизации на основе имущественного неравенства.

консенсус – лат. – согласие, единодушие.

кутии – горные племена, обитавшие в районе Загроса на стыке Верхней Месопотамии и Иранского нагорья. Вероятнее всего принадлежали к кавказской языковой семье. В XXIII в. до н.э. кутии господствовали в Нижней Месопотамии.

легизм – лат. – школа «законников» - кит. назв. фадзя – одно из философских направлений в Древнем Китае, исходившее из идеи всемогущего государства и неукоснительного исполнения законов.

менталитет – лат. умственный – совокупность преобладающих в обществе духовных установок, умонастроений, традиций, привычек, имеющих отношение к социальной жизни, политике. Под ментальностью также понимают образ мыслей, комплекс умственных навыков, психологических установок, присущих отдельному человеку или общественной группе.

меритократия – греч. – власть лучших, наиболее достойных.

мушкенымы – сословие свободных, но неполноправных людей в Старовавилонском царстве.

ном – греч. – область, ограниченная естественными пределами, включающая обычно или приток крупной реки, или магистральный канал. Греки использовали это понятие изначально применительно к Египту, но потом оно было распространено и на другие регионы Древнего Востока.

номад – греч. – кочевник.

ориенталистика – лат. – востоковедение.

Осевое время – понятие, введенное немецким философом культуры К. Ясперсом, для обозначения периода с VIII по II вв. до н.э., в течение которого произошел радикальный сдвиг в духовной жизни общества выражающийся в осознании радикального разрыва между мирским и трансцендентным порядками, что породило новое видение мира и места человека в нем.

парадигма – лат. – совокупность общенаучных и мировоззренческих представлений, объединяющих различные теории, концепции и методологии, и доминирующих в течение более или менее длительного времени.

политогенез – лат. – процесс складывания государственности и политической системы.

псевдолатифундия – лат. – крупное государственное хозяйство при III династии Ура, внешне напоминающее владение римских магнатов.

редистрибуция – централизованное перераспределение отчужденного избыточного продукта главой группы, вождем, правителем государства с целью обеспечить выполнение собственных ролевых функций, повысить свой авторитет, обеспечить поддержку ближайшего окружения и общества в целом.

редукция – лат. – упрощение, сведение сложного к более простому, обозримому, более доступному для анализа.

синойкизм – греч. – сселение жителей из мелких поселков и общин к центру номов.

социогенез – лат. – процесс становления сложного стратифицированного общества.

тамкар – торговый агент при храме или в государственном хозяйстве, являвшийся одновременно и административным лицом, и частным предпринимателем.

тотемизм – комплекс верований и обрядов родового общества, связанных представлением о родстве между группами людей (обычно родами) и так называемыми тотемами – видами животных или растений; каждый род носил имя своего тотема. Его нельзя было убивать и употреблять в пищу. Тотемизм был присущ всем народам мира, а его пережитки сохранились во всех религиях.

урбанизация – лат. – возникновение и рост городов, являющихся форпостами рождавшейся на Древнем Востоке цивилизации.

фетишизм – фр. – культ неодушевленных предметов (фетишей), наделенных сверхъестественными свойствами.

шрени – цеховая корпоративная организация ремесленников в Древней Индии.

эвгемиризм – наделение мифических персонажей чертами реального исторического лица.

эвристика – греч. – искусство нахождения истины, система логических приемов и методических правил теоретического исследования, метод обучения.

эгалитаризм – фр. – равенство – принцип общественной жизни, предполагающий уравнительность.

эмпирия – греч. – человеческий опыт, восприятие внешнего мира посредством наблюдения.

энси – первоначально «жрец-строитель» в храмовом хозяйстве древнего Шумера, позднее – правитель номового государства.

эпигоны – греч. – подражатели, ничего нового не вносящие в развитие той теории или учения, последователями которых они себя объявляют.

эпиграфика – греч. – вспомогательная историческая дисциплина, изучающая древние надписи, сделанные на твердых материалах (камень, металл, керамика и т.д.).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	3
Глава 1. Понятие «Древний Восток»: географические и хронологические рамки.....	5
Глава 2. Категории «формация», «цивилизация», «культура» как базовые в описании и объяснении истории Древнего Востока.....	18
Глава 3. Проблемы источниковой базы и абсолютной хронологии Древнего Востока.....	43
3.1. Проблемы источниковой базы.....	43
3.2. Проблемы хронологии.....	51
Глава 4. Краткий очерк историографии Древнего Востока.....	65
4.1. Зарубежная ориенталистика.....	65
4.2. Отечественная ориенталистика.....	93
Глава 5. Община и государство на Древнем Востоке.....	115
Словарь терминов.....	142